

ISSN 2073-8315

В Е С Н І К

Магілёўскага дзяржаўнага
ўніверсітэта
імя А. А. Куляшова

НАВУКОВА-МЕТАДЫЧНЫ ЧАСОПІС

Выдаецца са снежня 1998 года

Серыя А. ГУМАНІТАРНЫЯ НАВУКІ
(гісторыя, філасофія, філалогія)

Выходзіць два разы ў год

1 (43)
2014

Галоўная рэдакцыйная калегія:

д-р філас. навук прафесар М.І. Вішнеўскі (галоўны рэдактар);
д-р гіст. навук прафесар Я.Р. Рыер (старшыня рэдакцыйнага савета серыі А);
канд. фіз.-мат. навук дацэнт Б.Д. Чабатарэўскі (нам. галоўнага рэдактара);
Л.І. Будкова (адказны сакратар)

Гісторыя:

д-р гіст. навук прафесар Я.Р. Рыер (Магілёў)
д-р гіст. навук прафесар І.А. Марзалюк (Магілёў)
канд. гіст. навук дацэнт К.М. Бандарэнка (Магілёў)

Філасофія:

д-р філас. навук прафесар М.І. Вішнеўскі (Магілёў)
д-р філас. навук прафесар П.С. Карака (Мінск)
д-р філас. навук прафесар А.П. Пунчанка (Адэса, Украіна)
д-р філас. навук М.С. Конах (Днепрадзяржынск, Украіна)
канд. філас. навук дацэнт В.У. Старасценка (Магілёў)
канд. філас. навук дацэнт А.В. Дзячэнка (Магілёў)

Філалогія:

д-р філал. навук прафесар В.І. Рагаўцоў (Магілёў)
д-р філал. навук дацэнт А.М. Макарэвіч (Магілёў)
д-р філал. навук прафесар Т.М. Валынец (Мінск)
канд. філал. навук дацэнт Т.Р. Міхальчук (Магілёў)
канд. філал. навук дацэнт В.В. Люкевіч (Магілёў)
канд. філал. навук дацэнт М.М. Караткоў (Магілёў)
канд. філал. навук дацэнт А.С. Лаўшук (Магілёў)
канд. філал. навук дацэнт С.А. Наскоў (Магілёў)

ЗМЕСТ

ГОНЧАРОВ Н.Н. Православно-русские конфессионально-этнические предпосылки становления монархического движения в Северо-Западном крае Российской империи (1865–1906 гг.)	4
ЕЛИЗАРОВ С.А. Материально-финансовая база местных органов власти и управления БССР (1930–1941 гг.)	13
ГАРМАТНЫ В.П. Аграрнае пытанне ў праграме польскай палітычнай партыі Народна-Нацыянальны Саюз (1919–1928 гг.)	22
МЕЗГА Н.Н. Советская межвоенная историография об основных проблемах советско-польских отношений середины – второй половины 1930-х гг.	29
ТАРАНОВИЧ К.Ю. Деятельность землеустроительных комиссий по оказанию агрономической помощи крестьянству Могилевской губернии (1906–1914 гг.)	38
ІВАНОЎ А.А. “Новыя кнігі”. Агляд выдавецкай дзейнасці на старонках газеты “Віленскі веснік”	47
РИЕР Я.А. Новейшие подходы в теории государствообразования в зарубежной историографии	54
КОВАЛЕВА Л.А. Контроль Уполномоченного НКВД СССР при правительстве БССР за внешнеполитической деятельностью Белоруссии	64
ЭЛБАКЯН Е.С. Возможности и условия межрелигиозного диалога	68
ТЯПКОВА А.И. Местечки Беларуси в записках иностранных путешественников XVI–XIX вв.	76
ТРИГУК М.О. Метафора как репрезентация текстовой категории “образ автора” в рассказе Т. Толстой “Круг”	84
КЯЗИМОВА ФАРИДА. Акцентологические варианты в русском языке	90
РЭЦЭНЗІІ	
МАЦЕВИЧ И.Я. Эстетическое очарование тайнами природы (Карако П.С. Эстетика природы : монография. – Минск : Экоперспектива, 2012. – 246 с.)	97
ЗВЕСТКІ ПРА АЎТАРАЎ	101
SUMMARIES	102

ІСТОРЫЯ, ФІЛАСОФІЯ, ФІЛАЛОГІЯ

УДК 94(476):271.2

Н.Н. ГОНЧАРОВ

ПРАВОСЛАВНО-РУССКИЕ КОНФЕССИОНАЛЬНО-ЭТНИЧЕСКИЕ ПРЕДПОСЫЛКИ СТАНОВЛЕНИЯ МОНАРХИЧЕСКОГО ДВИЖЕНИЯ В СЕВЕРО- ЗАПАДНОМ КРАЕ РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ (1865–1906 гг.)

В публикации аргументируется современное концептуальное видение институционализации монархического движения в Северо-Западном крае Российской империи. Монархическое движение дифференцировалось по направлениям общественной жизни на православно-русский духовный, политический и социальный монархизм. Во второй половине XIX – начале XX в. наблюдались тенденции перманентной монархической радикализации и интеграции праворадикалов в социальную систему Северо-Западного края, являвшуюся элементом общественной сверхсистемы Российской империи.

Введение

Вопрос о роли общечеловеческих ценностей в общественной жизни является ключевым в современной дифференциации народов на “передовые” и “отстающие”. Духовные идеалы христианской системы ценностей, очищенные от религиозных символов научно-рациональным мировоззрением, заложены в гуманистическую основу Всеобщей декларации прав человека 1948 г., сконцентрировавшей в себе общечеловеческие ценности нашей эпохи, основным защитником которых позиционирует себя современная интеллектуальная элита западных стран XXI в. По своему нравственному содержанию идентичные общечеловеческим ценностям христианские идеалы в историческом прошлом во многом оказывали определяющее влияние на процессы в общественном сознании восточнославянских народов, что в полной мере проявилось в становлении и развитии общественных движений на территории Северо-Западного края Российской империи второй половины XIX – начала XX в.

Материалы публикуются с целью раскрыть православно-русские конфессионально-этнические предпосылки формирования монархического движения на территории северо-западных губерний Российской империи. Во второй половине XIX в., начиная с 1865 г. создаются первые западнорусские православно-монархические организации. В начале XX в. заложенная в основу идеологии российского монархизма православно-христианская система ценностей выполнила функцию стабилизации мо-

нархического движения, отраженную в программных документах Союза русского народа 1906 г.

В проведённом исследовании автор опирается на работы предшественников, в частности, на достижения советской историографии. Представителем советской академической науки Н.А. Смирновым раскрыт монархизм православных братств, начиная с их возрождения в Российской империи, с 1864 г. [1, с. 279-297]. Е.Ф. Грекулов и М.М. Персиц конкретизировали влияние восстания 1863–1864 гг. на рост православно-монархических настроений в реакционно-консервативной среде [1, с. 227-244]. В отечественной историографии доктор исторических наук М.С. Корзун раскрыл законодательную основу монархического диктата в православной церкви в Российской империи [2]. Первоисточники позволили раскрыть фактическую сторону вопроса становления православно-русского духовного монархизма в Северо-Западном крае Российской империи [3, 4, 5-9, 10].

По авторскому определению монархическое движение представляло собой духовное, политическое и социальное явление общественной жизни Северо-Западного края, как и Российской империи в целом. Следует акцентировать внимание на возможности синтеза тенденций *перманентной радикализации* ультраправых организаций и *интеграции* праворадикалов в модернизированную социальную и политическую систему путем трансформации политической энергии правого радикализма (*интеллектуального и физического потенциала* черносотенцев) в конструктивную социальную активность посредством православных и общехристианских ценностей, отражающих объективную силу исторических закономерностей общественного развития. В этом заключается возможность практического применения результатов исследования современными идеологическими центрами Республики Беларусь. Информация в статье датируется по старому стилю.

Основная часть

Организации западнорусской ветви российского монархизма развивались в русле двух основных тенденций: волнообразной *перманентной радикализации* и *интеграции* крайних монархистов в модернизированную политическую и социальную систему, претерпевшую значительные трансформации в результате прогрессивных реформ второй половины XIX – начала XX в. Политическое направление монархического движения в основном носило агрессивный характер. Становление и развитие западнорусских организаций духовного монархизма направлялось объективной силой православно-христианских ценностей, нивелировавшими политические крайности и стабилизовавшими монархическое движение, что создавало предпосылки для интеграции реакционеров и крайних консерваторов из радикальных монархических рядов в общественную жизнь многоэтничного и поликонфессионального Северо-Западного края.

Во второй половине XIX в. реформы Александра II, раскрепостившие инициативу подданных Российской империи, привели к пробуждению политического сознания как революционно-демократических кругов прогрессивной общественности, так и реакционно-монархических группировок [11, с. 127, 129]. В результате восстания 1863–1864 гг. в регионе, охваченном вооружёнными столкновениями, накалилась этнополитическая обстановка. Политическая активизация православно-русского духовенства содействовала усилению монархических настроений в реакционно-консервативной среде. Как отмечали Е.Ф. Грекулов и М.М. Персиц: *“Церковь и духовенство решительно встали на защиту... самодержавия во время национально-освободительного восстания в губерниях Царства Польского, Литве и Белоруссии в 1863 г. Одобрив назначение умирителем восстания генерала М.Н. Муравьёва, московский митрополит Филарет направил ему икону архистратига Михаила с своим благословением... Духовенство принимало широкое участие в организации и рассылке верноподданнических адресов от имени крестьян с благодарностью за их... освобождение от польских помещиков”* [1, с. 238]. Пропаганде монархической идеи способствовал православный традиционализм патриархальных слоёв “русского” населения, воспринимавших монархию в качестве оплота веры.

В середине 1860-х гг. западнорусская монархическая общественность формирует православно-монархические организации, получившие официальный статус “братств”. По утверждению Н.А. Смирнова: *“В XIX в., в связи с восстаниями, охватившими не только губернии Царства Польского, но частично Белоруссию и Украину, православные братства возродились в качестве оплота царизма. В 1864 г. были опубликованы основные правила для этих братств, которые должны были стать очагами пропаганды воинствующего православия и любви к царю”* [1, с. 291].

Первыми центрами формировавшейся западнорусской ветви российского монархизма стали важные в географическом и культурном отношении города Минск и Вильно, в которых возникают в 1865 г. соответственно Свято-Николаевское и Свято-Духовское братства. Еще в проекте создания предполагалось их противопоставление польско-католическому “засилью”. Архиепископ Минский Антоний (Зубко) в записке “О миссионерских братствах для распространения православия и русской народности в Северо-Западном крае”, направленной графу М. Муравьёву в конце 1864 г., прямо указывал на их цели: “Ваше Высокопревосходительство, Милостивейший Государь! Давно у нас в Минске в брожении мысль о составлении миссионерско-патриотического братства для распространения у нас православия и русской народности... Для объединения всех русских сил здешней интеллигенции, для возбуждения в них энергии и единомыслия нужно учредить в Минске, как центре русского населения, под нашим управлением находящегося, *патриотическое миссионерское общество*, о котором по натиску общественного мнения писал к Вашему Высокопревосходительству Преосвященный Михаил.

Общество это, чтобы не тревожить преждевременно ксёндзов и примениться к закону, назвать можно религиозным братством, или прямо *братством*. Девиз его: распространение убеждения о потребности единой державы и православия, на которых держится единство и крепость России” [4, с. 3-5, 10].

А. Миловидов, деятель Виленского Свято-Духовского братства, историк конца XIX – начала XX в., раскрыл значение отмеченной выше инициативы: “...В этом случае Антоний Зубко был выразителем русского общественного мнения не только Минска, но и Вильны... Проект организации западнорусского патриотического общества был близок к осуществлению, но не одобренный свыше дал толчок к восстановлению Виленского Свято-Духовского братства” [4, с. 4]. В становлении православно-русского духовного монархизма консолидирующую функцию выполнили реакционно-консервативные круги западнорусской общности и представители официальных институтов Российской православной церкви [12, с. 5, 6, 12, 17].

М. Муравьёв вскоре после подачи ему этого проекта создания “западнорусского патриотического общества” оставил Северо-Западный край. В 1865 г., несмотря на препятствия со стороны петербургских чиновников, при приемнике М. Муравьёва виленском генерал-губернаторе, генерал-адъютанте, фон-Кауфмане в городах Минске и Вильно всё-таки возникают Свято-Николаевское и Свято-Духовское православные братские организации. Своевременность создания “миссионерско-патриотических обществ” и одновременно разочарование в “иноверческом правительстве” выразил Михаил, архиепископ Минский и Бобруйский в утвержденном им уставе Минского Свято-Николаевского братства 17 апреля 1865 г. [6, с. 18; 12, с. 12, 15, 26].

Православно-монархическая направленность созданных церковно-общественных организаций, включавших в свой состав представителей разных сословий, проявилась в проводимых культурно-просветительских мероприятиях и агитационно-пропагандистских материалах. Минское Свято-Николаевское братство было пассивным. Наиболее масштабной и результативной была “миссионерско-патриотическая” активность Виленского Свято-Духовского братства, распространявшего в соответствии с уставом свою деятельность на всю территорию Северо-Западного края. По уставу, утвержденному в августе 1865 г. митрополитом Литовским Иосифом и виленским генерал-губернатором, генерал-адъютантом, фон-Кауфманом, к “предметам занятий” Свято-Духовского братства относилась забота “о покровительстве... лицам, кои своею деятельностью оказали услуги Православному Русскому делу в Крае” [13, с. 27-28]. В 1868–1869 гг. “Государь Наследник Цесаревич”, будущий император Александр III, ознакомившись “о цели, средствах, направлении и деятельности Св.-Духовского братства, благоволил принять на себя звание почётного члена братства” [2, с. 36].

Необходимо отметить, в соответствии с созданным в 1832 г. Сводом законов Российской империи (1-й том Свода, раздел “Основные законы”, статья 42) самодержавие официально объявлялось оплотом русского православия: “Император яко христианский государь есть верховный защитник и хранитель догматов господствующей веры и блюститель правоверия и всякого в Церкви святой благочиния”. В примечании к этой статье особо отмечалось: “В сем смысле император в Акте о наследии престола 1797 г. апр. 5 именуется главою Церкви” [2, с. 138-139; 14, с. 121]. В новых Основных законах Российской империи, принятых 23 апреля 1906 г., главенство императора над православной церковью с прежней формулировкой фиксировалось в 64 статье [14, с. 137].

Первая масштабная кодификация законов Российской империи с указанием главенства монарха над православной церковью была осуществлена в годы правления императора Николая I, при котором министр просвещения С. Уваров сформулировал основные направления внутренней политики монархического государства в знаменитой триаде “Самодержавие. Православие. Народность”. К началу XX в. традиционный русский идеал “Православие” занял первенствующее место в монархическом кредо: “Православие. Самодержавие. Народность”.

С 18 марта 1895 г. значительно повышается статус Виленского Свято-Духовского братства: за высокие заслуги перед русским православием и империей эта организация берётся под особое покровительство императором Николаем II, что было отражено в названии организации: “Состоящее под Высочайшим Его Императорского Величества покровительством Виленское Православное Свято-Духовское братство” [7, с. 3]. Таким образом, к 1895 г. формируется православно-русское духовное направление монархического движения в северо-западной части России. Виленское Свято-Духовское братство, активизировавшееся в масштабах всего Северо-Западного края, становится первой организацией, представлявшей институционально оформившееся духовное направление западно-русской ветви российского монархизма.

Для представителей духовного монархизма в общественной жизни важен был не путь насилия, а диалог различных слоёв населения, что достигалось в просветительской и благотворительной деятельности на благо русской веры и народности под эгидой самодержавия. В “христианском духе” архиепископ Минский Антоний (Зубко) особо отмечал в записке “О миссионерских братствах для распространения православия и русской народности в Северо-Западном крае” методы работы “миссионерско-патриотической” организации: “Братство должно действовать не официальным предписанием, но нравственным убеждением” [4, с. 10]. Политические крайности на этапе первой масштабной волны монархического радикализма середины 1860-х гг. проявились в имевшей успех попытке реакционеров объединить политику и религию, и только благодаря стабилизирующей функции духовной основы православного христианства “тремучая смесь” политических крайностей и религиозного фа-

натизма не спровоцировала новый виток конфессионально-этнических конфликтов.

Церковно-общественные организации духовного монархизма выполняли значимую функцию консолидации на православной русской конфессионально-этнической основе представителей различных направлений западнорусской ветви российского монархизма. *Социальный монархизм был представлен* как организациями (культурно-просветительскими, благотворительными, социально-экономическими, сословными), распространенными в Российской империи, так и *обществами, формирование и деятельность которых было вызвано конфессионально-этническими локальными особенностями Северо-Западного края*. В частности, в 1869 г. в Вильно возникает Общество ревнителей православия и благотворителей в Северо-Западном крае, состоявшее с 1872 г. под “Высочайшим покровительством Её Императорского Величества Государыни Императрицы Марии Александровны”. *В отчете общества за 1872 г. акцентировалось внимание на локальной особенности “нужд православия и русской народности в Северо-Западном крае”, а также на сочувствии и “поддержке великорусского общества”* [8, с. 20].

В 1872 г. в организации состояло 176 членов. Среди них – статский советник Ф. Лешко, генерал-майор П. Пахомов, полковники П. Салтыков, П. Смыслов, протоиерей Н. Дмитриевский, священник И. Берман, почётный член – директор Департамента общих дел МВД тайный советник Мансуров. Председательствующим был Преосвященный Иосиф епископ Ковенский, викарий Литовской епархии. В политическом институте самодержавия и в царствовавшей династии члены общества видели опору православия и русской народности на территории Северо-Западного края [8, с. 4, 6-7]. Во второй половине XIX в. в деятельности Общества ревнителей православия и благотворителей в Северо-Западном крае институционально проявилась связь епархиальных центров с благотворительным движением под эгидой самодержавия. Православно-русская система ценностей придавала развитию организаций социального монархизма соответствующее конфессионально-этническое направление с ориентацией на монархические идеалы.

На этапе второй масштабной волны монархической радикализации, в годы первой российской революции, когда оформилось направление *политического монархизма* и легализовались правые партии, отдельные православные священнослужители, представлявшие официальные институты церкви, заняли радикальную монархическую позицию, демонстрируя *черносотенные убеждения*. Благочинный священник о. Феодор Вечорко в память о скоропостижно скончавшемся 27 января 1908 г. “на 64-м году жизни и 39-м году священства” члене Благочиннического совета 1-го округа Слуцкого уезда священнике слущкой Островской Свято-Михайловской церкви о. Василие Мацкевиче, состоявшем в Слуцком Свято-Преображенском братстве во имя Святого Животворящего Креста Господня, отмечал: *“Будучи по своим политическим убеждениям ис-*

кренним патриотом – черносотенцем, в настоящее тяжёлое время для Русского Государства о. Василий... убеждал... благо Родины... крепнет на незыблемом чистом православии, неограниченном Русском самодержавии и сохранении христианской русской народности” [15, с. 145]. Несмотря на радикализм речей, священнослужители личным моральным авторитетом влияли на стабилизацию монархического движения, трансформируя политические крайности черносотенцев в конструктивную социальную активность.

В начале XX в. общественно-политический опыт православно-русского духовенства проявился в сдерживании экстремизма черносотенцев, в нейтрализации наметившейся тенденции десоциализации праворадикальной личности, отрицавшей общепринятые нормы морали и права в массовых акциях насилия. Епископ Могилёвский и Мстиславский Стефан в опубликованном обращении (в “Могилёвских епархиальных ведомостях” за № 17 1905 г. и отдельной брошюрой), приуроченном к изданию Манифеста 6 августа 1905 г., призывал бороться с “изменниками” исключительно законными способами [10, с. 3, 4]. Впоследствии епископ Стефан стал одним из лидеров черной сотни, избирался почетным председателем на Московском съезде монархистов (27 сентября – 4 октября 1909 г.) [9, с. 463].

Официальные идеологические установки на общехристианские ценности были действенными и по мере возможности реализовывались практически на местах. В Орше 21 – 24 октября 1905 г. настоятель оршанского собора с определенным риском для себя активно пытался предотвратить еврейский погром [3, с. 5, 22]. Православно-русское духовенство выступило с осуждением белостокского погрома (1–3 июня 1906 г.). В Белостоке соборный священник о. Михаил Пешковский, священник Котович и учитель церковно-приходской школы (сын священника) Котович стремились умиротворить народ и остановить нарастающую радикализацию населения. С этой целью о. Михаил Пешковский принял активное участие в экстренном заседании городской думы Белостока 6 июня 1906 г. [5, л. 291, 324 (об.)].

К погромным инцидентам в Орше и Белостоке документально подтверждённое опосредованное отношение имели лица, вступившие в местные отделы Союза русских людей [3, с. 75; 5, л. 731 (об.)]. Погромное движение представляло собой не только социальный и политический феномен, но и своеобразный конфликт в области духовной культуры различных конфессионально-этнических групп населения [16, с. 15]. По этой причине в общественной жизни оказалась востребованной стабилизирующая функция православно-христианской системы ценностей.

В период интенсивных погромных акций, с 1903 до 1906 г. на белорусских территориях произошло не менее 50 инцидентов [17, с. 27]. Антиеврейское погромное движение грозило перерасти в тотальный погром неимущих слоёв населения против всех вышестоящих сословий. В борьбе с революционно-демократическим движением церковные иерархи де-

дали ставку не на экстремизм (грозящий социальным взрывом), но на монархическую информационно-кадровую революцию посредством представительных учреждений с информационной поддержкой печатных изданий правых партий и епархиальных центров. В целом, духовенство личным моральным авторитетом стабилизировало монархическое движение, направляя активность крайне правых в легитимное русло.

Стабилизирующую функцию христианских ценностей отметили сами черносотенцы в партийных программных документах. Именно аксиологического характера аргументация отказа от всероссийского погрома, способного спровоцировать социальный взрыв внутри страны, легла в основу программных положений Союза русского народа 1906 г.: “Русский народ, сознавая всё это и имея полную возможность... мог бы в течение одного дня подавить... и заставить их преклониться пред его волей, пред волей державного хозяина земли русской, но, руководясь высшими задачами христианского вероучения и слишком сознавая свою силу для того, чтобы отвечать им насилием, избрал другой путь для решения еврейского вопроса...” [9, с. 191]. В процессе социальной адаптации черносотенцев православно-христианские ценности стали значимым фактором легализации черносотенных группировок, ресоциализации праворадикальной личности (после погромных акций) и интеграции крайних монархистов в модернизированную (по положениям Манифеста 17 октября 1905 г.) политическую и социальную систему.

Заключение

Во второй половине XIX – начале XX в. монархизм представлял собой духовное, политическое и социальное явление общественной жизни Северо-Западного края, как и Российской империи в целом, и дифференцировался соответственно на православно-русское духовное, политическое и социальное направления, что отвечало основным векторам имперской внутренней политики, сформулированным в известной триаде “Православие. Самодержавие. Народность”.

К православно-русским конфессионально-этническим предпосылкам формирования монархического движения относятся: законодательно оформленное главенство самодержца над православной церковью в Российской империи, начиная с Акта о наследии престола от 5 апреля 1797 г. Павла I; монархическая позиция представителей православной иерархии; традиционализм патриархальных слоев православно-русского населения.

Организационные центры православно-русского духовного монархизма выполнили значимые функции по стабилизации черносотенного движения: придали духовный импульс легализации деятельности крайне правых; способствовали нейтрализации тенденции десоциализации праворадикальной личности, отрицавшей общепринятые нормы морали и права в массовых акциях насилия; содействовали ресоциализации личности черносотенца; консолидировали правых на православно-христианской

аксиологической основе и интегрировали крайних монархистов в социальную систему Северо-Западного края, являющуюся элементом общественной сверхсистемы Российской империи.

Универсальные христианские ценности повлияли на стабилизацию общественно-политической ситуации и предотвратили крайнюю радикализацию монархических объединений, угрожавшую социальным взрывом “справа” в Российской империи, что позволяет отметить приобщение белорусской нации (как и восточнославянских народов в целом) к общечеловеческим ценностям через православные и общехристианские идеалы ещё в период своего становления в начале XX в.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ

1. Церковь в истории России (IX–1917 г.) / под ред. д-ра ист. наук Н.А. Смирнова; АН СССР, Ин-т истории. – М. : Наука, 1967. – 336 с.
2. **Корзун, М.С.** Русская православная церковь на службе эксплуататорских классов: X век – 1917 год. – Минск : Изд-во “Беларусь”, 1984. – 255 с.
3. Дело о погроме в Орше 21–24 октября 1905 года. – СПб. : Тип. Ш. Бусселя, 1908. – 80 с.
4. **Миловидов, А.И.** Из бумаг архиепископа Минского Антония Зубко / сост. А.И. Миловидов. – Минск : Типолитография Б.В. Соломонова, 1900. – 15 с.
5. Национальный исторический архив Беларуси. – Фонд 1416. – Оп. 6. – Д. 820. Наряд корреспонденции, письмам и статьям, напечатанным в газете “Витебский голос”.
6. Отчет Минского православного Николаевского братства за 1866–1867 год. – [Б. м., 1867]. – 21 с.
7. Отчет о деятельности состоящего под Высочайшим Его Императорского Величества покровительством Виленского Православного Свято-Духовского братства за 1913 год. – Вильна : Типография “Русский почин”, 1914. – 93 с.
8. Отчет состоящего под Высочайшим Покровительством Ее Императорского Величества Государыни Императрицы Общества ревнителей православия и благотворителей в Северо-Западном крае за 1871–1872 год. – Вильна : Печатня О.С. Блюмовича, 1872. – 28 с.
9. Правые партии. Документы и материалы: в 2 т. / сост. Ю.И. Кирьянов ; редколл.: В.В. Шелохаев (отв. ред.) [и др.]. – М. : РОССПЭН, 1998. – Т. 1 : 1905–1910 гг. – 720 с.
10. **Стефан.** Пастырям Могилёвской церкви Преосвященнейшего Стефана, епископа Могилёвского и Мстиславского. – Могилев : Скоропеч. и литогр. Ш. Фридланда, 1905. – 5 с.
11. **Лебедев, С.В.** Слово и дело национальной России. Очерки истории русского патриотического движения / С.В. Лебедев. – М. : Институт русской цивилизации, 2007. – 576 с.
12. **Миловидов, А.И.** К 50-летию возрождения западнорусских братств при гр. М.Н. Муравьёве. (Архивная справка) / сост. А.И. Миловидов. – Вильна : Типография “Русский почин”, 1913. – 28 с.
13. Виленское Свято-Троицкое, впоследствии Свято-Духовское братство. – С.-Петербург : Издание редакции народного журнала “Мирской вестник”, 1876. – 60 с.

14. **Смолич, И.К.** История Русской церкви / И.К. Смолич. – М. : Изд-во Спасо-Преображенского Валаамского монастыря, 1996. – Ч. 1. – 800 с.
15. **Вечорко, Ф.** Священник Слуцкой Островской Свято-Михайловской церкви Василий Мацкевич / Ф. Вечорко. – Минские епархиальные ведомости. Часть неофициальная. – 1908. – № 6. – 15 марта. – С. 143–150.
16. **Шукшина, Т.А.** “Черносотенные” погромы октября 1905 года в России: культурный конфликт в российском обществе начала XX века : автореф. дис... канд. ист. наук : 07.00.02. / Т.А. Шукшина ; Южно-Уральский гос. ун-т. – Челябинск, 2010. – 25 с.
17. **Міхедзька, В.А.** Беларусь і беларусы ў ідэалогіі і дзейнасці расійскіх чарнасотенных арганізацый ў пачатку XX стагоддзя / В.А. Міхедзька // Известия Гомельского государственного университета имени Ф. Скорины / Учредитель : Гомел. гос. ун-т им. Ф. Скорины. – 2008. – № 4. – С. 26–32.

Поступила в редакцию 27.06.2013 г.

УДК 94(476):342.26

С.А. ЕЛИЗАРОВ

МАТЕРИАЛЬНО-ФИНАНСОВАЯ БАЗА МЕСТНЫХ ОРГАНОВ ВЛАСТИ И УПРАВЛЕНИЯ БССР (1930–1941 гг.)

В статье представлена попытка проанализировать систему распределения общегосударственных материально-финансовых ресурсов между центральными и местными органами власти и управления в БССР в 1930-е гг., ее роль в укреплении жесткой вертикали власти, влияние порядка формирования, объема и структуры материально-финансовой базы местных Советов на их возможности выполнять нормативно закрепленные права и обязанности, решать вопросы социально-экономического и культурного развития своих регионов, удовлетворять запросы и нужды населения.

Введение

Изменения в системе местных органов власти и управления в БССР, их функциях, правах и обязанностях в советский период истории обуславливались стремлением партийно-советского руководства создать наиболее эффективный государственный механизм реализации на местах приоритетных на тот или иной исторический момент задач социалистического развития. При этом реальные возможности территориальных органов власти и управления решать эти задачи, выполнять законодательно закрепленные за ними права и обязанности, степень их самостоятельности и характер участия в решении вопросов местной жизни определялись не только официальными документами, но и в огромной мере состоянием местной материально-финансовой базы.

Материальную базу местных Советов представляло местное хозяйство как часть общегосударственного имущества, расположенного в пределах конкретной административно-территориальной единицы и служившее удовлетворению местных потребностей. Финансовую основу деятельности местных Советов составляли местные бюджеты, включавшие в себя статьи доходов и расходов для решения главным образом местных задач в социально-культурной сфере, коммунальном и бытовом обслуживании населения. Распределения государственных материально-финансовых ресурсов между местными государственными органами власти и управления осуществлялось в соответствии со статусом контролируемых ими административно-территориальных единиц.

В белорусской историографии специальные исторические исследования по проблеме роли местного хозяйства и местного бюджета в решении задач социально-экономического и культурного развития республики, формирования и расходования местных материально-финансовых средств в БССР в 1930-е гг. отсутствуют. Учитывая важность этого аспекта функционирования системы государственного устройства БССР, автор в представленной статье попытался, во-первых, дать анализ политики высшего партийно-советского руководства в 1930-е гг. в отношении местного хозяйства и местных бюджетов в условиях курса на форсированное строительство социализма и формирование жесткой системы централизованного управления экономикой, во-вторых, исследовать исторический опыт реализации этой политики в БССР.

Основная часть

С конца 1920-х гг. в истории СССР начался новый качественный этап – этап форсированного строительства социализма. Ужесточилась государственная политика по ограничению и вытеснению частного, свертыванию рыночных отношений в пользу государственного централизованного управления обобществленным народным хозяйством. В связи с этим неизбежно менялась и сущность деятельности органов власти – централизованное планирование становилось основным методом государственного управления, что повлекло перестройку всей структуры государственного аппарата, системы соподчинения и новое разграничение функций разных его звеньев.

Постепенный процесс подготовки новой реорганизации административно-территориального деления конца 1920-х гг. был нарушен с началом массовой коллективизации. Первые месяцы ее осуществления выявили недостатки в работе местных (районных и сельских) органов в деле форсирования колхозного строительства, нехватку подготовленных для выполнения такой задачи кадров. Это привело руководство СССР к идее прямого подчинения местных органов управления (прежде всего районов как “узловых пунктов осуществления директив партии и Советской власти”) центру путем ликвидации округов, укрепления низового аппарата работниками, способными эффективно проводить на местах новую

партийно-государственную политику в деревне. Для практической реализации этого курса 15 июля 1930 г. ЦК ВКП(б) принял постановление “О ликвидации округов” [1, л. 14]. 23 июля 1930 г. данное решение было оформлено Постановлением ЦИК и СНК СССР [2, с. 73-75].

16 июля вопрос о ликвидации округов был рассмотрен на заседании Бюро ЦК КП(б)Б, решение которого 26 июля 1930 г. было оформлено Постановлением ЦИК и СНК БССР. Для практической его реализации создавалась Комиссия ЦИК БССР во главе с А.Я. Калниным (председателем ЦКК и наркомом РКИ БССР) [2, с. 75-76], [3, д. 4762, л. 105].

Постановлением ЦИК и СНК СССР “О ликвидации округов” райисполкомам передавались права и обязанности окружных исполкомов, а также их “материальные средства и культурные силы” для того, чтобы сделать из них “крепкие и близкие к населению органы власти по руководству всей политической, хозяйственной и социально-культурной жизни районов” [2, с. 74]. 3 августа 1930 г. решением СНК БССР “О составлении местных бюджетов на 1930/1931 год” доходные источники и расходные статьи окружных бюджетов распределялись между городскими Советами Минска, Витебска, Гомеля и сельскими районами “с дальнейшей передачей их низовым советам в зависимости от местных условий распоряжением райисполкомов”. За каждой административно-территориальной единицей были закреплены уточненные статьи доходов и расходов. Бюджеты Минска, Гомеля и Витебска по своим правам были уравнены с районами. Доходные статьи остальных городов практически соответствовали прежнему положению для неокружных городов. С 1931 г. впервые для всех сельсоветов вводились самостоятельные бюджеты: здесь основными источниками доходов стали отчисления от сельхозналога, помощь из госбюджета и районных фондов регулирования.

Структура расходов районных и городских бюджетов осталась прежняя, однако нагрузка на них увеличилась в результате распределения между ними сферы ответственности бывших окружных бюджетов. На сельские бюджеты были переданы все учреждения и мероприятия сельского значения (школы-четырёхлетки, народные дома, избы-читальни, фельдшерские пункты, детские ясли, расположенные на территории сельсовета, строительство и ремонт дорог сельского значения, противопожарная охрана), в ряде случаев даже учреждения, имевшие межселенное значение (школы-семилетки, больницы и др.) [4, д. 186, л. 30-34].

Ликвидация округов сопровождалась “переделом собственности” в пользу центральных органов – в ведение районных исполкомов (райисполкомов) передавались только предприятия местного значения, а все более-менее крупные предприятия закреплялись “за краевыми (областными) исполнительными комитетами и центральными органами союзных республик” [2, с. 74]. В 1931 г. в БССР из общего объема промышленной продукции в 836 711,5 тыс. р. на местную промышленность пришлось 42 306,9 тыс. р. (5%), а на “наркоматовскую” – 586 023,7 тыс. р. (70%), в первом полугодии 1932 г. из 509 388,8 тыс. р. – соответственно 28 490,7 тыс. р. (5,6%) и 345 042,7 тыс. р. (68%) (подсчитано по [5]).

К тому же реальное руководство Советами работой местной промышленности также было ограничено. Первоначально в январе 1931 г. для непосредственного управления предприятиями местной промышленности были созданы районные и городские (в Минске, Витебске и Гомеле) промысловые комбинаты, которые подчинялись райисполкомам и городским Советам. Но уже 3 сентября 1931 г. Постановлением СНК БССР для “планового развития” местной промышленности, подчиненной райисполкомам и горсоветам, создавалось Управление местной промышленности при республиканском ВСНХ, решения которого объявлялись “обязательными для районных комбинатов и предприятий местной промышленности”. Управление получило широкие права в области планирования, кадровых назначений, распределения бюджетных ассигнований и банковских кредитов, фондов на топливо, сырья и технического оборудования, регулирования вопросов сбыта продукции и т. п. [4, д. 186, л. 241, 393-393об.].

Таким образом, в результате осуществленного в 1930–1931 гг. перераспределения материальных средств в пользу республиканских органов власти и управления реальные функции местного хозяйственного руководства были значительно ограничены, а экономическая зависимость местных Советов от вышестоящих структур усилилась.

В последующие годы тенденция ограничения материальной базы местного хозяйства и усиления системы централизованного руководства экономикой продолжала усиливаться. В октябре 1933 г. решением СНК БССР в республиканское подчинение передавались относительно крупные предприятия местной промышленности, в том числе гомельский кондитерский комбинат “Спартак”, могилевская, мозырская, бобруйская и витебская мебельные фабрики, минская и гомельская чулочно-трикотажные фабрики, 11 лесозаводов и др. [4, д. 305, л. 232-232об.]. В результате объем валовой продукции местной промышленности в апреле–сентябре 1934 г. составил всего 3,6% от показателя предприятий союзного подчинения и 2,8% – республиканского [4, д. 352, л. 111, 198].

10 августа 1934 г. ЦИК СССР принял Постановление об образовании народных комиссариатов местной промышленности в союзных и автономных республиках “для управления предприятиями местной промышленности, ныне входящей в систему народных комиссариатов тяжелой, лесной, легкой и пищевой промышленности”. На эти наркоматы возлагалось руководство, регулирование, планирование и учет работы местной промышленности и управление непосредственно подчиненными им предприятиями, руководство строительством новых и реконструкцией действующих предприятий, материально-техническим снабжением и сбытом продукции, подготовкой кадров [6, с. 486-487]. В БССР Народный комиссариат местной промышленности был создан в сентябре 1934 г. В результате в 1935 г. объем производства предприятий этого наркомата в 7 раз превышал аналогичный показатель предприятий, оставшихся в подчинении местных органов власти [4, д. 405, л. 340].

Как и в 1920-е гг. наиболее крупные доходные статьи (с 1930 г. ведущее место занял налог с оборота) поступали в общесоюзный бюджет, часть из них передавалась республикам, а те распределяли их между республиканским и местными бюджетами, при этом размеры отчислений пересматривались союзными и республиканскими властями ежегодно. Так, Постановлением ЦИК и СНК СССР для БССР на 1933 г. устанавливался процент отчисления в республиканский бюджет (42,6%) от общей суммы собранного в республике налога с оборота предприятий союзного, республиканского и местного значения, а Постановлением СНК БССР были определены дифференцированные проценты отчислений в местные бюджеты. В целом из 336,3 млн р. доходов госбюджета БССР налог с оборота составил 123 млн р., из которых в местные бюджеты передавалось 27,9 млн р. [4, д. 305, л. 100-101об.].

Ликвидация округов и рост числа районов (в феврале 1935 г. в БССР были созданы 15 новых районов) привели к усложнению процесса непосредственного и оперативного руководства ими из республиканского центра. Подобного рода проблемы были характерны и для других регионов СССР. В одних случаях выход искали в разукрупнении больших административно-экономических областей и краев (РСФСР), в других – в образовании дополнительных окружных или областных звеньев административно-территориального деления. В БССР было принято решение о частичном восстановлении окружной системы: 21 июня 1935 г. Бюро ЦК КП(б)Б утвердило проект решения ЦИК и СНК БССР об организации Мозырского, Слуцкого, Лепельского и Полоцкого округов, который был оформлен в законодательном порядке в тот же день [2, с. 83-84], [3, д. 7742, л. 11].

Собственная материальная база вновь созданных округов была слабая и не играла существенного значения в доходных источниках окружных бюджетов (в 1937 г. подоходный налог с предприятий составил лишь 4% поступлений в окружные бюджеты). Главная роль принадлежала отчислениям от общегосударственного налога с оборота – в 1937 г. на эту статью пришлось 61% всех доходов округов, еще 25% составили поступления из фондов регулирования местных Советов. Основная часть расходов окружных бюджетов приходилась на отчисления в фонд регулирования – 42%, финансирование учреждений здравоохранения – 15%, органов управления – 14%, просвещения – 8%, промышленности – 7% [7, с. 484-485]. Таким образом, окружные органы власти стали играть роль еще одной инстанции, регулирующей распределение общегосударственных доходов.

Появление областей в 1938 г., а также новая классификация городских поселений (города областного и районного подчинения, городские и рабочие поселки) соответственно потребовали нового распределения материально-финансовой базы между местными Советами. С 1938 г. эти процессы приобрели еще более централизованный характер: в общий объем доходов и расходов вышестоящего бюджета стали включаться сводные показатели нижестоящих бюджетов. Это означало, что, разрабатывая

бюджет, каждый из местных Советов руководствовался показателями доходов и расходов, утвержденными для него вышестоящим Советом.

В 1930-е гг. в доходной части местных бюджетов почти ежегодно происходили существенные изменения, связанные с составом источников поступления доходов [10, с. 65-68]. К концу 1930-х гг. основные статьи собственных доходов административно-территориальных единиц составляли, во-первых, доходы от предприятий, организаций и имуществ, подведомственных местным Советам, во-вторых, местные налоги и сборы. Поступления от наиболее прибыльных государственных налогов и сборов (налог с оборота, отчисления от прибыли предприятий союзного значения, подоходный налог для кооперативных предприятий и т. п.), как сложилось еще с 1920-х гг., зачислялись в союзный бюджет. Часть этих средств шла на финансирование объектов союзного значения, часть в виде отчислений возвращалась в местные бюджеты. Правительство СССР при ежегодном утверждении единого государственного бюджета СССР определяла суммы, подлежащие передаче в бюджеты союзных республик на усиление местных бюджетов в соответствии с установленными на основе народнохозяйственного плана их расходами и размерами закрепленных за ними доходных источников. Эти суммы по тому же принципу распределялись республиканским руководством между бюджетами областей, области в свою очередь – между районами и городами областного подчинения и т. д. (таблица 1).

Таблица 1

Структура доходов местных бюджетов БССР в 1940 г., %

Бюджеты	Доходы от местного хозяйства	Местные налоги и сборы	Отчисления от гос. налогов и доходов	Другие доходы и дотации	Всего
Областные	9,6	0,9	59,8	29,7	100
Городские	7,6	36,8	40,9	14,7	100
Районные	4,9	11,5	64,2	19,4	100
Сельские	0,9	12,6	82,4	4,1	100
Все местные бюджеты	7,2	17,6	67,6	7,6	100

Примечание – Разработка автора на основе [11, с. 11, 27, 38, 54, 86].

При отсутствии четких и стабильных критериев процент отчислений от государственных налогов и доходов, передаваемых в местные бюджеты, в значительной степени определялся исходя из субъективных представлений союзных инстанций о роли местных органов власти и управления в решении задач социалистического строительства, а также в зависимости от способности местных руководителей оказать влияние на такие решения.

Основные суммы расходов местных бюджетов традиционно направлялись на развитие социально-культурной сферы: просвещение (в 1940 г. – 46,4%), здравоохранение и физическую культуру (21,2%).

В состав расходов на просвещение входили затраты по общему образованию и воспитанию детей и подростков, культурно-просветительской работе, подготовке кадров и т. п. По группе расходов на здравоохранение и физическую культуру проходили средства на содержание лечебных и санитарно-профилактических учреждений и проведение соответствующих мероприятий. Отдельную статью составляло финансирование нового строительства социально-культурных учреждений. В 1930-е гг. в связи с введением всеобщего обязательного начального образования, а затем и семилетнего обучения, созданием девятилеток и десятилеток, развитием системы здравоохранения расходы местных бюджетов на социально-культурные мероприятия значительно возросли (с 62,3 млн р. в 1931 г. до 940,5 млн р. в 1940 г.) [4, д. 186, л. 253об.], [11, с. 11, 105],

Второй по значению статьей местных расходов были ассигнования на развитие народного хозяйства – 16,1% (1940 г.) (рост с 35,3 млн р. в 1931 г. до 219,4 млн р. в 1940 г.) [4, д. 186, л. 408об.], [11, с. 105]. Сюда включались расходы на финансирование капитальных вложений, государственные дотации предприятиям и хозяйственным организациям промышленности, сельского хозяйства, строительства, государственной торговли, жилищного и коммунального хозяйства, подведомственных местным Советам.

Расходы на управление (11,7% в 1940 г.) включали средства на содержание органов государственного управления областных, городских, районных, поселковых и сельских Советов и их исполкомов, управлений и отделов исполкомов, созыву сессий Советов и т.п.: за 1931–1940 гг. затраты местного бюджета на эти цели увеличились с 14,2 млн р. до 160,1 млн р. [4, д. 186, л. 408об.], [11, с. 105].

К 1940 г. сложилась соответствующая новой структуре административно-территориального деления система дифференциации расходов местных бюджетов (таблица 2).

Таблица 2

Расходы местных бюджетов БССР в 1940 г., %

Статьи расходов	Бюджеты				
	областные	городские	районные	сельские и поселковые	Всего
Народное хозяйство	15,9	37,1	46,0	1,0	100
Социально-культурные мероприятия	9,5	26,1	58,3	6,1	100
в том числе:					
просвещение	8,0	19,2	65,3	7,5	100
здравоохранение	12,3	40,5	44,0	3,2	100
социальное обеспечение	21,9	21,4	49,2	7,5	100
Управление	22,8	9,0	57,4	10,8	100
Доля отдельных бюджетов	13,0	25,8	55,6	5,6	100

Примечание – Разработка автора на основе [11, с. 105, 134, 145, 161, 177, 193].

Из областных бюджетов средства главным образом направлялись на финансирование театров, выставок, музеев, музыкальных коллективов, капитального строительства школ и объектов жилищно-коммунального хозяйства, системы подготовки кадров средней квалификации.

На средства из районных бюджетов содержались районный государственный аппарат, детские сады и площадки, учреждения по подготовке кадров массовых профессий, большинство школ, объектов культуры, больниц и стационаров. Преимущественно из районного бюджета финансировались мероприятия по сельскому хозяйству (содержание станций по борьбе с болезнями животных, ветеринарные участки и лаборатории, мясомолочные станции). Значительную статью расходов составляли затраты по жилищно-коммунальному хозяйству городов, подчиненных райисполкомам.

В городах из городских бюджетов главным образом финансировалось жилищно-коммунальное хозяйство, частично – социально-культурные мероприятия, из городских районных – прежде всего сферы здравоохранения и просвещения. Так, в 1940 г. из бюджета Минска на нужды жилищно-коммунального хозяйства было направлено 15 137,7 тыс. р., в том числе из городского бюджета – 15 034,4 тыс. р. (98,5%), в то время как на здравоохранение – 5 665,9 тыс. р. (37% расходов бюджета города по этой статье), просвещение – 2 725,7 тыс. р. (13%). Соответственно бюджеты трех городских районов столицы на жилищно-коммунальное хозяйство выделили всего 103,3 тыс. руб. (1,5% всех городских расходов по этой статье), а на финансирование учреждений здравоохранения – 9 751,1 тыс. руб. (63%) и просвещение – 17 936,8 тыс. руб. (87%) [12, с. 4-5].

Сельские Советы свой ограниченный бюджет тратили на социально-культурную сферу (содержание и ремонт начальных и неполных средних школ, изб-читален, сельских клубов, библиотек, фельдшерских пунктов) и аппарат сельсоветов.

Сложившаяся дифференциация местных бюджетов свидетельствует, что районный аппарат власти и управления был тем основным органом, который решал практические вопросы удовлетворения основных потребностей населения в вопросах образования, здравоохранения, жилищно-коммунального хозяйства. Однако сами объемы финансирования этих сфер жизни советских людей определялись не на местах, а вышестоящими союзными и республиканскими органами. Вновь же созданные областные органы власти и управления также как и в случае с округами, оказались не в состоянии только за счет местных доходов выполнять свои задачи, превратившись главным образом в структуру, через которую республиканский бюджет перераспределял между нижестоящими Советами полученную из союзного бюджета часть государственных доходов.

Заключение

В 1930-е гг. происходит усиление централизованного характера формирования материально-финансовой базы местных Советов, обусловленное задачами форсированного строительства социализма, усилением централизованного директивного характера всей системы управления в СССР. Размеры и структура местного хозяйства определялись представлениями руководства СССР о роли и месте местных органов власти в решении вопросов экономического развития страны, при этом в ведении местных Советов осталось незначительное количество малоприбыльных предприятий и организаций. Несмотря на большие успехи в процессе индустриализации республики в эти годы, роль местного хозяйства в доходах административно-территориальных единиц была незначительной.

Основные статьи расходов местных бюджетов показывают, что главными сферами практической ответственности местных Советов были системы образования, здравоохранения и коммунального хозяйства. Однако возможности местных органов власти решать эти проблемы на своей территории прежде всего зависели не от их усилий, а определялись сложившейся системой формирования доходной части бюджетов административно-территориальных единиц. Такая система изначально предполагала дефицитность местных бюджетов, что обуславливалось централизованным порядком взимания большей части налогов и доходов в союзный бюджет. В основе данного подхода к регулированию отношений государственного и местных бюджетов, во-первых, лежала необходимость увеличения инвестиций для обновления крупной государственной промышленности и создания новых производств, что проще всего было осуществить путем государственного целевого перераспределения средств, полученных из регионов СССР. Во-вторых, задачи поддержки экономически менее развитых регионов за счет более развитых легче было решить путем концентрации основных средств в центре. В-третьих, такая система создавала материальную основу иерархичности построения вертикали органов государственной власти и управления и жестче, чем законодательные акты, определяла степень и границы самостоятельности местных Советов в решении проблем своих территорий, их авторитет среди населения.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ

1. Административно-территориальное устройство БССР : справочник : в 2 т. / Гл. арх. упр. при Совете Министров БССР, Ин-т философии и права АН БССР ; редкол.: В.А. Круталевич [и др.]. – Минск : Беларусь, 1985–1987. – Т. 1 : (1917–1941 гг.) / сост.: Т.А. Воробьева [и др.]. – 1985. – 390 с.
2. Национальный архив Республики Беларусь (НАРБ). – Фонд 101. – Оп. 1. – Д. 3773. Решения ЦК ВКП(б), ЦИК и СНК СССР, ЦКК КП(б)Б и НК РКИ БССР по вопросам ликвидации округов 1930 г.
3. НАРБ. – Фонд 4п. – Оп. 1. – Д. 4762, 7742. Протоколы заседаний Бюро ЦК КП(б)Б и материалы к ним 1930, 1935 гг.

4. ГАГО. – Фонд 296. – Оп. 1. – Д. 186, 305, 352, 405. Протоколы заседаний президиума и секретариата ЦИК БССР, СНК БССР 1930–1935 гг.
5. Картотека районов БССР 1932 г. / Кіраўн. нар.-гасп. вучоту БССР ; рэд. З. Кацнельсон. – Мінск : Галоўлітбел, 1933 (старонкі не пранумараваны).
6. История государства и права Белорусской ССР : в 2 т. / под ред. С.П. Маргунского [и др.] ; Ин-т философии и права Акад. наук БССР. – Минск : Наука и техника, 1970 – 1976. – Т. 1 : 1917–1936 гг. – 1970. – 608 с.
7. Бюджеты АССР и местных советов за 1937 г. / НКФ СССР, Бюджет. упр. – М. : Госфиниздат, 1939. – 544 с.
8. История государства и права Белорусской ССР : в 2 т. / редкол.: С.П. Маргунский [и др.] ; Ин-т философии и права Акад. наук БССР. – Минск : Наука и техника, 1970–1976. – Т. 2 : 1937–1975 гг. – 1976. – 655 с.
9. Бюджетное законодательство Союза ССР за 20 лет: сб. важнейших законодательств за 1917–1937 гг. / под рук. В.П. Дьяченко, Н.Н. Ровинского. – М. : Госфиниздат, 1938. – 411 с.
10. **Ширкевич, Н.А.** Местные бюджеты / Н.А. Ширкевич. – М. : Финансы и статистика, 1991. – 128 с.
11. Местные бюджеты СССР : стат. сб. / под рук. Г.В. Даркова. – М. : Госфиниздат, 1960. – 327 с.
12. Местный бюджет Минского городского совета депутатов трудящихся на 1941 г. / Мин. гор. финансовый отд. – Минск : [б. и.], 1941. – 18 с.

Поступила в редакцию 30.10.2013 г.

УДК 94,438 (“1919–1928”)

В.П. ГАРМАТНЫ

АГРАРНАЕ ПЫТАННЕ Ў ПРАГРАМЕ ПОЛЬСКОЙ ПАЛІТЫЧНАЙ ПАРТЫІ НАРОДНА-НАЦЫЯНАЛЬНЫ САЮЗ (1919–1928 гг.)

У артыкуле разглядаецца аграрнае пытанне ў праграме Народна-Нацыянальнага Саюза (ННС, Związek Ludowo-Narodowy, народныя дэмакраты, “эндэкі”, 1919–1928 гг.), адной з самых уплывовых палітычных сіл II Рэчы Паспалітай, якая выступала ў абарону інтарэсаў памешчыкаў і ў многім супрацьстаяла ажыццяўленню ў краіне аграрнай рэформы.

Уводзіны

На працягу ўсяго існавання II Рэчы Паспалітай (1919–1939 гг.) аграрнае пытанне заставалася невырашаным і надзвычай актуальным і зладзённым. Абсалютную большасць тагачаснага насельніцтва краіны складала сялянства, якое востра пакутавала ад зямельнага голаду і ўскладала вялікія надзеі і спадзяванні на прадстаўнікоў кіруючай эліты [1, с. 95–97, 113]. У сувязі з гэтым існуючыя ў гэты час шматлікія палітычныя партыі і арганізацыі прапаноўвалі свае шляхі вырашэння аграрнай праблемы,

імкнучыся схіліць сімпатыі сялянства на свой бок. Не стаў выключэннем і Народна-Нацыянальны Саюз, які быў на той час у міжваеннай Польшчы адною з самых уплывовых і аўтарытэтных палітычных арганізацый [2, s. 86, 98].

Асноўная частка

У лютым 1919 г. распачаў працу Заканадаўчы Сейм (Sejm Ustawodawczy), у хуткім часе ў яго шэрагах утварылася новая ўплывовая палітычная арганізацыя – Сеймавы Народна-Нацыянальны Саюз (ННС, Związek Sejmowy Ludowo-Narodowy) [3, s. 111]. 22 лютага 1919 г. сеймавы пасол (дэпутат) ННС Станіслаў Грабскі (Stanisław Grabski) у сваёй прамове выклаў свой погляд на вырашэнне аграрнай праблемы [4, s. 127], падкрэсліваючы неабходнасць стварэння дзяржаваю самых спрыяльных умоў для развіцця сельскай гаспадаркі краіны, у прыватнасці арганізацыю для сялян таннага крэдыта на меліярацыю надзела, выплату запазычанасцяў і куплю зямлі. Для надзялення малазямельных і беззямельных сялян зямлёю неабходна перадаць на іх карысць землі, якія засталіся без гаспадара, дзяржаўныя і касцёльныя маёнткі, а таксама землі, перададзеныя іх уласнікамі добраахвотна на карысць ажыццяўлення аграрнай рэформы. Дзяржава павінна была кантраляваць зямельны гандаль і забяспечыць для сялян права першаснага набыцця [5, s. 70]. Грабскі падкрэсліваў неабходнасць пазбягання “дзікай парцэляцыі” (продажу сялянам часткі памешчыцкіх зямель), якая неапраўдана ўздыме кошт на зямлю і прынесе карысць толькі спекулянтам.

7 красавіка 1919 г. паслы эндэкаў унеслі ў Заканадаўчы Сейм праект ажыццяўлення аграрнай рэформы, згодна з якім у рукі сялянства павінен быў перайсці значны абшар зямлі: найперш за ўсё з дзяржаўных маёнткаў, уласнасці прадстаўнікоў былых пануючых дынастый і замежных грамадзян, набытай са спекуляцыйнымі мэтамі, а таксама землі, перададзеныя добраахвотна на карысць аграрнай рэформы. На дзяржаву ўскладаўся абавязак вызначэння коштаў, якія б задаволілі абодва бакі, а таксама кантроль над вядзеннем лясной гаспадаркі, рэгуляцыяй дарог і рэк.

Праграма аграрных пераўтварэнняў была комплексна распрацавана і прадугледжвала таксама ліквідацыю сервітутаў (права сумеснага карыстання зямельнай уласнасцю), ажыццяўленне камасацыі (хутарызацыі) і меліярацыі зямель, пашырэнне сельскагаспадарчай адукацыі, выдачу сялянам танных крэдытаў і г. д. Падкрэслівалася таксама неабходнасць ажыццяўлення ў краіне “аграрнай рэформы” (а не “рэформ”), якая павінна была ўпарадкаваць землекарыстанне на вёсцы і спрыяць павышэнню ўзроўню агульнай сельскагаспадарчай культуры [6, s. 340].

Першы Усепопольскі з’езд ННС, у якім бралі ўдзел каля 3 000 дэлегатаў, прайшоў 11–12 мая 1919 г. [7, s. 17]. Вельмі хутка аказалася, што розніца ў поглядах на вырашэнне асноўных дзяржаўных праблем паміж галоўнымі складовымі часткамі новай арганізацыі занадата вялікая, таму з яе шэрагаў выйшлі некаторыя выбітныя палітыкі і іх прыхільнікі [8, s. 71]. Сацыяльную базу ННС складалі правыя сілы нацыянальнай накіраванасці, пры-

намсі прадстаўнікі вышэйшых маёмасных класаў і грамадскіх груп: памешчыкі, капіталісты, банкіры, адвакаты і г. д., дзякуючы чаму партыя мела ў сваім распараджэнні значныя фінансавыя сродкі і выдавала шматлікія перыядычныя выданні [4, s. 127; 5, s. 61].

Галоўныя дыскусіі ў Сейме ішлі наконт вызначэння максімуму ўладання зямлёю. 10 ліпеня 1919 г. Заканадаўчы Сейм па прапанове ўрада Ігнацы Яна Падэрэўскага пасля працяглай гарачай дыскусіі прыняў “Прынцыпы зямельнай рэформы і аддзяржаўлення лясоў” (W przedmiocie zasad reform rolnej) – першы закон па аграрным пытанні ў II Рэчы Паспалітай [9, s. 261]. Закон прадугледжваў стварэнне хутароў і прырэзку зямлі карлікавым гаспадаркам з вызначаных памешчыцкіх маёнткаў, прычым агульная плошча надзела не павінна была перавышаць 25 маргоў (14 гектар, 1 морг – 0,56 га). Кошт зямлі не вызначаўся, аднак мясцовым уладам пры вызначэнні кошту зямлі прадпісвалася прымаць пад увагу не толькі яе “вытворчую вартасць”, але і вартасць пасеваў, меліярацыйных работы і г. д. Уладальнікі самастойных гаспадарак пры магчымасці ўносілі плату наяўнымі, а малазямельныя сяляне маглі атрымаць ільготную дзяржаўную пазыку.

Закон ад 10 ліпеня 1919 г. хутчэй быў сеймаваю рэзалюцыяй і таму не атрымаў абавязковай сілы, але асноўныя яго палажэнні знайшлі працяг у наступных законах польскіх улад па аграрнаму пытанню [4, s. 135].

На II З’ездзе ННС 27 кастрычніка 1919 г. была прынята праграма партыі, якая прадугледжвала падтрымку нацыянальнай салідарнасці [3, s. 112-113], непарушнасць права прыватнай уласнасці, вырашальнае значэнне для польскага народа рымска-каталіцкай канфесіі, пошук саюзу з Францыяй у супрацьвагу Германіі, прыхільнасць рэспубліканскім і дэмакратычным выбарчым правам пры адначасовым вызначэнні абмежаванняў для прадстаўнікоў нацыянальных меншасцяў (найперш за ўсё беларусаў і ўкраінцаў) [1, s. 125; 8, s. 71].

Праграма ННС патрабавала захавання польскага характару дзяржавы, каб найбольш важныя сферы грамадскага, эканамічнага і культурнага жыцця знаходзіліся ў польскіх руках. У справах эканамічных і грамадскіх праграма таксама мела нацыяналістычны характар, насіла патрабаванні пашырэння польскай уласнасці і падтрымання грамадскай раўнавагі, якая б запэўнівала народнае адзінства. ННС стаяў у абароне інтарэсаў прыватна-капіталістычнай гаспадаркі і выступаў супраць пашырэння дзяржаўнай эканамічнай ініцыятывы. Дзяржаве адводзілася роля грамадскага пасрэдніка, які б садзейнічаў наладжванню кантактаў паміж працоўнымі і наймальнікамі і такім чынам пазбяганню забастовак [3, s. 113].

ННС падтрымліваў пашырэнне і эканамічнае ўзмацненне польскага сярэдняга класа, у тым ліку на вёсцы. Па аграрнаму пытанню народныя дэмакраты падтрымлівалі ажыццяўленне добраахвотнай парцэляцыі, ставілі галоўнаю мэтаю “захаванне асновы прыватнай уласнасці і эканамічнай свабоды” і дабіваліся “паляпшэння структуры землеўладання шляхам пазбаўлення празмерных супрацьлегласцяў і стварэння шматлікіх замож-

ных гаспадарак, якія, валодаючы дастатковымі ўмовамі для эканамічнай самастойнасці і тэхнічнага развіцця, з'яўляюцца найлепшаю падставаю сацыяльнай раўнавагі" [10, s. 27]. Дзеля дасягнення азначанай мэты неабходна была рэалізацыя наступнай комплекснай праграмы: 1) кантроль дзяржавы над абаротам зямлі і права першаснага выкупа маёнткаў, вызначаных на продаж; 2) правядзенне дзяржаўнай парцэляцыі і каланізацыі разам з выдачай сялянам танных крэдытаў на куплю зямлі; 3) продаж зямлі малазямельным і беззямельным сялянам, найперш за ўсё з маёнткаў членаў былых пануючых дынастый, а таксама набытых са спекуляцыйнымі мэтамі, дрэнна гаспадараванымі і г. д. [11, s. 67-68].

Стварэнне шматлікіх эканамічна самастойных рынкаваарыентаваных сялянскіх хутарскіх гаспадарак з'яўлялася мэтаю аграрнай палітыкі ННС, які выступаў катэгарычна супраць вызначэння норм, абмяжоўваючых памер землеўласніцкай гаспадаркі і рэгулявання дзяржаваю коштаў на зямлю. У праграме ННС патрабавалася, каб аграрная рэформа "аблягчала стварэнне буйных сялянскіх гаспадарак, а не тармазіла б іх развіццё забаронаю пакупкі зямлі больш вызначанай нормы" [5, s. 87].

ННС прызнаваў за дзяржаваю права на прымусовы выкуп зямлі ў такіх буйных гаспадарках, дзе якасць апрацоўкі глебы не адпавядала тагачаснаму ўзроўню вядзення сельскай гаспадаркі. Такім шляхам нацыянал-дэмакраты меркавалі ўпарадкаваць фінансы буйных польскіх землеўласнікаў, прымушаючы дзяржаву выкупаць у іх лішкі зямлі. Праграма ННС патрабавала, каб аграрная рэформа ахапіла ў першую чаргу дзяржаўныя землі і зусім не чапала "сярэдніх маёнткаў, асновы сельскагаспадарчага развіцця будучых гаспадарак" [12, с. 103].

У цэлым праграма партыі была кампрамісам паміж памешчыкамі і багатымі сялянамі. Першыя атрымалі магчымасць адбудаваць зруйнаваныя пад час вайны маёнткі і захаваць зямлю ў сваіх руках, а таксама гарантыю далейшай падтрымкі. Неабходна таксама падкрэсліць, што ў праграме было няясна абумоўлена, якія маёнткі можна лічыць дрэнна загаспадараванымі і павіннымі быць перададзенымі на ажыццяўленне парцэляцыі. Што датычыць верхушкі сялянства, то яна атрымала перспектыву набыцця зямлі і атрымання таннага крэдыта на камасацыю і меліярацыю.

15 ліпеня 1920 г., пад час найбольшай небяспекі для існавання Польскай дзяржавы, Сейм у хуткім парадку, нават без абмеркавання, аднагалосна прыняў новы, больш радыкальны, закон аб зямельнай рэформе: "Выканаўчыя правілы да закону аб зямельнай рэформы ад 10 ліпеня 1919 г." (Ustawa z dnia 15 lipca 1920 r. o wykonaniu reformy rolnej) [13, s. 153], якія прадугледжвалі надзяленне сялян зямлёю праз выкуп яе за палову рынкавага кошту (80% утвараемага зямельнага фонду вызначалася менавіта для гэтых сялян). Першынства ў набыцці зямлі адводзілася інвалідам вайны, сельскагаспадарчым рабочым і малазямельным сялянам, меркавалася аказанне ім вялікай дапамогі ў форме ільготных крэдытаў на набыццё зямлі. Неабходна адзначыць, што прадстаўнікі

ННС па розных прычынах рэзка крытыкавалі змест і рэалізацыю на практыцы прынятых Сеймам аграрных законаў 1919 і 1920 гг. [14, s. 126].

Паводле рэляцыі (справаздачы) паслоў ННС, складзенай у лістападзе 1920 г., насельніцтва Заходняй Беларусі знаходзілася ў вельмі складаным матэрыяльным становішчы і апынулася на мяжы выжывання: “Становішча гэтых трохі больш дваццаці ўсходніх паветаў, на якіх толькі што скончыліся баявыя дзеянні, ёсць проста жахлівае. Тут мелюць чабор, траву гатуюць без солі, хлеб з батвы бураковай (так у дакуменце) і нават без дамешку мукі... становіцца ў наваколлі адзінаю крыніцаю харчавання (гэтых) людзей, якія паміраюць тысячамі” [9, s. 26-27].

У шэрагах ННС не было адзінства ў поглядах на ажыццяўленне ў краіне аграрных пераўтварэнняў [4, s. 129]. 17 мая 1923 г. на сустрэчы кіруючых колаў Польскай Народнай Партыі-“Пяст” (Polskie Stronnictwo Ludowe-“Piast”), ННС і польскіх хрысціянскіх дэмакратаў у Варшаве ўдалося пераадолець некаторыя супярэчнасці і падпісаць дамову аб сумесных намаганнях (“Ланцкаронскі пакт”, па маёнтку Ланцкарон, які належаў сенатару Людвіку Гамерлінгу) [3, s. 118], у якой адзначалася, што “ў сферы сельскай гаспадаркі неабходна як мага хутчэйшае правядзенне аграрнай рэформы, ажыццяўленне меліярацыі і камасацыі зямель і прызнанне сельскай гаспадаркі як асновы нацыянальнага эканамічнага развіцця, неабходна апека праз выдачу крэдытаў для сялян..., паляпшэнне дарожнай сеткі, рэгуляцыя рэк, засаджванне лесам пясчаных берагоў” і г. д. (IX глава “Гаспадарчая палітыка”). Акрамя таго, у пакце асабліва падкрэслівалася неабходнасць асушэння і гаспадарчага выкарыстання вялікіх зямельных абшараў на Палессі [15, с. 46].

Адным з галоўных лідараў ННС быў Уладзіслаў Грабскі (Władysław Grabski), брат Станіслава, які ў снежні 1923 – лістападзе 1925 гг. займаў пасаду прэм’ер-міністра [7, s. 29], што дало ННС выдатную магчымасць рэалізоўваць сваю праграму на практыцы. У снежні 1924 г. урад Грабскага выступіў у Сейме з новым аграрным законапраектам, паводле якога прадугледжвалася адчужэнне без выкупу памешчыцкіх зямель Заходняй Беларусі і Заходняй Украіны на карысць вайсковых і грамадзянскіх асаднікаў (перасяленцаў-каланістаў з карэннай Польшчы, якім на ільготных умовах перадаваліся свабодныя зямельныя надзелы). За тры сеймавыя чытанні ў тэкст законапраекта ўнесена аж 903 (па іншых звестках 603) папраўкі і 20 ліпеня 1925 г. Сейм II Рэчы Паспалітай ухваліў разглядаемы законапраект, затым праект аграрнай рэформы быў перададзены ў Сенат, які падрыхтаваў свае заўвагі [9, s. 262].

26 ліпеня 1925 г. Сейм II Рэчы Паспалітай адхіліў сумесны аграрны законапраект левых, які прадугледжваў бясплатнае надзяленне сялян зямлёю. Пры абмеркаванні законапраекта вялася гарачая дыскусія і справа ледзьве не дайшла да бойкі паміж прадстаўнікамі розных палітычных

накірункаў, але ў рэшце рэшт паслам удалося прыняць “Закон аб правядзенні зямельнай рэформы” (Ustawa o wykonaniu reformy rolnej) [13, s. 205], які больш вядомы ў гістарыяграфіі як “Закон аб парцэляцыі і асадніцтве”. За аграрны законапраект прагаласавалі 200 сеймавых паслоў (пераважна правыя), супраць – 89 (прадстаўнікі левых арганізацый і нацыянальных меншасцяў). Прадстаўнікі рэвалюцыйнага крыла Сейма не прынялі ўдзел у галасаванні, чым выказалі недавер урадаваму аграрнаму законапраекту.

28 снежня 1925 г. Сенат зацвердзіў канчатковы варыянт аграрнай рэформы, распрацаванай на базе “Ланцкаронскага пакту”. Новы закон насіў характар кампрамісу праектаў розных палітычных партый і арганізацый і стаў асноваю далейшай урадавай аграрнай палітыкі [14, s. 126-127]. Аграрная рэформа 1925 г. складалася з насаджэння вайсковых і цывільных асаднікаў, ажыццяўлення парцэляцыі, правядзення камасацыі і ліквідацыі сервітутаў. Паводле закону “зямельнае ўпарадкаванне Рэчы Паспалітай Польскай будзе абапірацца на моцныя, здаровыя, здольныя да інтэнсіўнай вытворчасці гаспадаркі рознага тыпу і памераў, уяўляючы прыватную ўласнасць іх уладальнікаў”, што азначала далейшую перабудову сельскай гаспадаркі краіны на капіталістычнай аснове з арыентацыяй на рынак [15, с. 45].

Пасля майскага пераварота 1926 г. ННС перайшло ў апазіцыю да рэжыма Юзэфа Пілсудскага, што прывяло да рэпрэсій у адносінах да арганізацыі і памяншэнне яе ўплыву. У сакавіку 1928 г. у выніку выбараў у Сейм II Рэчы Паспалітай ННС выступіў у блоку з іншымі польскімі нацыяналістычнымі правымі сіламі, што ў выніку прынесла каля 9% галасоў выбаршчыкаў і 37 пасольскіх мандатаў. У чэрвені таго ж года па ініцыятыве парламенцкага клуба ННС адбылася сустрэча прадстаўнікоў розных эндэцкіх арганізацый, на якой было прынята рашэнне на базе ННС стварыць з удзелам іншых правых сіл новую палітычную арганізацыю – Нацыянальную Партыю (Stronnictwo Narodowe), якая канчаткова была аформлена восенню 1928 г. [7, s. 31-32].

Заклучэнне

У 1919–1928 г. ННС знаходзіўся на правым флангу палітычных сіл II Рэчы Паспалітай, а па аграрнаму пытанню выступаў супраць падзелу паміж сялянамі значнай колькасці памешчыцкіх зямель, пры адначасовай падтрымцы і развіцці сялянскіх гаспадарак, найперш за ўсё павышэнню ўзроўню культуры апрацоўкі зямлі. Праграма ННС была з эканамічнага пункту гледжання рацыянальнаю спробаю перабудовы аграрных адносін, якая не абмяжоўвалася парцэляцыяй, але прадугледжвала імкненне да развіцця сельскай гаспадаркі інтэнсіўным шляхам. Аграрная праграма ННС цалкам не была рэалізавана, але аказала значны ўплыў на распрацоўку ўрадам праграмы аграрных пераўтварэнняў. Па ініцыятыве і пры актыўнай падтрымцы ННС Сей-

мам II Рэчы Паспалітай 28 снежня 1925 г. прыняты закон аб ажыццяўленні ў краіне аграрнай рэформы, які з'яўляўся кампрамісным варыянтам і прадугледжваў надзяленне сялян зямлёю праз выкуп, правядзенне камасацыі і ліквідацыі сервітутаў, што ў цэлым павінна было садзейнічаць развіццю сельскай гаспадаркі і станаўленню ў аграрнай сферы рынкавых адносін.

СПІС ВЫКАРЫСТАНЫХ КРЫНІЦ

1. **Leczyk, M.** Oblicze społeczno-polityczne Drugiej Rzeczypospolitej / M. Leczyk. – Warszawa : Książka i Wiedza, 1988. – 506 s.
2. Dziedzictwo: ziemianie polscy i udział ich w życiu narodu / pod red. Tadeusza Chrzanowskiego. – Kraków : Wydawnictwo Znak, 1996. – 301 s.
3. **Holzer, J.** Mozaika polityczna Drugiej Rzeczypospolitej / J. Holzer. – Warszawa : Książka i Wiedza, 1974. – 670 s.
4. **Wątor, A.** Działalność Związku Ludowo-Narodowego w latach 1919–1922 / A. Wątor. – Szczecin : Wydawnictwo Naukowe Uniwersytetu Szczecińskiego, 1992. – 163 s.
5. **Bełcikowska, A.** Stronnictwa i związki polityczne w Polsce / A. Bełcikowska. – Warszawa : Dom Książki Polskiej, 1925. – 1086 s.
6. **Maj, E.** Związek Ludowo-Narodowy, 1919–1928. Studium z dziejów myśli politycznej / E. Maj. – Lublin : Wydawnictwo Uniwersytetu Marii Curie-Skłodowskiej, 2000. – 503 s.
7. **Faliński, St.** Poglądy społeczno-ekonomiczne Związku Ludowo-Narodowego / St. Faliński. – Warszawa : Wyższa Szkoła Informatyki, Zarządzania i Administracji, 2007. – 155 s.
8. **Brzoza, Cz.** Polska w czasach niepodległości i II Wojny Światowej (1918–1945) / Cz. Brzoza. – Kraków : Fogra, 2001. – 424 s.
9. Historia chłopów polskich. W 3 tomach. T. 3. Okres II Rzeczypospolitej i okupacji hitlerowskiej / pod red. St. Inglota. – Warszawa : Ludowa Spółdzielnia Wydawnicza, 1980. – 715 s.
10. Programy partii i stronnictw politycznych w Polsce w latach 1918–1939. – Rzeszów : Wyższa Szkoła Pedagogiczna w Rzeszowie, 1993. – 456 s.
11. **Wojtas, A.** Problematyka agrarna w polskiej myśli politycznej 1918–1948 / A. Wojtas. – Warszawa : Ludowa Spółdzielnia Wydawnicza, 1983. – 484 s.
12. Политические партии в Польше, Западной Белоруссии и Западной Украине / под ред. С. Скульского. – Минск : Издательство Белорусской Академии Наук, 1935. – 336 с.
13. **Madajczyk, C.** Burżuazyjno-obszarnicza reforma rolna w Polsce: (1918–1939) / C. Madajczyk. – Warszawa : Książka i Wiedza, 1956. – 465 s.
14. **Kornaś, J.** Narod i państwo w myśli politycznej Związku Ludowo-Narodowego / J. Kornaś. – Kraków : Akademia Ekonomiczna w Krakowie, 1995. – 172 s.
15. **Гарматны, В.П.** Уладзіслаў Грабскі і закон аб аграрнай рэформе ад 28 снежня 1925 г. / В.П. Гарматны // Личность в истории: героическое и трагическое: материалы Четвертой Междунар. науч.-практ. конф. студентов, аспирантов и молодых ученых, Брест, БрГУ имени А.С. Пушкина, 26–27 ноября 2010 г. – Брест : БрГУ, 2011. – 178 с. – С. 44–50.

Паступіў у рэдакцыю 22.10.2012 г.

УДК 930(47+57):327((47+57)+438) "193"

Н.Н. МЕЗГА

СОВЕТСКАЯ МЕЖВОЕННАЯ ИСТОРИОГРАФИЯ ОБ ОСНОВНЫХ ПРОБЛЕМАХ СОВЕТСКО- ПОЛЬСКИХ ОТНОШЕНИЙ СЕРЕДИНЫ – ВТОРОЙ ПОЛОВИНЫ 1930-х гг.

В статье выявлены проблемы советско-польских отношений середины – второй половины 1930-х гг., нашедшие отражение в советской историографии межвоенного времени. Установлено, что высокая степень политической актуальности изучаемых вопросов определила зависимость концепций и выводов историков от официальной позиции государства и фактически концентрировала усилия на ее обосновании. Это делало крайне затруднительным получение объективных научных результатов.

Введение

Наращение угрозы Второй мировой войны привело к существенным изменениям в советской исторической науке. По мнению российского исследователя Р.Г. Пихоя советская власть, в особенности с 1930-х гг., считала нужным активно использовать историческую науку для обоснования своего исторического права на место в истории России. Историческая наука с конца 1920-х гг. должна была обосновывать преемственность политики царской России и России советской, в том числе и политики внешней [1, с. 41, 50]. Такая политика предполагала восстановление господства России в Восточной Европе, что делало неизбежным борьбу с Польшей. Это, в свою очередь, порождало высокую степень интереса исследователей к советско-польским отношениям, в том числе и периода, предшествовавшего Второй мировой войне. В данной статье предпринята попытка выяснить, какие аспекты советско-польских отношений в условиях нарастания угрозы новой войны стали объектом исследования советских историков межвоенного времени, насколько объективны выводы, к которым они пришли, и чем была обусловлена степень объективности полученных научных результатов.

Основная часть

Заключение советско-польского договора о ненападении 1932 г. не привело к существенным изменениям в подходах советской историографии к оценкам внешней политики Польши. Акцент по-прежнему делался на ее антисоветской направленности. Ю. Братковский в работе, вышедшей в 1933 г., обвинял Польшу в подготовке интервенции против СССР. Он указывал, что “с момента образования польского государства захватнические планы Польши обращены своим острием против СССР”. По словам исследователя, “польский фашизм проводит антисоветскую

кампанию под лозунгом расчленения СССР и восстановления польских границ 1772 г.". В Польше по-прежнему господствует точка зрения, согласно которой страна находится в "тисках двух империализмов: германского и русского", однако при этом действительную угрозу представляют для Польши только "советы". Он отмечал, что пилсудчики по-прежнему не оставили планов создания "независимой Украины" на территории Советской Украины и еще более тесного объединения с Польшей Западной Украины" [2, с. 35, 37, 39, 40].

С середины 1930-х гг. в советской историографии господствует точка зрения, что напряженность в советско-польских отношениях во многом порождена тесным сотрудничеством Польши с фашистской Германией. А. Врублевский считал, что Польша в середине 1930-х гг. выступала в фарватере внешней политики Германии. По его мнению, тесное сближение Гитлера с "польским фашизмом" происходит "на общей платформе империалистической экспансии на восток и планов совместного похода против СССР" [3, с. 4, 162]. Особую роль в проведении антисоветской политики советская историография отводила Ю. Пилсудскому. А. Врублевский писал, что пилсудчики проявили себя как партия фашистов в Польше, а сам Пилсудский поддерживает связь "с наиболее антисоветскими агрессивными империалистическими государствами" [3, с. 185]. Курс Польши на сотрудничество с фашистскими государствами А. Врублевский объяснял классовыми интересами ее правящих кругов, которые готовы "скорее стать приказчиками Гитлера в своей собственной стране, чем лишиться возможности держать трудящиеся массы Польши, Западной Беларуси и Западной Украины в кабале, нищете и голоде" [3, с. 208-209].

Советские исследователи обосновывали тезис, что во второй половине 1933 г. для внешней политики Польши существовала альтернатива: опора при ее проведении на договор о ненападении с СССР, или сотрудничество с фашистской Германией. Ее лидеры избрали второй вариант. Заключение Польшей с Германией конвенции о неприменении силы характеризовалось в советской историографии как поворотный пункт в польской внешней политике, которая утратила свою самостоятельность [4, с. 39, 41]. М. Вислинский определял вторую половину 1933 – начало 1934 г. как время перелома во внешней политике Польши в сторону сближения с Германией. По его мнению, это произошло потому, что расчеты Ю. Пилсудского "повернуть острие польско-французского союза против СССР не оправдались". В этом причина охлаждения польско-французских отношений и поворота Польши в сторону Германии [5, с. 42, 44]. Современная польская и постсоветская историография отмечает инструкцию представительствам Польши за границей от 31 октября 1933 г. в качестве документа, обозначившего поворот в ее внешней политике. Она в концептуальной форме обосновывала принятое решение идти на соглашение с Германией [6, с. 77]. Так что советские историки межвоенного времени достаточно точно определили момент поворота в польской политике в сторону сближения с Германией.

А.В. Шустер и М.В. Джервис также делали вывод, что некоторое время Пилсудский колебался “между страхом потерять Познань, Верхнюю Силезию и Данцигский коридор и надеждой получить германскую помощь в войне против СССР. Но это последнее соображение оказалось решающим, и Польша начинает медленно, но неуклонно сближаться с Германией” [7, с. 411]. Действительно, поворот проходил постепенно, в феврале 1934 г. состоялся визит Ю. Бека в Москву, в ходе которого было достигнуто соглашение о преобразовании дипломатических представительств в посольства. Вскоре был подписан протокол о продлении срока действия договора о ненападении до 1945 г. [8, с. 171-172]. В современной польской историографии отстаивается тезис, согласно которому подписание декларации 26 января 1934 г. не привело к немедленному ухудшению польско-советских отношений, свидетельством чего являлись тот же визит Бека в Москву, продление срока действия договора о ненападении, повышение статуса дипломатических представительств [9, с. 213]. Видный советский дипломат В.П. Потемкин, публиковавшийся под псевдонимом В. Гальянов, в одной из своих работ отмечал, что Польша для укрепления своей безопасности могла бы опереться на договор о ненападении с СССР. Однако это маловероятно, так как во главе Польши стоят фашисты, “враги и ненавистники Советского Союза”, которые повели Польшу к сотрудничеству с фашистской Германией [10, с. 50]. Нам представляется, что весьма точную оценку значения договора о ненападении с СССР для польской политики дала в своих исследованиях И.В. Михутина. Она пришла к выводу, что смысл договора с СССР для польского правительства состоял в тактическом укреплении позиций Польши и должен был способствовать разрешению других, более важных с польской точки зрения задач [11, с. 77].

И. Высоцкий отмечал поворот к улучшению польско-германских отношений как фактор, отрицательно влияющий на отношения Польши с СССР. Он указывал на антисоветскую направленность конвенции 26 января 1934 г., в частности, на тот факт, что договор не терял силу в случае, если один из его участников совершит нападение на какое-либо третье государство. По мнению исследователя, “это означает, что оба фашистских государства оставляют друг другу полную свободу действий для осуществления своих захватнических планов и прежде всего против СССР”, а “острие польско-германского пакта направлено против СССР” [12, с. 10-11]. И. Высоцкий объясняет причины сближения Польши с фашистскими государствами. По его мнению, для осуществления своих агрессивных замыслов в отношении СССР она всегда стремилась сблизиться с той “из европейских держав, которая на данном отрезке времени агрессивнее всего относилась к Советскому Союзу”. Когда после прихода Гитлера к власти наиболее враждебную в отношении СССР политику стала проводить Германия, Польша переориентировалась на союз с ней [12, с. 15]. Л. Ломов в свою очередь отмечал, что “фашистская Польша постоянно поддерживает ту из империалистических держав, которая в

данный период готовит нападение против страны Советов”. Цель “сговора” Польши с фашистской Германией и есть подготовка войны против СССР. Данный автор также обращал внимание на укрепление связей Польши с Японией, опять же на антисоветской основе. Как факт, свидетельствующий о подготовке Польши к войне, он оценивает отклонение ею Восточного пакта, имевшего целью “поддержание мирных отношений между народами Европы” [13, с. 55-56].

Представления о крайне агрессивной в отношении СССР политике Польши в 1930-е гг. в работах советских исследователей отражали официальную позицию советских политиков. Так, 10 января 1934 г. В. Молотов заявил о возможности сговора Германии и Польши против СССР [14, с. 134]. Современные исследования позволяют усомниться в тезисе советских историков межвоенного времени о стремлении Польши в союзе с Германией начать войну против СССР. Ю. Пилсудский в начале 1935 г. в беседе с Г. Герингом в ответ на предложение последнего о совместном походе против СССР прекратил разговор, сославшись на то, что, имея границу протяженностью в 1000 км, следует желать мира с этой страной [6, с. 106]. Нам представляется слишком прямолинейной концепция, которая объясняла польско-германское сближение исключительно антисоветскими устремлениями двух стран. Более обоснованной видится точка зрения, согласно которой польско-германское сближение обуславливалось неприятием пути модернизации Версальской системы, предложенной западными государствами, за счет Польши [15, с. 146].

Важной проблемой в советско-польских отношениях было подписание Восточного пакта. И. Высоцкий обращает внимание, что в этом вопросе проявилась координация политики Польши и Германии. Польша заявила, что она сможет присоединиться к Восточному пакту только в том случае, если к нему присоединится Германия [12, с. 11]. Как крайне негативную позицию Польши в отношении Восточного пакта характеризовал и М. Вислинский. В этом вопросе Польша выступила в фарватере германской политики. Именно Германия и Польша, отмечал он, сорвали подписание этого договора [5, с. 46]. А. Врублевский также высказал точку зрения, что наиболее ярко сотрудничество Германии и Польши обнаружилось в вопросе о восточноевропейском пакте взаимопомощи. Этот пакт, выдвинутый СССР, наткнулся на противодействие лишь со стороны правительств этих стран. Их негативное отношение к договору, имевшим целью “уменьшить опасность возникновения войны в восточной части Европы, объясняется лишь тем, что агрессивные планы правящих групп этих государств направлены именно к захватническим действиям на востоке Европы, к захвату территорий СССР” [3, с. 206-207]. В работах В. Гальянова Польша опять же представлялась как один из главных противников советской политики по созданию системы коллективной безопасности, так как именно она вместе с Германией решительно выступила против подписания Восточного пакта [16, с. 41-42]. И. Лемин писал, что именно Польша является страной, которая наибо-

лее активно поддерживает действия Германии по разрушению системы безопасности в Европе, резкие возражения со стороны Польши встретил проект Восточного пакта, активным сторонником которого был СССР [17, с. 40, 53, 61]. А.В. Шустер и М.В. Джервис также отмечали активную роль Польши в срыве подписания Восточного пакта, обращая внимание на то, что она в этом вопросе солидаризировалась с Германией [7, с. 412]. Действительно, в августе 1934 г. состоялись дипломатические контакты между польским и германским правительствами с участием самого Гитлера, в результате которых два государства приняли согласованное и окончательное решение об отказе от участия в Восточном пакте [18, с. 147-148].

При изучении роли Польши в срыве подписания Восточного пакта советская историография опиралась на официальную позицию правительства СССР. Так, М. Литвинов, выступая на 16 сессии Лиги Наций 14 сентября 1935 г., говорил, с намеком на польско-германскую декларацию о неприменении силы, о существовании концепции, “борющейся с идеей коллективной безопасности, которой она противопоставляет двусторонние пакты... Не всякий пакт о ненападении имеет целью укрепление всеобщего мира” [19, с. 136]. В советских дипломатических документах того времени подчеркивалось, что именно позиция Польши в силу ее географического положения имеет решающее значение в деле подписания Восточного пакта, и ее отказ от участия в нем делает невозможным создание системы коллективной безопасности в Восточной Европе [20, с. 382]. Вывод советских исследователей межвоенного времени о том, что отказ Польши подписать Восточный пакт был связан с ее намерением совершить агрессию против СССР, на наш взгляд, не имеет убедительных доказательств. Более обоснованной представляется присутствующая в современной историографии точка зрения, что негативное отношение Польши к этому пакту было связано с теми изменениями в расстановке сил в Восточной Европе, к которым должно было привести его подписание. СССР превращался в гаранта статус-кво в регионе, его позиции резко усилились бы, что не соответствовало интересам Польши [6, с. 91]. Также необходимо согласиться с точкой зрения современных польских историков, что подписание Восточного пакта ослабляло значение Польши как союзника Франции на востоке в пользу СССР [9, с. 251].

В. Гальянов в качестве факта, свидетельствующего о росте агрессивности Польши, отмечал захват ею части территории Чехословакии осенью 1938 г. СССР пытался оказать давление на Польшу, чтобы она воздержалась от античехословацких действий [10, с. 50, 57]. Советская публицистика в изображении позиции Польши в Судетском кризисе шла вслед за официальной политической линией, которая характеризовала Польшу как союзника “германского фашизма по расчленению Чехословакии” [21, с. 696]. В современной российской историографии обоснованна точка зрения, что именно в период Судетского кризиса напряженность в советско-польских отношениях дошла до предела [22, с. 19]. Далее

В. Гальянов обращал внимание на изменения, которые произошли в отношении СССР со стороны Варшавы в конце 1938 – начале 1939 г. Захват Германией Австрии и “глубокое проникновение в Чехословакию” показали Польше, что существует реальная угроза для польского коридора, Верхней Силезии, Данцига. В результате “27 ноября минувшего (1938 – Н. Мезга) года мир был поражен советско-польским дружественным коммюнике. За ним последовало торговое соглашение СССР и Польши, подписанное 7 февраля нынешнего года”. Данный автор также отмечал, что Ю. Бек в сложившейся ситуации перешел на позицию, согласно которой “дружба Варшавы с Берлином вполне совместима с добрыми отношениями той же Варшавы с Москвой”. Такое совмещение, по мнению В. Гальянова, является очень трудно осуществимым [10, с. 63].

Исследования современных российских историков подтверждают, что уже в конце октября 1938 г. Польша стала предпринимать шаги по сближению с СССР, что проявилось в приведенных В. Гальяновым фактах [8, с. 220]. Однако доступные источники дают основание поставить под сомнение искренность стремления Польши к улучшению отношений с СССР в конце 1938 г. 27 ноября было опубликовано советско-польское коммюнике, в котором говорилось о намерении двух стран решить существующие между ними спорные вопросы. На следующий день отдел печати польского МИД сделал конфиденциальное заявление для германских журналистов, в котором подчеркивалось, что Польша считает излишним участие СССР в европейской политике, а опубликованное коммюнике – результат советской инициативы. Польша с его помощью стремилась лишь уменьшить напряженность, существовавшую в советско-польских отношениях с момента Судетского кризиса [23, с. 118-119].

Советская историография в конце 1930-х гг. при изучении проблем Западной Беларуси и Западной Украины отрицает наличие планов СССР по их отторжению от Польши. Лозунг КПП о праве народов Западной Беларуси и Западной Украины на самоопределение через их включение в БССР и УССР стал трактоваться как провокационная деятельность агентов польских спецслужб, проникших в руководство партии [24, с. 93]. Существенное влияние на позицию советской историографии оказало подписание советско-германского договора о ненападении. В. Пичета в своих исследованиях делает Польшу страной, которая развязала Вторую мировую войну: “... польские правители начали войну против Германии” [25, с. 126]. В связи с присоединением к СССР Западной Беларуси и Западной Украины он писал, что “Западная Украина... и Западная Белоруссия... – это исконно русские земли, входившие в “империю Рюриковичей”. В этническом отношении их население составляло единое целое с прочими восточнославянскими племенами”. Он считал, что 70% населения Западной Украины – украинцы, а в Западной Беларуси поляков насчитывается только 2,5–5% [25, с. 3, 126].

И.Ф. Лочмель также обвинял Польшу в развязывании войны с Германией, отмечал, что польские руководители по указанию Англии и

Франции ввязались в эту войну [26, с. 153]. Далее он стремился оправдать вступление Красной Армии на территорию Западной Беларуси и Западной Украины. Согласно его концепции, народы этих территорий были брошены на произвол судьбы, подняли восстание против оккупантов и ждали помощи от Советской страны [26, с. 154]. Тезис о восстании рабочих и крестьян Западной Беларуси был взят советской историографией из официального обоснования советским руководством вторжения на территорию Польши. В приказе командующего Белорусским фронтом о начале наступления говорилось о необходимости содействовать восставшим рабочим и крестьянам Западной Беларуси [27, с. 36]. В коллективной работе “Западная Беларусь под панским гнетом и ее освобождение” отмечался развал польского государства под ударами германской армии, и в сложившейся ситуации СССР не мог остаться безучастным к судьбе “единокровных братьев белорусов и украинцев. Советское правительство приняло историческое решение: подать руку помощи своим братьям – белорусам и украинцам, населяющим Польшу” [28, с. 74].

В конце 1939 г. в “Историческом журнале” была опубликована статья А. Манусевича “Исторические предпосылки краха Польши”. Учитывая направление советской внешней политики в то время, “банкротство” польского государства автор названной статьи связывал с крахом Версальской системы в целом. Он считал, что после Октябрьской революции Польше не обязательно нужно было использовать право на отделение. Польское государство рассматривалось в статье как буферное, а лозунг “Польши от моря до моря” не столько как польский, сколько как антантовский [29, с. 192]. В статье академика И.П. Трайника “Национальное освобождение Западной Украины и Западной Белоруссии” подчеркивалось, что с началом в 1939 г. польско-германской войны договоры СССР с бывшим польским правительством потеряли свое значение, отмечалось, что Польша не выполнила свои обязательства по отношению к украинцам и белорусам, а ее развал создал угрозу для судьбы “братских народов”, к чему СССР не мог оставаться безразличным. Поэтому “Красная Армия перешла границу и взяла их под свою защиту” [29, с. 188]. И.П. Трайник фактически повторяет ноту советского правительства правительству Польши, где говорилось, что в связи с распадом польского государства “прекратили свое действие договоры, заключенные между СССР и Польшей” [30, с. 96].

Заключение

Таким образом, советская межвоенная историография делала вывод, что договор о ненападении 1932 г. не изменил антисоветского характера польской внешней политики. Особую опасность для СССР представляло налаживание сотрудничества Польши с фашистской Германией, отражением чего стала декларация о неприменении силы от 26 января 1934 г. Советские авторы всячески подчеркивали, что антисоветизм являлся базой для этого сотрудничества, и для Польши целью сближе-

ния с фашистскими государствами в середине 1930-х гг. было расчленение СССР.

По мнению советских историков, Польша, наряду с Германией, сыграла главную роль в срыве усилий СССР по созданию системы коллективной безопасности в Восточной Европе. Советская межвоенная историография сделала вывод, что особой остроты советско-польские отношения достигли осенью 1938 г. в связи с Судетским кризисом. В то же время были отмечены позитивные перемены в политике Польши в отношении к СССР в конце 1938 – начале 1939 г. По сути, советская историография отражала и обосновывала официальную политическую линию руководства страны. Это проявилось и в связи с подписанием пакта Риббентропа – Молотова, когда она сконцентрировалась на обосновании доктрины о распаде польского государства в результате войны с Германией, что сделало необходимым вступление Красной Армии на территорию Западной Беларуси и Западной Украины для защиты их населения. То, что в работах исследовались злободневные политические проблемы, а также крайне ограниченный доступ историков к источникам, обусловили низкую степень научной достоверности и объективности их работ, вышедших в 1930-е гг. и посвященных проблемам советско-польских отношений того времени. Как пишет В.И. Меньковский, “даже лучшие работы советских авторов из-за действия цензуры строились на избирательной подаче фактов, рассчитанных на поддержку разрешенных властью выводов” [31, с. 43].

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ

1. **Пихоя, Р.Г.** Востребованная временем история. Отечественная историческая наука в 20–30-е годы 20 века / Р.Г. Пихоя // Новая и новейшая история. – 2004. – № 2. – С. 28–53.
2. **Братковский, Ю.** Польско-германские противоречия и угроза антисоветской интервенции / Ю. Братковский // Коммунистический Интернационал. – 1933. – № 21 – С. 35–41.
3. **Врублевский, А.** Польша / А. Врублевский. – М. : Гос. социально-экономическое издательство, 1936. – 212 с.
4. Фашистская Польша в тупике. – Л. : Ленинградское областное издательство, 1938. – 68 с.
5. **Вислинский, М.** Внешняя политика Польши на современном этапе / М. Вислинский // Пропагандист. – 1935. – № 10 – С. 42–47.
6. **Лазько, Р.Р.** Перад патапам (Еўрапейская палітыка Польшчы. 1932–1939 гг.) / Р.Р. Лазько. – Минск : БДУ, 2000. – 354 с.
7. **Шустер, А.В.** Германо-фашистские тенденции в современной польской историографии / А.В. Шустер, М.В. Джервис // Против фашистской фальсификации истории : сборник статей ; ред. коллегия: Е.В. Тарле и др. – М. : Издательство ЦК МОРП, 1939. – С. 410–445.
8. **Мельтюхов, М.И.** 17 сентября 1939. Советско-польские конфликты 1918–1939 / М.И. Мельтюхов. – М. : Вече, 2009. – 624 с.
9. Welka Historia Polski. Tom 9. Polska w czasach niepodległości i drugiej wojny switowej (1918–1945). – Krakow : Oficyna wydawnicza, 2001. – 423 s.

10. **Гальянов, В.** Международная обстановка второй империалистической войны / В. Гальянов // Большевик. – 1939. – С. 49–65.
11. **Михутина, И.В.** Советско-польские отношения 1931–1935 / И.В. Михутина. – М. : Наука, 1977. – 288 с.
12. **Высоцкий, И.** Внешняя политика фашистской Польши / И. Высоцкий // Коммунистический Интернационал. – 1935. – № 16–17. – С. 10–17.
13. **Ломов, Л.** Польша и ее армия / Л. Ломов. – М. : Гос. воен. издат., 1935. – 64 с.
14. **Riewiak, A.W.** Polska i ZSSR na przełomie lat dwudziestych i trzydziestych XX wieku // Białe plamy – czarna plama. Sprawy trudne w relacjach polsko-rosyjskich (1918–2008) / A.W. Riewiak ; pod red. A. Rotfelda i A. Turkunowa. – Warszawa: Polski Instytut Spraw Międzynarodowych, 2010. – S. 108–137.
15. **Dębski, S.** Przyczyny II wojny światowej. Polska, Związek Sowiecki i kryzys system wersalskiego / S. Dębski // Białe plamy – czarna plama. Sprawy trudne w relacjach polsko-rosyjskich (1918–2008) / pod red. A. Rotfelda i A. Turkunowa – Warszawa: PISM, 2010. – S. 141–176.
16. **Гальянов, В.** Куда идет Польша / В. Гальянов // Фашистская Польша в тупике – Лн. : Ленинградское областное издат., 1936. – С. 46.
17. **Лемин, И.** Угроза войны и мирная политика СССР / И. Лемин. – М. : Воениздат, 1940. – 80 с.
18. **Wojciechowski, M.** Polska i Niemcy na przełomie lat 1932–1933 / M. Wojciechowski // Rocznik historyczne. – Poznań. – 1963. – R XXIX. – S. 109–172.
19. **Литвинов, М.** Внешняя политика СССР. Речи и заявления 1927 – 1937 / М. Литвинов. – М. : Государственное социально-экономическое издательство, 1937. – 432 с.
20. Запись беседы Полномочного Представителя СССР в Польше с Послом Франции в Польше Лярошем. 17 июля 1934 г. // Документы внешней политики (ДВП) СССР : в 22 т. – Т. 17. – М. : Издат. Политической литературы, 1971. – С. 381–383.
21. Из доклада Председателя Совета Народных Комиссаров СССР на торжественном заседании Моссовета. 6 ноября 1938 г. // ДВП СССР : в 22 т. – Т. 21 – М. : Издат. Политической литературы, 1977. – С. 692–698.
22. **Парсаданова, В.С.** Эдвард Рызд-Смиглы / В.С. Парсаданова // Вопросы истории. – 2007. – № 8 – С. 10–23.
23. Сообщение отдела печати министерства иностранных дел Польши для германских корреспондентов в Польше. 28 ноября 1938 г. // Год кризиса, 1938 – 1939 : документы и материалы : в 2 т. – Т. 1 / редкол.: П.Н. Бондоренко [и др.]. – М. : Политиздат, 1990. – С. 118–119.
24. **Свенцицкий, Я.** Провокаторы за работой / Я. Свенцицкий // Коммунистический Интернационал. – 1938. – № 1. – С. 92–94.
25. **Пичета, В.** Основные моменты развития Западной Украины и Западной Белоруссии / В. Пичета. – М.-Л. : Гос. соц.-эконом. издат., 1940. – 136 с.
26. **Лочмель, И.Ф.** Очерки истории борьбы белорусского народа против польских панов / И.Ф. Лочмель. – М.-Л. : Гос. издат. Отдел воен. лит., 1940. – 163 с.
27. **Случ, С.З.** Советско-германские отношения в ходе польской кампании и вопрос о вступлении СССР во вторую мировую войну / С.З. Случ // Славяноведение. – 1999. – № 6. – С. 32–43.

28. Заходняя Беларусь пад панскім гнётам і яе вызваленне. – Мінск : Выдавецтва Акадэміі навук БССР, 1940. – 96 с.
29. **Аксенова, Е.П.** Очерки из истории отечественного славяноведения. 1930-е годы / Е.П. Аксенова. – М. : Институт славяноведения РАН. 2000 – 224 с.
30. Нота Правительства СССР, врученная послу Польши в СССР В. Гжибовскому 17 сентября 1939 г. // ДВП СССР : в 22 т. – Т. 22. – Кн. 2. – М. : Издат. политической литературы, 1977. – С. 96.
31. **Меньковский, В.И.** История и историография: Советский Союз 1930-х годов в трудах англо-американских историков и политологов / В.И. Меньковский. – Минск : БГУ, 2007. – 359 с.

Поступила в редакцию 04.11.2013 г.

УДК 94(476)“1906/1914”(476.4):332.3

К.Ю. ТАРАНОВИЧ

ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ ЗЕМЛЕУСТРОИТЕЛЬНЫХ КОМИССИЙ ПО ОКАЗАНИЮ АГРОНОМИЧЕСКОЙ ПОМОЩИ КРЕСТЬЯНСТВУ МОГИЛЕВСКОЙ ГУБЕРНИИ (1906–1914 гг.)

Исследуется деятельность землеустроительных комиссий по оказанию агрономической помощи крестьянам в ходе реализации Столыпинской реформы. На примере Могилевской губернии раскрываются основные направления агрономической функции: финансовая и техническая поддержка крестьянского населения, организация образцовых хозяйств, функционирование прокатных станций, проведение курсов повышения сельскохозяйственной квалификации.

Введение

Современные тенденции в аграрном секторе экономики Республики Беларусь вызывают необходимость в разработке комплекса реформ, направленных на укрепление частного земельного владения. Решение данного вопроса требует учета аналогичных примеров реформирования, имевших место в истории. В этой связи приобретает актуальность опыт Столыпинской реформы и сопровождавших ее аграрных преобразований в Российской империи начала XX в.

Необходимо отметить, что изменение земельных порядков предполагает создание дополнительных условий в общей структуре хозяйства, т. е. внедрение новых эффективных способов организации производства, материальная и техническая поддержка хозяйств, повышение уровня сельскохозяйственных знаний владельцев. При проведении Столыпинской реформы правительство учитывало названные факторы, а решение вопроса о создании необходимых условий обеспечивалось за счет деятельности землеустроительных комиссий по оказанию агрономической по-

мощи, сущность которой на примере Могилевской губернии является целью нашего исследования.

В исторической литературе Столыпинская реформа изучалась с точки зрения ее целей, задач, направлений и итогов [1-5]. Однако государственные структуры, которые осуществляли реформу на практике, не нашли отражения в научных работах. В отличие от предшественников, автор статьи рассмотрела проблему аграрного реформирования через деятельность землеустроительных комиссий, которые представляли собой государственный механизм практического осуществления земельной реформы. Новый подход к оценке аграрных процессов в Российской империи начала XX в. обосновывает научную новизну статьи.

Статья является частью комплексного исследования, результаты которого могут быть использованы при подготовке учебно-методических пособий, учебников, спецкурсов по аграрной истории Беларуси. Результаты исследования также могут быть востребованы министерствами и ведомствами Республики Беларусь в ходе реформирования аграрного сектора экономики.

Основная часть

Начало XX в. в истории Российской империи, частью которой были также белорусские земли, характеризовалось коренными изменениями в традиционной системе политического устройства и установлением новых форм общественных отношений. Учитывая уроки революции 1905–1907 гг., царское правительство стремилось реформировать хозяйственно-экономическую сферу и снизить напряжение в аграрном секторе экономики.

Для большей части населения империи земля являлась главнейшим средством производства, а также фактором, определявшим хозяйственное благополучие всего государства. Соответственно, без правильного решения вопроса о землевладении и земельных порядках было невозможно улучшить положение земледельческого населения, а также предотвратить надвигавшееся революционное потрясение.

По мнению правительства, наиболее эффективным способом решения назревших аграрных противоречий было изменение поземельных отношений, т. е. закрепление за крестьянами земли в их личную собственность. Предполагалось, что мелкие земельные собственники станут больше привязаны к земле и в любых ситуациях будут отстаивать свои земельные интересы, свою земельную собственность.

Для практической реализации запланированных реформ требовалось создание специального механизма в виде государственных структур, имеющих полномочия изменять земельные порядки на местах. В качестве таких структур выступили губернские и уездные землеустроительные комиссии, созданные по указу Николая II от 4 марта 1906 г. [6]. Комиссии сотрудничали с Крестьянским поземельным банком в делах по продаже имений в пользу крестьян, осуществляли деятельность по мобили-

зации земельной собственности, занимались организацией хуторского и отрубного хозяйства, ликвидацией чересполосицы, продажей казенных земель и сдачей их в аренду [7].

Главной задачей агрономической помощи являлось повышение производительности крестьянских хозяйств путем внедрения прогрессивных элементов организации сельскохозяйственного производства [8, с. 7].

На начальном этапе задача по оказанию агрономической помощи крестьянам была возложена на землеустроительные комиссии и выражалась главным образом в проведении гидротехнических работ на участках, задействованных в землеустройстве. Затем, в 1909 г. Особым агрономическим совещанием было принято решение привлекать земства к организации агрономической помощи с предоставлением необходимых правительственных кредитов [9, с. 10]. Однако, в связи с тем, что еще не во всех губерниях Российской империи к этому времени были введены земства (Виленская, Гродненская губернии), а также во многих регионах земские учреждения работали непродолжительный период и не имели достаточного опыта, землеустроительные комиссии продолжали играть основную роль в агрономической деятельности, и в особенности в 5 северо-западных губерниях (Виленской, Витебской, Гродненской, Минской и Могилевской) [9, с. 11].

Так, по Могилевской губернии Особое агрономическое совещание в 1911–1913 гг. признало, “что положение земских агрономических начинаний по уездам не дает уверенности в правильной постановке дела, поэтому передача кредитов земству будет возможна лишь в будущем по тем уездам, где земство при организации участковой агрономии, устройстве достаточного числа сельскохозяйственных складов, зерноочистительных и прокатных пунктов сможет приблизить агрономическую помощь к таковой, которую оказывают землеустроительные комиссии на местах” [9, с. 13].

Для упорядочения организации агрономической помощи каждая губерния и уезд разделялись в зависимости от местных сельскохозяйственных и почвенных условий на отдельные агрономические участки [8, с. 74]. Так, к примеру, Могилевский уезд Могилевской губернии был разделен на два агрономических участка – южный и северный. В южном агрономическом участке насчитывалось 954 единоличных владений, в северном – 689 [10, с. 7]. В пределах каждого участка находился участковый агроном и его помощник. На обязанности участкового агронома возлагалось: установление плана и организация показательных хуторов, организация показательных участков, объезды показательных хуторов и участков, организация лекций, собеседований, консультаций, общее заведование опытным хозяйством крестьянского типа, прокатными станциями, а также зерноочистительными и случайными пунктами. В помощь участковому агроному назначались лица с высшим сельскохозяйственным образованием. Если в отдельном районе преобладали специальные отрасли хозяйства (огороды, сады, культура промышленных растений,

скотоводство и пр.), то в помощь участковому агроному также командировались специалисты по соответствующей отрасли хозяйства [11, с. 5-6]. В связи с увеличением масштабов оказания агрономической помощи, количество агрономического персонала в губерниях также увеличивалось. Так, в Могилевской губернии в 1906–1909 гг. на службе при губернской земской управе состояло только 2 агронома [12, с. 1], в 1912 г. агрономическая организация увеличилась до 35 служащих, а в 1913 г. – до 72 [9, с. 76].

Вместе с этим росли кредиты, ассигнуемые правительством на агрономические мероприятия. Если в 1906–1909 гг. по Могилевской губернии на агрономию выделялось 4-6 тыс. руб. [12, с. 21], то в 1911 г. эта сумма составила более 118 тыс. руб., а в 1912 г. – более 126 тыс. руб. [13, с. 16]. Суммы расходовались на содержание агрономического персонала, показательные мероприятия, снабжение единоличных владельцев семенами, орудиями и туками, расширение сельскохозяйственных складов, на прокатные, зерноочистительные и прочие пункты и обозы, улучшение животноводства, специальные отрасли хозяйства, внешкольное образование.

Агрономическая помощь предусматривала оказание материальной поддержки нуждавшимся крестьянам в виде денежных пособий и ссуд на расходы по улучшению хозяйств на участках единоличного владения [14]. Размер ссуд и пособий не превышал 150 руб. на одно хозяйство. Выдача ссуд и пособий свыше 150 руб., но не превышающих 500 руб. на одно хозяйство, допускалась при возведении построек из огнестойких материалов при назначении авансов в счет ссуд, выдаваемых Крестьянским поземельным банком под залог наделов. Ссуды выдавались на срок до 15 лет. Возврат ссуд начинался по истечению условленного льготного срока, не более 5 лет, и производился одновременно или ежегодными срочными платежами в равных частях без процентов и пени [8, с. 8].

Важным направлением агрономической помощи являлась организация показательных хозяйств, участков и полей [15].

В показательных хозяйствах, созданных на окружающих агрономический центр крестьянских землях, применялись улучшенные приемы обработки и удобрения почвы, многопольный севооборот и пр. Культурный уровень показательного хозяйства устанавливался с таким расчетом, чтобы осуществляемые здесь улучшения были приемлемы для крестьян. Показательное хозяйство, как правило, было рассчитано на силы среднего крестьянского двора, велось на участке обычного для данной местности размера и не финансировалось выше нормы [8, с. 46].

Показательные хозяйства на землях крестьян снабжались орудиями, улучшенными семенами, саженцами плодовых деревьев и пр. [9, с. 10].

В 1913 г. в Могилевском уезде Могилевской губернии было создано 14 показательных полей. Все показательные поля находились в районах отрубных и хуторских хозяйств. Крестьяне, организовавшие на своих участках показательные поля, в первый год получали бесплатно семена,

туки и во временное пользование комплект сельскохозяйственных машин. На каждое поле, открытое в Могилевской губернии в 1913 г., было выделено на покупку семян, туков и машин 378 руб. [10, с. 12].

Одновременно с организацией показательных хуторов вокруг каждого из них закладывались группы показательных участков, причем число таких групп зависело от размеров обслуживаемого хутором района и устанавливалось с таким расчетом, чтобы все крестьянские хозяйства данного района могли наглядно ознакомиться с каждым из введенных на показательном хуторе улучшенных приемов ведения хозяйства [11, с. 7]. В Могилевской губернии на каждый показательный участок землеустроительные комиссии расходовали 6 руб. Показательные поля и участки оказывали влияние на распространение рядового посева, улучшение техники обработки, удобрение почв, распространение травосеяния, увеличение спроса на машины и орудия, применение качественного посевного материала и минеральных удобрений. Благодаря этому крестьяне проявляли больший интерес к новым методам организации интенсивного хозяйства [10, с. 23].

В 1911 г. число показательных хозяйств, полей и участков, устроенных в Могилевской губернии достигло 208 [10, с. 38]. К концу 1913 г. в губернии были созданы 33 показательных хозяйства, 559 показательных полей площадью в 6 148 дес. и 5 454 показательных участка, которые заняли 600 дес. [9, с. 85].

Урожай, полученные с показательных полей и участков, значительно превышали урожай в хозяйствах с традиционной организацией. По Могилевской губернии урожайность показательных хозяйств была на 12–13% выше [9, с. 34].

При агрономическом центре функционировала прокатная станция орудий и машин, а также зерноочистительный и случной пункт [16]. Прокатной станцией назывался комплект орудий или отдельная их группа на определенном пункте, которые предоставлялись крестьянам в непосредственное пользование для ознакомления с их механизмом. По своей организации прокатные станции делились на две категории: полные и упрощенного типа. Целью станций и зерноочистительных пунктов являлось повышение продуктивности крестьянских хозяйств, а не коммерческие выгоды владельцев. Поэтому плата за пользование машинами и орудиями суммировалась из процентов амортизации и стоимости ремонта [10, с. 8]. Так, в 1911 г. в Могилевской губернии функционировало 29 прокатных пунктов [12, с. 54]. Площадь, обслуживаемая прокатными станциями в 1913 г. в Могилевской губернии, была равна площади агрономических участков, т. е. в среднем 80 000 дес. [9, с. 89].

Условия проката орудий и машин на агрономических станциях изменялись с течением времени в зависимости от суммы выделенных кредитов [17]. Вначале орудия отдавались напрокат бесплатно. Затем, когда крестьяне в достаточной мере познакомились с возможностями использования техники, орудия и машины арендовались за определенную пла-

ту, определяемую местной агрономической организацией в зависимости от размеров спроса, от стоимости и расходов на содержание пунктов. Однако, технически сложные машины, которые занимали у крестьян больше времени для ознакомления с принципом их работы (рядовые сеялки, орудия по культуре лугов, почвоуглубители), арендовались бесплатно [9, с. 45].

При агрономическом центре для крестьян были организованы питомники саженцев плодовых деревьев и посадочного материала, а также склады с удобрениями [18].

Землеустроительные комиссии с каждым годом расширяли существующие и закладывали новые плодовые питомники, чтобы снабжать крестьянское население по пониженной расценке посадочным материалом, который соответствовал климатическим и почвенным особенностям каждого района.

В 1913 г. в Могилевской губернии семена продавались населению с 10% скидкой и с рассрочкой платежа по 1 октября 1913 г. Продажа была сосредоточена в тех волостях, где в управу поступили списки крестьян, желавших приобрести конкретный посадочный материал и удобрения. Активнее всего приобретали семена в Вендычанской, Кукавской, Чемерисо-Волоской, Копайгородской и Лучинецкой волостях Могилевского уезда, где преобладали хуторские и отрубные хозяйства, которые располагали условиями для разведения кормовых трав и корнеплодов на полях. В волостях с преобладанием чересполосных владений с толочным выпасом было затруднительно засеять значительные площади, поэтому кормовые растения произрастали на незначительной площади при усадьбах [10, с. 45].

Наряду с посадочным материалом крестьяне активно приобретали удобрения. Так, в Могилевской губернии в 1913 г. крестьянам на льготных условиях (со скидкой в размере 50%) было продано 810 пудов суперфосфата. При этом спрос на суперфосфат значительно вырос: в 1912 г. было продано всего 102 пуда, которые землеустроительные комиссии получили от суперфосфатного завода в Атаках на безвозмездных условиях [10, с. 45].

Наиболее эффективным способом улучшения системы разведения сельскохозяйственных животных являлась организация случных пунктов. В 1911 г. в Могилевской губернии было создано 49 случных пунктов, а в 1913 г. их число возросло до 224 [19].

На случных пунктах содержались животные лучших пород, потомство которых характеризовалось высокими качественными показателями. Так, в 1913 г. в Могилевском уезде были организованы 2 случных пункта: в Вендычанах и в местечке Копайгород. На Вендычанском случном пункте содержались 2 быка чистокровных швица, 2 чистокровных борова английской белой крупной породы и 1 жеребец орлово-растопчинской породы. Копайгородский случной пункт располагал 2 быками чистокровными швицами, 2 чистокровными боровами английской белой

крупной породы, 1 жеребцом англо-арабом и 1 чистокровным английским жеребцом [10, с. 41].

Для распространения среди крестьян новейших сельскохозяйственных разработок участковые агрономы в зимний период организовывали лекции. К чтению лекций привлекались специалисты сельского хозяйства, направленные от Департамента земледелия. Лекции проходили на показательных хуторах и иллюстрировались полученными результатами [20].

Что касается предмета лекций, то агрономы освещали, главным образом, следующие вопросы: распространение травосеяния, организация многопольных севооборотов и применение минеральных удобрений [9, с. 83].

В 1913 г. в Могилевском уезде были устроены первые сельскохозяйственные курсы для взрослого населения в м. Копайгород. Курсы продолжались две недели с 1 по 14 декабря с постоянным количеством слушателей 46 человек. Кроме постоянных слушателей были и случайные, посещавшие занятия во второй половине дня, в этом случае число слушателей иногда доходило до 80 человек. Средний возраст большинства слушателей от 25 до 40 лет. Крестьяне, посещавшие лекции, получали бесплатно письменные принадлежности (карандаши, тетради), а проездные – по 50 коп. суточных на содержание [10, с. 63].

Кроме теоретических лекций проводились и практические занятия. При посещении прокатной станции, слушатели курсов знакомились с принципами работы орудий, сеялок, культиваторов, железной бороны, плуга. Также проводились практические занятия по очистке зерна [21, с. 281].

Не менее познавательными для крестьян являлись организуемые землеустроительными комиссиями экскурсии на крупные сельскохозяйственные выставки, которые проходили в соседних губерниях. Так, для крестьян Могилевской губернии была организована экскурсия на Киевскую всероссийскую сельскохозяйственную выставку. На организацию экскурсии было ассигновано 705 руб. Экскурсия состояла из 44 человек экскурсантов, 4 агрономических старост и 2 агрономов. Экскурсии посещали крестьяне, проявлявшие интерес к новейшим формам ведения сельского хозяйства, а также владельцы показательных полей, участков и садов, интересующихся пчеловодством [11, с. 20]. Посещая выставки в других губерниях, крестьяне перенимали новый для них сельскохозяйственный опыт.

Мероприятия по улучшению садоводства в Могилевской губернии в 1913 г. заключались в проведении консультаций по вопросам разведения сада и приусадебного огорода. Под руководством агрономических старост крестьяне учились проводить работы по очистке деревьев от гусениц, подрезке, обмазке и опрыскиванию [18].

В Могилевском уезде в 1913 г. было заложено 15 образцовых виноградников. Крестьяне обучались правильному уходу за виноградниками и могли на льготных условиях приобретать лозы (сотню лоз оплачивали по 4 руб. 50 коп. вместо 7 руб. 50 коп.) [10, с. 31].

Важным аспектом деятельности землеустроительных комиссий была работа по улучшению пчеловодства. В 1913 г. в м. Копайгород была заложена показательная пасека. Она состояла из четырех ульев системы “Левитского” и набора необходимых принадлежностей по пчеловодству. Местные крестьяне-пчеловоды проявили интерес к пасеке и арендовали для работы на собственных пасеках пчеловодные принадлежности [10, с. 35].

Землеустроительные комиссии способствовали организации среди крестьян объединений в общества и товарищества. Так, в Могилевском уезде в течение 1913 г. при содействии агрономов были открыты Суновское и Серебриницкое сельскохозяйственные общества, а также Сербаское сельскохозяйственное товарищество. К концу 1913 г. в уезде насчитывалось 4 сельскохозяйственных кооператива. Кроме сельскохозяйственных кооперативов также функционировало: 4 кредитных товарищества, 6 ссудосберегательных товариществ, 7 волостных банков, 5 преобразованных волостных банков, 19 обществ потребителей [10, с. 36].

Заключение

Таким образом, агрономическая помощь крестьянскому населению носила многостороннюю направленность. Для теоретической подготовки крестьян землеустроительные комиссии организовывали лекции и курсы, где велось обучение прогрессивным способам и методам ведения хозяйства. Для практического содействия крестьянскому населению на агрономических пунктах оборудовались прокатные станции, где на выгодных условиях было возможно приобрести либо арендовать сельскохозяйственные орудия и машины. Организация показательных хуторов, хозяйств и полей способствовала популяризации в среде крестьян прогрессивных форм в системе хозяйства и распространению новых видов инвентаря, качественного посевного материала. Благодаря агрономической деятельности землеустроительных комиссий в Могилевской губернии возрастала продуктивность крестьянских хозяйств и повысилась их экономическая эффективность.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ

1. **Дудкоў, Д.А.** Стальпінская рэформа ў Віцебскай губерні / Д.А. Дудкоў. – Мінск : Ін-т гісторыі, 1931. – 121 с.
2. **Шапкарын, А.В.** Столыпинская аграрная реформа : автореф. дис. ... д. ист. н. / А.В. Шапкарын. – М. : Ин-т истории, 1954. – 48 с.
3. **Сидельников, С.М.** Аграрная реформа Столыпина / С.М. Сидельников. – М. : Изд-во Моск. ун-та, 1973. – 335 с.
4. **Липинский, Л.П.** Столыпинская аграрная реформа в Белоруссии / Л.П. Липинский. – Минск : Издательство БГУ, 1978. – 221 с.
5. **Белянин, Д.Н.** Переселение крестьян в Сибирь в годы столыпинской аграрной реформы / Д.Н. Белянин // Российская история. – М. : Наука, 2009. – № 1. – С. 86–94.

6. Полное собрание законов Российской империи. – Т. 26. – СПб., 1909. – 1141 с. – № 27 478. – С. 199–201.
7. Об учреждении землеустроительных комиссий. За 1906 год. – НИАБ. – Фонд 47. – Оп. 1. – Д. 1.
8. Агрономическая помощь в районах землеустройства: главнейшие основания организации агрономической помощи / Департамент земледелия. – Петроград : Издательство Департамента земледелия, 1915. – 111 с.
9. Агрономическая помощь в районах землеустройства за 1913 год / составитель Н.М. Губский. – Петроград : Типография акц. общ. типографского дела, 1915. – 298 с.
10. Отчет по оказанию агрономической помощи населению Могилевского уезда в 1913 году / Могилево-Подольское уездное земство. – Спб. : Типо-лит. канцелярия, 1914. – 108 с.
11. Справочные сведения, извлеченные из заключений губернских агрономических совещаний по вопросам программы областного совещания / Составлено и напечатано по распоряжению Департамента земледелия. – Спб. : Типография “Акц. о-ва типогр. дела в Спб.”, 1911. – 42 с.
12. Отчетные сведения о деятельности землеустроительных комиссий на 1 января 1914 года / Глав. упр. землеустройства и земледелия, Деп. гос. земельных имуществ. – СПб. : Тип. В.О. Кишбаума, 1914. – 109 с.
13. Агрономическая помощь в районах землеустройства / Департамент земледелия. – Спб. : Типография В.О. Кишбаума, 1911. – 60 с.
14. Сведения о деятельности комиссий. За 1913 год. – НИАБ. – Фонд 2611. – Оп. 1. – Д. 16.
15. Сборник циркуляров. За 1913 год. – НИАБ. – Фонд 47. – Оп. 1. – Д. 43.
16. Отчет о заседании землеустроительной комиссии. За 1913 год. – НИАБ. – Фонд 47. – Оп. 1. – Д. 124.
17. Отчет о деятельности комиссий. За 1913 год. – НИАБ. – Фонд 2611. – Оп. 1. – Д. 11.
18. Деятельность землеустроительных комиссий на 1913 год. – Национальный исторический архив Беларуси в г. Минске (НИАБ). – Фонд 2191. – Оп. 1. – Д. 765.
19. **Выборный, В.Д.** Некоторые особенности проведения Столыпинской аграрной реформы в Могилевской губернии / В.Д. Выборный, Э.Я. Курпачин // Гістарычнае і сацыякультурнае развіццё Магілёва : зборнік навуковых прац удзельнікаў V Міжнароднай навуковай канферэнцыі “Гісторыя Магілёва: мінулае і сучаснасць” / [укладальнікі: І.А. Пушкін, В.В. Юдзін]. – Магілёў, 2007. – С. 136–140.
20. **Ворон, В.П.** Аграрное просвещение крестьян Беларуси в период столыпинских сельскохозяйственных преобразований / В.П. Ворон // Молодежь в науке – 2009 : приложение к журналу “Весці Нацыянальнай акадэміі навук Беларусі” : в 5 ч. – Минск, 2010. – 540 с. – Ч. 2 : Серия гуманитарных наук. – С. 14–18.
21. Сборник законов и распоряжений по землеустройству : 1-е дополнение. – СПб. : Канцелярия Ком. по землеустроит. делам, 1913. – 592 с.

Поступила в редакцию 27.12.2013 г.

УДК 94(476) "18":070

А.А. ІВАНОЎ

“НОВЫЯ КНИГИ”. АГЛЯД ВЫДАВЕЦКАЙ ДЗЕЙНАСЦІ НА СТАРОНКАХ ГАЗЕТЫ “ВІЛЕНСКІ ВЕСНІК”

На падставе архіўных крыніц аналізуецца выдавецкая дзейнасць на старонках газеты “Віленскі веснік” у сярэдзіне XIX ст. у рамках існавання рубрыкі “Новыя книги”. Высвятляецца, якія кнігі, якой тэматыкі у адзначаны перыяд выдаваліся як у Вільні, так і ў іншых месцах; паказваецца, як рэдакцыя часопіса, афіцыйныя асобы ставіліся да з’яўлення тых ці іншых новых кніг; робіцца спроба высвятліць, чаму менавіта дадзеныя публікацыі цікавяць аўтараў “Віленскага весніка”, а гэта значыць і патэнцыйнага чытача. Робіцца выснова аб тым, што дадзеная рубрыка на старонках газеты дапамагае ў разуменні аблічча адукаваных слаёў тагачаснага грамадства праз цікавыя іх кнігі.

Уводзіны

На працягу ўсяго XIX ст. галоўным афіцыйным выданнем усяго Паўночна-Заходняга краю з’яўлялася газета “Віленскі веснік”, якая змяшчала на сваіх старонках разнастайны матэрыял са шматлікіх галін жыцця Імперыі. Не глядзячы на тое, што асноўную частку кожнага нумара займалі палітычныя падзеі, шмат увагі надавалася і культурнаму жыццю. Больш таго, Веснік увесь час пазіцыянаваў сябе як выданне асветніцкае, таму час ад часу надаваў увагу асветленню выдавецкай дзейнасці не толькі Заходніх губерняў, але і агульнаімперскай. Аналізуючы матэрыялы газеты “Віленскі веснік” ад 1834 г., з часу пераходу выдання на руска-польскае двухмоўе (а асноўнай для нас крыніцай з’яўляліся фонды Бібліятэкі Акадэміі Навук Літвы ў Вільнюсе, Р., F № 4148), мы заўважылі, што падобныя артыкулы з’яўляліся на яе старонках на працягу амаль 25 гадоў, да 1860 г., калі Веснік змяніў свой фармат і галоўным рэдактарам стаў Адам Кіркор. “Віленскі веснік” у дадзены (1834–1859) перыяд (і толькі ў дадзены, у пазнейшых матэрыялах намі не знойдзена інфармацыя такога кшталту) пастаянна змяшчае, так бы мовіць, своеасаблівыя “анонсы” новых кніг, часопісаў і г. д., якія друкаваліся не толькі ў Вільні, але па ўсёй імперыі і нават па-за яе межамі. Да таго ж, рэдакцыя часцяком давала свае рэцэнзіі новым кніжным паступленням, што таксама выклікае цікаўнасць. Гэты раздзел звычайна меў назву “Новыя книги”.

У дадзеным даследаванні мы перш за ўсё звяртаем увагу на агляд “Віленскім веснікам” выданняў навуковай тэматыцы. Для нас было важна зразумець, як афіцыйнае выданне ставілася да асветлення менавіта гістарычных, канфісійных, лінгвістычных, краязнаўчых пытанняў.

Асноўная частка

Значную ўвагу рэдакцыя “Віленскага весніка” надавала гістарычнай тэматыцы. Перш за ўсё гэта датычылася гісторыі ВКЛ. Звычайна да такіх выданняў прыкладалася вялікая рэцэнцыя з тлумачэннямі.

Ужо ў нумары 8 за 1834 год мы бачым “Новыя книги”: “... альманах “Зничь” [аб старажытнай Літве да прыняцця хрысціянства], “Народонаселение Вильни” [1, № 8]. У тым жа годзе, у 50-м нумары – яшчэ адзін кніжны агляд, на гэты раз непасрэдна звязаны з беларускай гісторыяй. Гэта знакамітая “Переписка пап с Российскими государями в XVI в.”, якую “почтенный протоирей И. Григорович, изд. Бел. арх. др. грамот, издал ныне сии немногие акты, относящиеся к отечественной истории XVI в.” [1, № 50]. Бачна, што рэдакцыя добра ведае і паважліва ставіцца да постаці знакамітага пратаірэя і навукоўцы І. Грыгаровіча: “... Мы тем более желаем обратить внимание публики на эту книгу, что успешный ход ея должен ускорить издание второй части Белорусского архива. Если бы граф Николай Петрович Румянцев был еще жив, то, вероятно, Белорусский архив давно уже был бы напечатан...” [1, № 50]. Нагадаем, што “Беларускі архіў” – першы ў беларускай навуцы археаграфічны зборнік, выдадзены пратаірэем Іванам Грыгаровічам на грошы мецэната – графа Мікалая Румянцава, дзе адлюстроўваецца царкоўная гісторыя беларускіх зямель XVI–XVIII стст. Акрамя гэтага Грыгаровіч не абмяжоўваецца чыста канфесійнымі пытаннямі, а, наколькі гэта магчыма, адлюстроўвае палітычнае і сацыяльна-эканамічнае жыццё Беларусі тых часоў [2, с. 9]. Першая частка “Беларускага архіва” выйшла ў 1824 г., другая была поўнаасцю падрыхтавана да выдання, але не апублікавана, праца над трэцяй часткай не была скончана ў сувязі са смерцю мецэната і спыненнем дзейнасці гуртка. Справа ў тым, што так званы “Румянцаўскі гурток” – сваеасаблівае кола аматараў даўніны, якое гуртавалася вакол канцлера Мікалая Пятровіча Румянцава і існавала ў асноўным на яго грошы. На тэрыторыі заходніх губерняў (у Гомелі, Полацку, Вільні і Магілёве) знаходзіўся адзін з трох (разам з Масквой і Пецяярбургам) яго цэнтраў. І. Грыгаровіч, святар гомельскага маёнтка князя, быў адным з галоўных яго паплечнікаў [3, с. 61]. Таму пасля смерці Румянцава асветніцкая дзейнасць гуртка, зразумела, пакрысе спынілася.

У 1836 г. у дадзеным раздзеле Веснік змяшчае і штосьці накшталт рэкламы: “Русские древности, или записки о станах и древних жителях Российского государства, собранные из разных рукописей, и других источников, принадлежащих к письменным памятникам исландцев и древних скандинавов, с Латинским переводом, и критическими и литературными примечаниями, издаваемые Королевским обществом испытателей северных древностей” [4, № 17]. Як бачым, нават пра такія рэдкія выданні можна было даведацца са старонак газеты.

У 1843 г. (№ 52) змяшчаецца анонс выдання па канфесійнай гісторыі Беларусі і Літвы: “Новые сочинения. Собрания древних грамот и актов города Вильны, Ковна, Троков, православных монастырей, церквей, и по

разным предметам” 2 тома. Вильно, 1843, с тип. А. Марциновского, в б. 4 ю.д.п., LXVI, 193 и 208 стр., с тремя литографированными рисунками” [у выданні бралі ўдзел Марцыноўскі, Нарбут, Карсакевіч, Яхімовіч па распараджэнню Віленскага грамадзянскага губернатара Сямёнава] [5, № 52]. Ніжэй паведамляецца аб тым, што “... Сочинение это очень любопытно, и для истории западных провинций наших весьма важно. Сообщаем, вкратце, суждение о сем сборнике одного ученого и знающего судьи, напечатанное в книжке журнала Министерства внутренних дел за май месяц и в сотый номер Северной Пчелы” [5, № 52]. Менавіта дадзеная рэцэнзія і змяшчае найбольш карысную для нас інфармацыю, бо не толькі датычыцца беларускага мінулага, але і паказвае афіцыйны пункт гледжання на дадзеную праблему. Ніжэй прыводзім асноўныя пазіцыі артыкула, вынікі, якія робіць рэцэнзент на падставе апублікаваных ў кнізе фактаў:

“... Первый, получаемый отсюда результат состоит в неопровержимой, освобождаемой от всякой тени сомнения, уверенности, что язык Русский был язык господствующий в так называемой некогда Литве, даже и в то время, когда она уже была соединена с Польшею. Язык этот являлся народным, и государственным, то есть деловым, официальным. На нем совершаются гражданские акты, пишутся судебные определения, даются великокняжеские и королевские грамоты. Правда, в последнем случае, язык Латинский, в то время общий дипломатический язык всей Западной Европы идет и здесь рука об руку с Русским..... Но язык этот, вводимый насильственно, отвергался употреблением..... Доказательством тому представляется помещенная в “Собрании” (ч.1Н.26) грамота Короля Сигизмунда I, от 29 августа 1536 года..... [далее апісваецца дакументальна зафіксаваная ў зборніку сітуацыя, калі дакумент, які быў напісаны на лаціне, але для таго, каб мясцовая шляхта здолела яго зразумець, нібыта сам кароль перакладае і выпісвае яго на “рускай” мове]... Стало быць, в первой половине XVI столетия, в Вильне, столице тогдашней Литвы, градское общество, которому дана была эта грамота, знало только по Русски!..... Что язык Русский имел издревле единственное законное употребление в туземном судопроизводстве, это известно уже из тех неопровержимо доказанных фактов: что Судебник короля Казимира IV для Великого Княжества Литовского был записан около 1480 года по Русски, что даже самый Статут Литовский, составленный в 1529 г., а напечатанный в 1588 г., был также по Русски и составлен, и напечатан... [далее у тым жа духу]... Употребление языка Русского в судопроизводстве Литовском отменено было в 1697 году... Итак, кто может теперь еще колебаться и оспаривать, что так называемое Великое Княжество Литовское всегда и во всех частях своих, даже в тех, где находится сердце собственно Литвы [Жмудзь], было Русское?... Язык Русский мог иметь такое повсюдное и постоянное владычество не иначе, как при решительном перевесе и преобладании народонаселения Русского. Это не был язык мертвый, которому надо было учиться из книг..... Это тот самый язык,

который донныне живет в устах нескольких миллионов людей, всегда и везде называющих себя русскими: язык, который в отличие от других ветвей своего могучего корня, носит скромное имя “Наречия Белорусского” [1], и теперь в большей части западных областей Империи туземного, народного.

Впрочем, издатель теперь доказал, и кроме языка, в самом содержании своем, представив очевидные доказательства, что край и народ, которому они принадлежат, были Русскими: что они не знали для себя другого имени, как имя Руси; что в них господствовал Русский дух и Русские нравы; что, наконец, вера, главное начало народной и общественной жизни, была в них, издревле и постоянно, Православная Русская” [5, № 52].

Негледзячы на тое, што аўтар дадзенай рэцэнзіі апелюе (яшчэ ў сярэдзіне XIX ст.) такімі паняццямі, як “беларускі”, тут няма нічога надзвычайнага. У гэтай прамове мы бачым трывалую для XIX ст. (і нават пазнейшага часу) тэндэнцыю, калі афіцыйныя імперскія ўлады так бы мовіць “змагаюцца” за “рускасць” беларускага краю, “баронячы”, супрацьстаўляючы яго “чужыннаму” польскаму ўплыву. Рускае чыноўніцтва меркавала, што беларусы, вызваліўшыся з-пад польскага ўплыву – нават тыя, хто спавядаў каталіцтва – зразумеюць, што з’яўляюцца часткай “вялікай рускай нацыі” [6, с. 604]. Тым больш, як слушна заўважае Эрык Хабсбаум, спасылаючыся ў сваёй манаграфіі “Нацыі і нацыяналізм пасля 1780 г.” на працу Міхаіла Чарняўскага “Цар і народ”, яшчэ ва ўяўленнях XIX ст. быць рускім – азначала быць селянінам-хрысціянцам, а таксама “сапраўды вераючым”, гэта значыць – праваслаўным [7, с. 80].

Для саміх жа тагачасных беларусаў (пераважна, сялян) гэтае пытанне не мела вялікага значэння. Ім дастаткова было разумець сваю “тутэйшасць”. Польскі даследчык Рышард Радзік заўважае, што яшчэ з перыяду падзелаў Рэчы Паспалітай сяляне такім чынам пазбягалі пэўнага самавызначэння на карысць якога-небудзь з нацыянальных бакоў: польскага або рускага – сіл, якія змагаліся паміж сабой, ігнаруючы іх (сялян) [8, с. 10].

Але важна тут іншае. Трэба звярнуць увагу на тое, што яшчэ ў сярэдзіне XIX ст. на старонках такога сур’ёзнага выдання, якім з’яўлялася пецярбургская “Северная Пчела” (а менавіта на рэцэнзію гэтага часопіса спасылаецца “Віленскі веснік”), фактычна быў заяўлены тэзіс аб “рускасці” ВКЛ, яго неад’емнасці ад усходнеславянскага свету. Справа ў тым, што ў той час у афіцыйным дыскурсе Расійскай імперыі пад рускасцю мелася на ўвазе прыналежнасць да “трыдзінага рускага народа”, у якім беларускі – толькі складовая яго частка. Канешне, дэталёвы разгляд дадзенай праблемы – тэма асобнага даследавання, тут мы ставілі сабе іншыя мэты. Але факт застаецца фактам: тэза аб рускім (чытай “славянскім”) характары ВКЛ (пазней узятая на ўзбраенне і канчаткова сфармуляваная дзеячамі беларускага адраджэння канца XIX – пач. XX стст. як канцэпцыя аб беларускасці Княства), спрэчкі аб чым не сціхаюць і дагэтуль, была агу-

чана яшчэ ў першай палове XIX ст. і не дзе-небудзь, а на старонках аднаго з самых аўтарытэтных выданняў таго часу.

Апошнім, знойдзеным намі паведамленнем па гістарычнай тэматыцы, з'яўляецца анонс “Каталога изяшчнага собрания сочинений, большею частию редких и дорогих, относящихся преимущественно к России и древней Польше” (издательство Императорской Публичной Библиотеки) у 22-м нумары Весніка за 1853 год [9, № 22].

Змяшчала рэдакцыя інфармацыю і аб выданнях краязнаўчай і этнаканфесійнай тэматыкі. Пры чым, як казалася раней, часопіс не спыняўся толькі на аглядзе кніг, выдадзеных у Расійскай імперыі. У 1835 г. (№ 12), напрыклад, звяртаецца ўвага чытача, што “...вышло в Андовере в Северной Америке весьма важное для славян сочинение под заглавием “Historical view of the slavish language in its various dialects (Исторический взгляд на славянский язык в разных его наречиях)”... сочинено дамой г-жой Робинсон. ... Г-жа Робинсон (следуя Добровскому) разделяет славян на восточных и западных. К первым причисляет она Россиян, Сербов, Кرواتов и Словенцев, или Вендов в Карниолии, Стирии и Каринтии; к западной же отрасли: Чехов, Словаков (обитающих в северной Венгрии), Поляков и Лузичей” [10, № 12]. Дадзеная інфармацыя, без сумнення, карысная для тых, хто цікавіцца славяназнаўствам і гісторыяй пытання. Як мы бачым, погляд аўтара дадзенай кнігі не зусім супадае з сучаснымі меркаваннямі навукоўцаў, але адлюстроўвае канцэпцыю славянскага свету, сфармуляваную менавіта амерыканскім аўтарам XIX ст.

Рубрыка “Новыя кнігі” з'яўляецца ў 1841 г. з кароткім анонсам “Архива ученых сведений о России” [11, № 61].

Цікавая інфармацыя змяшчаецца ў 93 нумары 1842 г. Анансируюцца “Генеалогический альманах дворянских фамилий”. Усім прадстаўнікам дварансва прапануюць даслаць анкету для змяшчэння ў дадзеным альманаху [12, № 93]. Шкада толькі, што вынікі гэтага апытання і матэрыялы альманаха ў далейшым на старонках Весніка не друкуюцца (альбо не трапілі ў поле нашага зроку).

Напрыканцы 1844 г. выдавецтва анансиравала выданне “Памятной книжки Виленской губернии за 1845 год”. У газеце нават была надрукавана праграма “Памятной книжки”, яе структура (“1. Список чинам. 2. Статистические сведения.... 3. Смесь...” [13, № 100]. Звычайна (але ў больш позні перыяд) “Памятная книжка” складалася з чатырох раздзелаў: 1. Адраскаляндар з пералікам дзяржаўных устаноў і іх асабістага складу. 2. Даведачны аддзел са шматлікімі звесткамі пра адміністрацыйны падзел губерні, колькасці прадпрыемстваў, шляхі зносін і г. д. 3. Статыстычны раздзел, у якім у выглядзе табліц і іншых звестак падаваўся штогадовы агляд губерні (дэмаграфічны, адукацыйны, эканамічны і г. д.). 4. Літаратурна-мастацкі аддзел, дзе змяшчалася інфармацыя аб гісторыі, этнаграфіі, фальклору, біяграфіі мясцовых дзеячоў і інш. [14, с. 62]. Мэтазгоднась выдання рэдакцыя тлумачыць так: “... признано необходимым издать Памятную книжку Виленской губернии, в виде губернского Адрес-Ка-

лендаря, которая не только ознакомила бы многих с правительственными лицами, но и служила бы справочным пособием, где поединены в системное целое, разнородные сведения. Если издание сего рода признано весьма полезным во внутренних губерниях Империи, жители коих, издревле ознакомлены с административным управлением, то для здешних губерний, недавно включенных в общий состав по законоположению, оно составляет важную существенную необходимость, а удобствие ея, убеждает и в пользу самого издания” [13, № 100]. Тут трэба патлумачыць, што калі ва ўнутраных губернях Расіі “Памятныя кніжкі” пачалі выдавацца яшчэ ў 30-х гг. XIX ст., то на беларускіх землях – значна пазней. З дадзенай крыніцы застаецца невядомым, наколькі паспяховым было гэтае (на ўсім – першае) выданне “Памятнай кніжкі”. У другім томе “Гісторыі беларускай кнігі” можна знайсці інфармацыю аб тым, што першыя “Памятныя кніжкі” з’яўляюцца ў Мінску ў 1845, у Гродне ў 1847 г., а толькі з 1860 г. іх выпуск становіцца сістэматычным і амаль штогадовым і ў Віленскай, Віцебскай, а з 1861 г. – у Магілёўскай губернях [14, с. 61]. Але аналіз “Віленскага весніка”, як архіўнаў крыніцы, паказвае, што і “Памятную кніжку” Віленскай губерні, разам з мінскай, як мы бачым, планавалася выдаць яшчэ ў 1845 г., што робіць яе адной з першых на беларускіх землях. Калі ж меркаваць пра карысць выдання такога штогадовіка, то тут можна смела гаварыць аб тым, што “Памятная кніжка” ў свой час стала адной з першых асноўных і дакладных крыніц для гісторыка-археалагічнага вывучэння губерняў, амаль што адзінай легальнай магчымасцю даследаванняў і друку для мясцовых краязнаўцаў таго часу.

Заклучэнне

Пасля 1853 г. аб новых кніжных паступленнях на старонках газеты не гаворыцца, а рубрыка (магчыма, ў сувязі з пазнейшымі змяненнямі ў рэдакцыйнай палітыцы, абумоўленымі рэдактарскай дзейнасцю А. Кірко-ра) увогуле знікае.

Трэба заўважыць, што рубрыка “Новыя кнігі” на старонках “Віленскага весніка” увогуле – з’ява, якая характэрна толькі для гэтага выдання ў сярэдзіне XIX ст. Менавіта ў 30-я – 50-я гг. Веснік бярэ на сябе функцыю асветніцтва ў галіне кнігавыдавецтва. Анансіраваліся не толькі кнігі, выдадзеныя ў Вільні (прынамсі, у большасці сваёй у тым жа выдавецтве, што і сам веснік – друкарні Марцыноўскага), але і ў іншых частках Імперыі і нават па-за яе межамі. З гэтага, а таксама з характара вышэйузгаданых выданняў можна зрабіць выснову, што рэдакцыя сапраўды дбала пра пашырэнне круга аматараў кніг, уцягвала чытача ў своеасаблівую дыскусію, друкуючы рэцэнзіі на новыя кнігі і выказваючы нават свой уласны пункт гледжання. У некаторых выпадках рэдакцыя абмяжоўвалася кароткім аносам выдання, у іншых – лічыла неабходным размясціць разгорнутую рэцэнзію, не толькі заахвочваючы, але нават і адукуючы, можна сказаць, пэўным чынам выхоўваючы свайго чытача. Больш таго, са старонак газеты дзякуючы дадзенаму раздзелу мы можам адзначыць для

сябе цікавыя і карысныя выданні, што выходзілі ў той час, але па тых ці іншых прычынах выпалі з поля зроку даследчыкаў. Акрамя гэтага, памятуючы аб тым, што рэдакцыя любой газеты арыентуецца на патэнцыйнага чытача, дадзеная рубрыка з'яўляецца карыснай гістарычнай крыніцай, якая дазваляе нам больш поўна ахарактарызаваць прадстаўніка адукаванага саслоўя Паўночна-Заходняга краю XIX ст. праз аналіз цікавячай яго літаратуры.

СПІС ВЫКАРЫСТАНЫХ КРЫНІЦ

1. Виленский вестник, Бібліятэка Акадэміі Навук Літвы, аддзел перыядычных выданняў (Р). – Ф. Р.4148. 1834 г.
2. **Грыгаровіч, І.І.** Беларуская іерархія / І.І. Грыгаровіч. – Мінск : БелЭн, 1992. – 102 с.
3. **Клепікаў, М.** Румянцаўскі гурток і ахова помнікаў гісторыі і культуры ў Беларусі / М. Клепікаў // Беларускі гістарычны часопіс. – Мінск, 2003. – № 1. – С. 60–66.
4. Виленский вестник, Бібліятэка Акадэміі Навук Літвы, аддзел перыядычных выданняў (Р), Ф. Р.4148. 1836 г.
5. Виленский вестник, Бібліятэка Акадэміі Навук Літвы, аддзел перыядычных выданняў (Р), Ф. Р.4148. 1843 г.
6. Российская империя в зарубежной историографии. Работы последних лет: Антология / сост.: П. Верт, П.С. Кабытов, А.И. Миллер. – М. : Новое издательство, 2005. – 696 с.
7. **Хобсбаум, Э.** Нации и национализм после 1780 г. / Э. Хобсбаум ; пер. с англ. А.А. Васильева. – СПб. : Изд. “Алетейя”, 1998. – 305 с.
8. **Радзiк, Р.** Беларусы (Погляд з Польшчы) : манаграфія / пер. з польск. ; рэд. Я. Іваноў ; ГА МТ “Брама”. – Мінск : Энцыклапедыкс, 2002. – 132 с.
9. Виленский вестник, Бібліятэка Акадэміі Навук Літвы, аддзел перыядычных выданняў (Р), Ф. Р.4148. 1853 г.
10. Виленский вестник, Бібліятэка Акадэміі Навук Літвы, аддзел перыядычных выданняў (Р), Ф. Р.4148. 1835 г.
11. Виленский вестник, Бібліятэка Акадэміі Навук Літвы, аддзел перыядычных выданняў (Р), Ф. Р.4148. 1841 г.
12. Виленский вестник, Бібліятэка Акадэміі Навук Літвы, аддзел перыядычных выданняў (Р), Ф. Р.4148. 1842 г.
13. Виленский вестник, Бібліятэка Акадэміі Навук Літвы, аддзел перыядычных выданняў (Р), Ф. Р.4148. 1844 г.
14. Гісторыя беларускай кнігі : у 2 т. – Т. 2 : Кніжнасць новай Беларусі (XIX–XXI стст.) / М.В. Нікалаеў [і інш.] ; навук. рэд.: В.В. Антонаў, М.В. Нікалаеў. – Мінск : Беларус. Энцыкл. імя П. Броўкі, 2011. – 436 с.

Паступіў у рэдакцыю 02.05.2013 г.

УДК 930.2

Я.А. РИЕР

НОВЕЙШИЕ ПОДХОДЫ В ТЕОРИИ ГОСУДАРСТВООБРАЗОВАНИЯ В ЗАРУБЕЖНОЙ ИСТОРИОГРАФИИ

В статье представлен анализ теорий известных зарубежных и российских исследователей в области политической антропологии, в частности, по вопросам государствообразования. Автором дается характеристика этапов и путей построения государства, поднимается проблема вождества как начального государствообразующего этапа, исследуется феномен раннего государства с точки зрения различных ученых. Проводится идея о возможности построения с помощью данных теорий отличного от классического взгляда на процесс образования государственности на восточнославянских землях.

Введение

В последнее время все больше исследователей обращаются к политической антропологии как новому средству понимания процессов зарождения государственности.

Политическая антропология сложилась как одно из ответвлений антропологической науки и направлена на изучение институтов управления и соответствующей практики у этнических сообществ, в особенности в примитивных обществах и обществах с племенным строем, исследуя то, какими путями в них происходило развитие политических институтов и практики [1].

О политической антропологии говорят с 1940 г., когда были изданы три книги, в которых ставились многие важные вопросы, связанные с организацией власти в некоторых африканских обществах, ее функционировании и институционализации [2, с. 7]. Само же название было введено в 1959 г. американским антропологом Д. Истоном [2, с. 8]. А другой исследователь, Ж. Баландь, стал одним из первых, кто попробовал очертить круг вопросов, относящихся к сфере политической антропологии как самостоятельной отрасли этнографической науки [2, с. 12].

Развитие политической антропологии шло быстрыми темпами, и уже в 60-е гг. исследователь в данной области **М. Фрид** разработал политико-антропологическую модель, включающую эгалитарное, ранжированное и стратифицированное общества как последовательные ступени, предшествующие государственной организации [2, с. 14]. Именно модель М. Фрида (с изъятием племени как ступени эволюции) до сих пор используется многими исследователями при изучении вопросов государствообразования [2, с. 14]. Кроме того, М. Фрид вел разработку проблемы вождества. Он признавал неизбежность такой формы организации отношений власти и властвования, которая предшествовала бы непосредственно складыванию организации государственной, и анализировал

вопрос о грани между вождеством и ранним государством [2, с. 15]. В 1962 г. на этой основе американский антрополог Э. Сервис создал несколько уровней социокультурной интеграции, начиная от локальной группы (band) [2, с. 14].

Несмотря на значимость указанных исследований для изучения ранних этапов европейской истории, большинство авторов почти неизвестно в отечественной историографии. Исключение – монография Куббеля [2]. Но идеи его монографии, выбивавшиеся из привычной для советских этнографов тематики и терминологии, не получили в те годы развития.

Целью данной статьи является анализ основных идей западных антропологов для возможности дальнейшего применения результатов их деятельности в исследовании процессов государствообразования на землях восточноевропейского региона, характеристика применения их теорий в зарубежной, российской и отечественной историографии.

Основная часть

Одной из наиболее ярких фигур в этой области является голландский антрополог **Хенри Дж.М. Классен** (H.J.M. Claessen, род. 1930), чье имя связывают прежде всего с разработкой теории раннего государства. В 1978 г. вместе с чехословацким ученым П. Скальником он издал книгу “Раннее государство”, получившую широкий резонанс и послужившую началом кардинально новых разработок в теории образования государственности [3, с. 10].

Давая определение понятию “государства”, Х.Дж.М. Классен отмечал, что это особый вид социальной организации, выражающий специфические типы общественного строя. Оно является выражением социальных, экономических и политических отношений, существующих в данном обществе, и идей, касающихся силы, власти, принуждения, правосудия и собственности [4, с. 72]. Кроме того, это определенный тип организации, включающий три главных компонента: количество населения, определенную ограниченную территорию и специфический тип управления [3, с. 7]. Самым важным компонентом для идентификации организованного сообщества как государства является тип государственного устройства, в чьей структуре выделяют две составные части: власть и управление [3, с. 7-8].

Особое внимание исследователя привлекает именно раннее государство, под которым он понимает трехуровневую (национальный, региональный и местный уровни) социально-политическую организацию для урегулирования социальных отношений в сложном стратифицированном (многоуровневом) обществе, разделенном по крайней мере на два основных класса, или с возникающими социальными классами – правителей и подданных, чьи отношения характеризуются политическим доминированием первых и обязанностью вторых платить налоги, узаконенной общей идеологией, основополагающим принципом которой является реципрокность (обмен дарами на рыночной основе) [4, с. 73].

Но раннее государство по сути своей не является однородным. Оно проходит в своем формировании и развитии несколько этапов, поэтому Х.Дж.М. Классен выделил три типа ранних государств: зачаточное, типичное и переходное [3, с. 11], для каждого из которого характерны свои особенности. Помимо этого, Х.Дж.М. Классен и П. Скальник выделили несколько типов ранних государств уже по территориальному признаку: западно-африканский, полинезийский, индоевропейский, центрально-американский. Ученые подчеркнули, что везде существовали сходные политические структуры, которые возникли в различном культурном окружении независимо, так как столкнулись с одинаковыми проблемами: как поддержать закон и порядок, как сохранить территориальную целостность, правительственный аппарат и т. д. [5, с. 18].

Любое государство, где бы оно ни формировалось, не появлялось в полностью сформированном виде. Оно развивалось из менее развитых социополитических форм, таких как вождества, или общества бигменов [3, с. 6], где уже существовали социальное неравенство, обязанности платить налоги и работать на вождей, необходимость подчиняться правилам и предписаниям [4, с. 74]. То есть у них уже можно проследить наличие некоторых характерных для раннего государства черт [3, с. 6].

Тем не менее, процесс развития государства зависел от появления так называемых “необходимых условий” (как их назвала исследователь Шифферд) [4, с. 74], среди которых Х.Дж.М. Классен выделяет: достаточную численность населения, по меньшей мере, несколько тысяч человек, которая вызывает потребность в более развитых формах управления [6, с. 76]; контроль общества над определенной территорией [4, с. 77]; наличие системы производства избыточного продукта для содержания специалистов и привилегированных категорий населения (причем, сбор излишков может осуществляться в форме налога, дани или даже грабежа) [4, с. 77]; существование идеологии для объяснения и оправдания существования иерархической политической организации и социально-политического неравенства [4, с. 78].

Но помимо четырех условий для развития государства, нужен был еще и повод, который спровоцировал бы трансформацию, то есть переход к государству. В связи с этим Х.Дж.М. Классен выделил 6 факторов, связанных с появлением и развитием раннего государства. Это война, завоевание, идеология, производство избыточного продукта, влияние уже существующих государств, а кроме того, так называемый социальный формат (подразумевающий численность населения, допустимое демографическое давление на занимаемую территорию и пространство распространения населения) [5, с. 9; 7, с. 8]. Вместе с этим, исследователь подчеркивал, что социальные изменения, в основном, происходили непреднамеренно, без планирования, начинаясь с удовлетворения насущных потребностей [5, с. 10].

Исследования Х.Дж.М. Классена оказали большое влияние на изучение вопросов государствообразования.

После выхода в свет “Раннего государства” Х.Дж.М. Классен организовал трехдневный симпозиум под названием “Изучение государства” в рамках Международного Конгресса Международного Союза Антропологических и Этнологических Наук (IUAES) в Нью-Дели в декабре 1978 г., материалы которого были опубликованы в 1981 году под названием “Изучение государства” (“The Study of the State”) [7, с. 10].

Примерно в это же время растет интерес к явлениям эволюции государственности и в других научных кругах. Так, в 80-е гг. проводится Голландская конференция по ранним государствам, возглавляемая Петером Клоосом [7, с. 10]. В 1983 г. в Монреале (Канада) открывается конференция на тему “Раннее государство и после него”, результаты которой в 1987 г. были представлены в книге “Динамика раннего государства” (Х.Дж.М. Классен и Ван де Велд) [7, с. 11]. В 1993 г. прошла конференция в Мехико, итогом которой стал сборник “Идеология и образование ранних государств” (Классен и Остен (Oosten)), изданный в 1996 г. [7, с. 11]. В 2000 г. результатом активной научной деятельности Х.Дж.М. Классена стала книга “Структурные изменения; Эволюция и эволюционизм в культурной антропологии”, в которой автор презентовал свои взгляды на эволюцию различных социо-политических форм, причем, не только ранних государств [7, с. 12].

Под влиянием данных исследований в рамках политической антропологии со второй половины XX в. заявили о себе и другие исследователи. Так, американский антрополог **Роберт Карнейро** (R.L. Carneiro, род. 1927), исследуя вопросы возникновения государств, указывал на то, что рост численности населения приводил к увеличению конкуренции за ресурсы, а затем к интенсивным военным столкновениям, в результате которых более сильные группы создавали стратификацию и государство, причем к нему шли разными путями [5, с. 12].

Один и тот же институт в ряде обществ имеет различное происхождение. То есть принцип однолинейности сохраняется в институтах, а реальность многолинейна [5, с. 12]. Этапом, предшествующим появлению государства, по мнению Р. Карнейро, также являются вождества, которые представляют собой форму политики между автономными общинами. Вожди имеют судебную власть (т. е. это, по сути, союз племен с иерархией общинных и племенных вождей) [8, с. 89]. Можно выделить простые и сложные, высшие вождества, инкорпорирующие в себя более мелкие и слабые [8, с. 91].

Наличие сельского хозяйства, социальных условий, рост населения, война образовали необходимые условия, которые подтолкнули процесс возвышения вождеств, а потом, в более ограниченных регионах – к появлению государств [9, с. 90]. Отличительной чертой теории Р. Карнейро является признание войн, вызванных ограниченностью окружающей среды и доступных ресурсов в качестве главной движущей силы не только процесса создания вождеств, но и образования государств [10, с. 213].

Эйдан Саутхолл (A. Southall, 1920–2009), уже британский антрополог, выдвинул концепцию сегментарного государства, согласно которой каждое раннее государственное образование состоит из слабо связанных сегментов. Сегменты структурно подобны друг другу, их границы нечетки и особенно размыты на периферии [1]. То есть, сегментарное государство – такая полития, в которой сферы ритуального сюзеренитета и политического суверенитета не совпадают. Первый широко охватывает текучую, изменяющуюся периферию. Последний ограничивается центральной нуклеарной областью. Могут различаться несколько уровней пирамидально организованного соподчинения политических центров [11, с. 130].

Исторически многие государства создавались посредством завоевания, но самые ранние, первичные государства, вероятно, возникли лишь на основе внутреннего, эндогенного процесса [11, с. 131].

Похоже, что самые ранние государства возникли в нуклеарных областях человеческой цивилизации (причем образование одного влекло за собой появление другого). Однажды возникшие культурное, экономическое, военное и политическое взаимодействие и влияние с течением столетий становились все более интенсивными как в первоначальной нуклеарной области, так и за ее пределами, что вело к эволюционным изменениям в общественной организации. Так что государства неизбежно становились, скорее, вторичными, чем подлинно первичными по своим характеристикам. Причем большинство ранних государств, вероятно, не были изолированными; в каждом данном регионе имелось несколько политических центров, но под разной юрисдикцией [11, с. 132]. Причем, самые ранние государства были городами-государствами, к чему вела динамика интенсификации хозяйства [11, с. 135].

Согласно теории **Элмана Сервиса** (E. Service, 1915–1996), первой формой объединения людей явились локальные группы, которые имели эгалитарную общественную структуру с аморфным руководством наиболее авторитетных лиц. С переходом к производящему хозяйству возникли общины и племена, появился институт межобщинного лидерства, возможно, ранние формы системы возрастных классов. Следующая стадия – вождество, где уже возникла социальная стратификация, отстранение масс от процесса принятия решений. Позиции правителей вождеств основываются на контроле ресурсов и перераспределении прибавочного продукта. С вызреванием государства центральная власть получила монополию на законное применение силы. На этой стадии появляется письменность, цивилизация, города [1].

Кроме того, Э. Сервис указывал на однолинейный путь развития, в ходе которого общество должно прийти к государству [18]. Становление государственности явилось следствием необходимости интеграции – потребностей реорганизации организации управления обществом вследствие его усложнения. Исходной и основной причиной возникновения и основной функцией государства явилось ведение и организация

хозяйства [7, с. 156]. Политическая власть возникала, по мнению Э. Сервиса, постепенно в ходе эволюции (дружина, племя, вождь, примитивное государство), и этот процесс был связан прежде всего с управлением совокупными делами общества. Обращение к насилию со стороны государства выступало прежде всего как монополизация этого фактора и подавление насилия более низкого уровня. Вместе с тем, Э. Сервис отмечает эволюцию власти в сторону самоограничения и признания принципов легитимности, что и означало “путь к цивилизации” [7, с. 156-157].

Американский историк-медиевист **Жозеф Страер** (Joseph Strayer, 1904–1987) также уделял в своих работах пристальное внимание ранним этапам формирования государства [12, с. 97].

Ключевой процесс, по мнению Страера, состоял в установлении более эффективных моделей управления растущими территориями, осуществляемых от лица правителя с помощью все возрастающего количества профессиональных управленцев [12, с. 97]. Политические образования в процессе образования государства следует рассматривать в первую очередь не как завоевательные объекты, а как растущие объединения правящих династий, функционирующие с помощью управленческого аппарата с целью сохранения и увеличения своих владений [12, с. 98].

Гарольд Джон Берман (Harold J. Berman, 1918–2007), известный американский юрист и исследователь, в своей работе “Западные традиции права: эпоха формирования” не только оценил вклад священнослужителей и их специфической деятельности в образовании государств, но утверждал, что первые государства на Западе формировались с помощью церкви в лице папства в конце XI–XII вв. [12, с. 98]. Кроме того, Г.Дж. Берман подчеркивал особое значение закона в процессе формирования государства, юридическая сила которого может распространяться на новые территории, способствуя их присоединению (ассимиляции) к данной действующей политике [12, с. 98].

Дональд Куртц (D.V. Kurtz) – американский антрополог, обращаясь к вопросам эволюции государственности, пристальное внимание уделяет эволюции политической власти. Политика, с его точки зрения, опирается на политических деятелей, особенно лидеров, приобретающих и использующих власть для достижения общественных и частных целей [13, с. 93]. Д. Куртц утверждает, что политическая власть основывается на контроле за материальными и идейно-символическими ресурсами, которые существуют в социальном, культурном и физическом окружении человеческого общества [13, с. 94].

Государство, по мнению Д. Куртца, может быть определено как образование, состоящее из иерархической структуры взаимосвязанных частных ведомств. В процессе эволюции государства эти ведомства (посты) наделяются властью, обычно уполномоченной главой государства, использовать власть для осуществления намерений, определенных природой ведомства, таких как сбор налогов, строительство дорог, судебное дело и др. [13, с. 100]. То есть, подчеркивает Д. Куртц, государство –

очеловеченная организация со специальным доступом к власти [13, с. 105].

Свое развитие исследование вопросов государствообразования в рамках политической антропологии получило и в России. Летом 2000 г. Х.Дж.М. Классен посетил Москву, где проходила конференция на тему “Иерархия и власть в истории цивилизаций”, организованная Д. Бондаренко и его коллегами. В результате творческого контакта с такими российскими учеными, как **Д. Бондаренко** (социальный антрополог, африканист, историк), **А. Коротаевым** (ученый междисциплинарного профиля, в том числе, социологии, истории и культурной антропологии), **Н. Крадиным** (историк, археолог, антрополог), **Л. Грининым** (философ, историк, социолог, полиантрополог) свет увидела очередная книга “Альтернативы социальной эволюции” (ред. Крадин, Коротаев, Бондаренко, де Мунк и др., 2000) [7, с. 12]. В 2000-е гг. приобретает широкую популярность журнал “Социальная эволюция и история”, на страницах которого публикуются материалы исследований в данной области научного познания [7, с. 12].

В 2006 г. в России выходит сборник “Раннее государство. Его альтернативы и аналоги” (Гринин, Карнейро, Бондаренко, Крадин, Коротаев). Одним из главных вопросов данного издания явилось определение раннего государства, которое авторы охарактеризовали как независимую трехуровневую (национальный, региональный и локальный уровень) социо-политическую организацию для урегулирования социальных отношений в сложном стратифицированном обществе, разделенном по крайней мере на два основных класса – правителей и подданных – чьи отношения характеризуются политическим доминированием первых и обязанностью вторых платить налоги, узаконенных общей идеологией, основным принципом которой является реципрокность [4, с. 73; 7, с. 13].

Необходимо отметить, что выход данной книги явился заметным событием в современной политической антропологии и оказал влияние на работы многих исследователей.

Одной из ключевых фигур в исследовании вопросов государствообразования в российской историографии является **Л.Е. Гринин**.

В качестве основного определения понятия “государство” исследователь отмечает категорию, с помощью которой описывается система специальных институтов, органов и правил, обеспечивающая внешнюю и внутреннюю политическую жизнь общества; данная система в то же время есть отделенная от населения организация власти, управления и обеспечения порядка, которая должна обладать следующими характеристиками: а) суверенностью; б) верховностью, легитимностью и реальностью власти в рамках определенной территории и круга лиц; в) возможностью принуждать к выполнению своих требований, а также изменять отношения и нормы. Это определение для Л.Е. Гринина является основой, опираясь на которую, он в своих исследованиях дает систему определений

стадиальных типов государства [14]. При анализе развития государственности в рамках исторического развития обычно выделяют две главные стадии: раннее государство и зрелое государство. Л.Е. Гринин же, следуя традициям западной политической антропологии, подчеркивает необходимость дополнения данной схемы [15, с. 4], выделяя не две, а три стадии развития государственности, а именно: ранние, еще недостаточно централизованные государства, с неразвитой социальной и классовой, а часто и административно-политической структурой; уже сложившиеся централизованные государства поздней древности, средневековья и Нового времени, с ясно выраженным сословно-классовым делением; государства эпохи капитализма, в которых исчезли сословия, появились классы буржуазии и пролетариата, сформировались нации, распространилась представительная демократия [15, с. 5-6]. Таким образом, Л.Е. Гринин выделяет три стадии развития государства: раннее государство, развитое государство, зрелое государство [15, с. 6].

Раннее государство отличается от стадийно догосударственных обществ совершенно определенными вещами, поскольку, чтобы стать государством: общества не могут быть меньше определенного размера и сложности (самое меньшее – несколько тысяч жителей); в обществе должен иметься определенный производственный базис в виде сельского хозяйства, ремесла и торговли (два последних в отдельных случаях заменяет военно-данническая эксплуатация соседей); в обществе должна быть заметна социальная стратификация; необходим определенный уровень политической и структурно-управленческой сложности: по крайней мере должно быть не меньше трех уровней управления, а чаще – больше [15, с. 9].

Таким образом, раннее государство – это особая форма политической организации достаточно крупного и сложного аграрно-ремесленного общества (группы обществ, территорий), определяющая его внешнюю политику и частично социальный и общественный порядок; это отделенная от населения организация власти: обладающая верховностью и суверенностью, способная принуждать к выполнению своих требований, менять важные отношения и перераспределять ресурсы, построенная (полностью или частично) не на принципе родства [15, с. 10]. Тем не менее, раннее государство в широком смысле слова является неполным. Это означает, что в системе взаимосвязей между государством и обществом имеются некие ограничители, которые препятствуют дальнейшей стадийной эволюции ранних государств [15, с. 11]. Среди подобных несоответствий между политической и социальной структурами ранних государств можно выделить два варианта: когда раннее государство является неполным в прямом смысле слова, поскольку слабо развитой оказывается его административная организация; и наоборот [15, с. 13, 16]. Продолжая данную схему, Л.Е. Гринин выделяет следующие отличия сложившегося государства от раннего: ясно прослеживающийся особый отделенный от населения аппарат управления и населения; налоги; развитое территориально-административное деление, а также письменное

право, особая письменная культура управления, учета и контроля [14, с. 9]; наличие не ополчения, а постоянной армии (на первом этапе постоянную армию может заменять военно-служилое сословие) [14, с. 8]; более развитая система повинностей, (где архаические повинности и доходы (дань, подарки, полюдь, отработки) исчезают или играют подчиненную роль, а налоги становятся более регулярными) [14, с. 9]; сословно-корпоративный характер государства; усиление роли государства в регулировании социальных процессов и оформлении социальной стратификации [14, с. 9]. В частности, Л.Е. Гринин дал подробную характеристику границ между вождеством, ранним и развитым государством в статье “Раннее государство и демократия” (2006) [10, с. 215], где помимо вышеперечисленного, он выделяет четыре признака, отличающих раннее государство от его аналогов: особые свойства верховной власти; новые принципы управления; новые формы регулирования жизни общества; редистрибуция власти [6, с. 342].

Активно занимается исследованиями в области политической антропологии и государствообразования **Н.Н. Крадин**. В своей книге “Политическая антропология” автор провел исследование структуры власти и эволюции лидерства в различных типах обществ. Кроме того, большое внимание исследователь уделил феноменам государства, причинам его возникновения, путям политогенеза, типам и формам государственности [1].

К вопросам государствообразования обращается и российский историк и археолог, специалист по Древней Руси, **Е.А. Шинаков**. Он также выделяет “вождества” разных форм, в том числе, религиозно-общинной, военно-демократической, типа протогорода-государства и т. д. как начальный этап формирования государственности. Далее идет переходный, потестарно-политический период, заполненный разного рода сложносоставными предгосударствами (уровня “сложных вождеств” политической антропологии) [16, с. 24]. Формирующееся же затем раннее государство, по мнению автора, обладает всеми или почти всеми формально-юридическими признаками государства в целом: территориальное деление вместо племенного; постоянные налоги разных форм; аппарат власти, независимый от “общества” и могущий в случае необходимости противостоять ему; переход права в руки государства [16, с. 24].

Д.М. Бондаренко отказывается признавать государство универсальной формой политической организации постпервобытного общества. Отсюда – признание неоднолинейности социальной эволюции. Кроме того, исследователь указывает и на наличие безгосударственных обществ, причем, не обязательно догосударственных [17, с. 198-199].

Следует упомянуть и востоковеда **С.А. Васютина**, одним из первых приложившего современные концепции политантропологов к российской медиевистике. В статье, прямо адресованной русскоязычным медиевистам, он указывает на соответствующий понятийный аппарат, разработанный в социальной антропологии [18, с. 40-41].

Заклучение

Таким образом, исследования представителей школы политической антропологии подняли изучение проблемы государствообразования на более высокий, концептуальный уровень. В последнее время их идеи проникают и в постсоветское пространство. Предпринятый выше даже беглый обзор показывает, что политическая антропология может позволить по-другому взглянуть на вопрос образования государственности на восточнославянских землях и включить его в общеевропейский и мировой исторический контекст.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ

1. **Крадин, Н.Н.** Политическая антропология / Н.Н. Крадин. – 2004. [Электронный ресурс]. – 2010. – Режим доступа : <http://lib.rus.ec/b/187525/read/> – Дата доступа : 14.11.2012.
2. **Куббель, Л.Е.** Очерки потестарно-политической этнографии / Л.Е. Куббель. – Москва : Издательство “Наука”, 1988. – 270 с.
3. **Claessen, H.J.M.** On Early States – Structure, Development and Fall / H.J.M. Claessen // Social Evolution and History. – Vol. 9. – 2010. – № 1. – March. – С. 3–51.
4. **Классен, Х.Дж.М.** Было ли неизбежным появление государства? / Х.Дж.М. Классен // Раннее государство, его альтернативы и аналоги. – Волгоград : Учитель, 2006. – С. 71–84.
5. **Классен, Х.Дж.М.** Проблемы, парадоксы и перспективы эволюционизма / Х.Дж.М. Классен // Альтернативные пути к цивилизации. – М., 2000. – С. 6–23.
6. **Гринин, Л.Е.** Эволюция государственности / Л.Е. Гринин // История и современность. – 2006. – № 1.
7. **Claessen, H.J.M.** Before the Early State and After : An Introduction / H.J.M. Claessen // Social Evolution and History. – Vol. 7. – 2008. – № 1. – March. – С. 4–18.
8. **Карнейро, Р.** Процесс или стадии: ложная дихотомия в исследовании истории возникновения государства / Р. Карнейро // Альтернативные пути к цивилизации. – М., 2000. – С. 84–94.
9. **Carneiro, R.L.** Was the Chieftdom a Congelation of Ideas? / R.L. Carneiro // Social Evolution and History. – Vol. 1. – 2002. – № 1. – July. – С. 80–100.
10. **Шинаков, Е.А.** Некоторые комментарии к книге “Раннее государство, его альтернативы и аналоги” / Е.А. Шинаков // История и современность. – № 2. – 2008. – С. 208–221.
11. **Саутхолл, Э.** О возникновении государств / Э. Саутхолл // Альтернативные пути к цивилизации : кол. монография. – Москва : Логос, 2000. – 386 с.
12. **Poggi, G.** Formation and Form. Theories of State Formation / G. Poggi // The Blackwell companion to political sociology [ed.] K. Nash, A. Scott. – Blackwell : Blackwell Publishing, 2006. – 478 с.
13. **Kurtz, D.V.** Political Power and Government: Negating the Anthropomorphized State / D.V. Kurtz // Social Evolution and History. – Vol. 5. – 2006. – № 2. – September. – С. 91–111.

14. **Гринин, Л.Е.** Генезис государства как составная часть процесса перехода от первобытности к цивилизации / Л.Е. Гринин // *Философия и общество*. – 2005. – № 4.
15. **Гринин, Л.Е.** О стадиях эволюции государства. Проблемы теории / Л.Е. Гринин // *История и современность*. – № 1. – 2006. – С. 3–44.
16. **Шинаков, Е.А.** Образование Древнерусского государства: сравнительно-исторический аспект / Е.А. Шинаков. – Москва : Издательская фирма “Восточная литература” РАН. – 2009. – 477 с.
17. **Бондаренко, Д.М.** “Гомологические ряды” социальной эволюции и альтернативные пути к цивилизации / Д.М. Бондаренко // *Альтернативные пути к цивилизации*. – М., 2000. – С. 198–206.
18. **Васютин, С.А.** Основные этапы трансформации политических структур “дофеодальных варварских обществ” в эпоху Великого переселения народов и раннего Средневековья / С.А. Васютин // *Средние века*. – 2007. – Вып. 68 (4). – С. 34–65.
19. **Service, A.** *The Origins of State and Civilization* / A. Service. – New-York, 1975.

Поступила в редакцию 15.05.2013 г.

УДК 94(476)

Л.А. КОВАЛЕВА

КОНТРОЛЬ УПОЛНОМОЧЕННОГО НКВД СССР ПРИ ПРАВИТЕЛЬСТВЕ БССР ЗА ВНЕШНЕПОЛИТИЧЕСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬЮ БЕЛОРУССИИ

В статье рассматривается процесс становления органов власти проводящих внешнюю политику на союзном и республиканском уровне, взаимоотношения политического представительства Белорусской ССР в Москве с дипломатическими миссиями других государств. Приводятся данные о функциях Уполномоченного общесоюзного наркомата иностранных дел в Белоруссии Н.П. Итви, а также о постановлении СНК СССР “Об Уполномоченных Народного Комиссариата по Иностранным Делах Союза ССР при Союзных Республиках и агентах Народного Комиссариата по иностранным делам”.

К началу мирного строительства между советскими республиками сложились тесные отношения, скрепленные во время войны договорами, согласно которым, под руководством РСФСР были объединены их вооруженные силы, промышленность, финансы, связь, транспорт и дипломатическая деятельность. Исторически сложившаяся достаточно развитая транспортная сеть способствовала упрочнению экономических связей между советскими республиками.

Объективно, образование единого союзного государства было жизненно необходимо и для укрепления страны. Разгром иностранных интервентов не устранил империалистической агрессии, попыток контрреволюционных сил реставрировать капиталистические порядки в стране.

Но одной из самых основных причин объединения республик было то, что в результате Октябрьской революции во всех регионах бывшей царской империи установилась Советская власть, диктатура пролетариата. Это обстоятельство сближало между собой республики, было благоприятной почвой для их государственного объединения. Задача ликвидации частной собственности на средства производства и замена ее общественной также являлась основой для государственного союза.

В июле 1923 г. полномочное представительство Белорусской ССР в Москве направило дипломатическим миссиям Австрии, Германии, Италии, Литвы, Латвии, Польши, Чехословакии и Эстонии ноты, в которых отмечалось, что международные отношения Союза ССР, включая БССР, РСФСР, УССР и ЗСФСР, а так же его внешнеторговые сношения, таможенная система, управление путями сообщения, почтой и телеграфом и заключение концессионных договоров как общесоюзных, так и от имени БССР будут отныне осуществляться через уполномоченные на то Основным законом СССР органы центральной власти Союза [1, с. 55].

В сложном и во многом противоречивом процессе взаимоотношений БССР и Советского Союза интересна судьба НКВД БССР, процесс его видоизменения, новые формы работы. В связи с образованием Союза ССР и Совета Народных Комиссаров СССР – первого правительства нового государства во главе с В.И. Лениным, изменилась структура и центральных учреждений Белоруссии. Реорганизация их проводилась на основании постановления Президиума ЦИК БССР от 30 ноября 1923 г. В связи с этим постановлением Народный Комиссариат Иностранных Дел БССР был преобразован в Управление уполномоченного Наркомата иностранных дел СССР в Белоруссии. Уполномоченным общесоюзного наркомата иностранных дел в Белоруссии стал Н.П. Итви (Подгорнов Николай Петрович).

Представляют интерес полномочия, данные Н.П. Итви народным комиссаром иностранных дел СССР Г.В. Чичериным. На него возлагались следующие обязанности: возбуждение перед Коллегией Народного Комиссариата по иностранным делам СССР вопросов, выдвигаемых правительством БССР в сфере внешней политики Союза, имеющих специальное белорусское значение; наблюдение за законодательством Белорусского правительства в области прав и обязанностей иностранцев и выполнении договоров с иностранными державами. Н.П. Итви был также обязан осведомлять НКВД СССР о событиях местной жизни. Уполномоченный общесоюзного наркомата выполнял также роль посредника между

Центральными и местными властями, с одной стороны, и консульскими представительствами иностранных государств на территории Белоруссии, с другой. По всем, возникающим между этими субъектами вопросам, он должен был сноситься с НКВД СССР, осведомлять ЦИКа и СНК подлежащей Союзной Республики о международной политике Союза ССР и деятельности НКВД и информировать НКВД о внутренней жизни и мероприятиях данной Союзной Республики; наблюдать за правильным проведением в жизнь законодательства Союза ССР и подлежащей Союзной Республики в области прав и обязанностей иностранцев и наблюдение за правильным выполнением органами Союзной Республики договоров и соглашений, заключенными Союзом ССР с иностранными государствами; регулировать отношения с центральными и местными учреждениями Союза ССР и Союзной Республики по вопросам, касающимся иностранных консульств и других иностранных представительств, иностранных судов и судовых экипажей, а также по положению иностранных граждан, всем другим вопросам компетенции НКВД, возникающим в данной Союзной Республике [2, л. 23].

Уполномоченный также располагал возможностями возбуждения перед НКВД вопросов внешней политики Союза ССР, выдвигаемой данной Союзной Республикой, и непосредственно руководил всеми органами НКВД на территории республики.

Представляет интерес постановление СНК СССР о «Положении об Уполномоченных Народного Комиссариата по Иностранным Делах Союза ССР при Союзных Республиках и агентах Народного Комиссариата по иностранным делам». В течение 1924–1925 гг. оно обсуждалось на уровне правительств союзных республик [3, л. 1-3]. Анализ поправок дает возможность сделать вывод о том, что все правительства стремились расширить круг полномочий Уполномоченных при союзных республиках, опасаясь излишней централизации власти в рамках союзного комиссариата по иностранным делам. В частности, Постоянным Представительством Украины была предложена поправка следующего содержания: «В компетенцию Уполномоченных НКВД Союза ССР при Правительстве УССР, сверх вопросов, перечисленных в ст. 3 настоящего положения, входит так же право непосредственных сношений с украинскими отделениями Консульских отделов при Полпредствах и консульствах по вопросам:

а) о восстановлении, сохранении и принятии украинского гражданства;

б) о применении амнистий, издаваемых Правительством».

Упреждая дальнейшее изложение, отметим, что эта поправка принята не была.

Правительство Украины настаивало и применение в проекте слов «согласно инструкции НКВД», поэтому было предложено добавить «и распоряжений Уполномоченного НКВД». «Так как, – говорилось в поправке, – без означенного добавления многие пункты положения могут

быть истолкованы как установление прямой подчиненности агентов в соответствующих вопросах Народному Комиссариату Иностранных Дел СССР”.

Правительство Белоруссии, получая все эти поправки, в основном согласилось с точкой зрения правительства Украины. Так, в послании Постоянного Представителя БССР при Правительстве СССР Павлюкевича, датированном июнем 1925 г., говорилось: “§4 – принять в редакции УССР, §5 – в редакции правительства УССР” [4, л. 8].

Особое же внимание Постоянное Представительство уделяло вопросу об отчетности, предложив следующий вариант: “Уполномоченные НКВД СССР при Правительствах Союзных Республик отчитываются о своей деятельности, как перед НКВД, так и перед ЦИК и СНК соответствующих союзных республик. Независимо от сего Уполномоченные НКВД СССР при Правительствах Союзных республик информируют ЦИК и их Президиумы и СНК соответствующих союзных республик о международном положении СССР и о деятельности НКВД СССР”. Необходимо подчеркнуть, что в окончательном виде эта поправка принята только в первой части, что со всей определенностью доказывает нежелание союзного НКВД, хоть как-то расширять права союзных республик хотя бы это и касалось, как в данном случае, только информации.

Назначение и отзыв Уполномоченных и их заместителей осуществлялось решением СНК СССР по представлениям НКВД, предварительно согласованным с ЦИК союзных республик. Уполномоченный также входил в СНК республики с совещательным или решающим голосом по решению ЦИКа или президиума ЦИКа союзной республики. Агенты НКВД состояли в непосредственном подчинении Уполномоченного и назначались в пункты значительного сосредоточения иностранцев с предварительного утверждения Коллегией НКВД. Увольнение агентов было возможно не только по предварительному сношению с той же Коллегией. Таким образом, весь штат агентов на территории Союзной республики, в том числе БССР, контролировался Коллегией НКВД и неизбежно должен был подчиняться этому органу.

Необходимо отметить, что назначение консулов и послов иностранных государств на территории союзных республик осуществлялось НКВД СССР. В частности, 26 апреля 1924 г. в СНК БССР за подписью Н.П. Итви было отправлено следующее послание: “Народный комиссар по иностранным делам СССР утвердил 23 марта 1924 г. польского гражданина Карчевского Яна в качестве Генерального Консула Польской Республики в г. Минске, с консульским округом на всю территорию БССР. Гражданин Карчевский имеет право сношений по делам Генерального Консульства со всеми местными Советскими учреждениями, через посредство Уполномоченного по иностранным делам ССР, при правительстве БССР в г. Минске” [5, л. 3]. Очевидно, что взаимоотношения консулов и послов с республиканскими органами также находились под прямым контролем союзного ведомства по иностранным делам. Это, безусловно,

препятствовало более тесному сотрудничеству Белоруссии с иностранными государствами. Как показывает анализ документов, все более и менее серьезные вопросы должны были решаться только после консультаций с НКВД СССР или с Уполномоченным, что требовало большого количества времени, которое уходило на переписку между ведомствами.

Посредством Уполномоченных осуществлялось формальное представительство Белоруссии на международной арене.

Роль Уполномоченных сводилась к контролю над деятельностью СНК БССР, так как все протоколы заседаний СНК, касающиеся международных вопросов, должны были пересылаться в Москву, и ограничению самостоятельности республики во внешних связях. Таким образом, институт Уполномоченных можно охарактеризовать как посредническую организацию между Союзом ССР и республикой во внешнеполитической деятельности, характерными чертами которого стало обладание директивными и контролирующими функциями.

Однако Уполномоченные служили и для непосредственной связи с правительством республики, учета ее нужд и интересов в международной сфере.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ

1. **Бровка, Ю.П.** Белорусская ССР – суверенный участник международного общения / Ю.П. Бровка. – Минск, 1974. – С. 55.
2. Центральный государственный архив Октябрьской революции (ЦГАОР) РБ. – Фонд Р-15. – Оп. 1. – Ед. хр.1298. – Л. 23.
3. ЦГАОР РБ. – Фонд Р-15. – Оп. 1. – Ед. хр. 1298. – Л. 1–3.
4. ЦГАОР РБ. – Фонд Р-15. – Оп. 1. – Ед. хр. 1298. – Л. 8.
5. ЦГАОР РБ. – Фонд 6. – Оп. 1. – Ед. хр. 408. – Л. 3.

Поступила в редакцию 12.12.2013 г.

УДК 13

Е.С. ЭЛБАКЯН

ВОЗМОЖНОСТИ И УСЛОВИЯ МЕЖРЕЛИГИОЗНОГО ДИАЛОГА

В статье рассмотрены основные аспекты, трудности и возможности осуществления межрелигиозного диалога, показано, что реально подобный диалог может осуществляться только в светском пространстве.

Введение

Пытаясь рассматривать проблему межрелигиозного диалога, его возможностей и необходимости, важно вначале определиться с тем, что мы имплицитно подразумеваем под словом “диалог”. Диалог – это не просто

коммуникация между двумя или более субъектами, но попытка установления взаимопонимания, общих позиций или, по крайней мере, точек соприкосновения. Субъекты в данном случае выступают собеседниками, из обмена высказываниями (репликами) которых и состоит диалог. Диалог подразумевает некоторую логику построения. В нем должна присутствовать осмысленность и связанность высказываний, суждений, умозаключений, взаимосвязь вопросов-ответов. Обычно в ходе диалога выявляются согласие или несогласие собеседников по какой-либо из обсуждаемых проблем. В случае резкого несогласия, с формально-логической точки зрения подразумевающего противоречие, в структуре диалога оно таковым не выступает, ибо, как правило, противоположные мнения или оценки принадлежат различным субъектам диалога, в то время как в качестве противоречия они могли бы восприниматься, если бы высказались одним собеседником.

В социально-политическом аспекте под диалогом понимается такое общение, которое направлено на достижение взаимопонимания, согласование интересов. В этом, узком смысле, понятие диалога перестает быть этически нейтральным и получает стереотипно положительную коннотацию. Диалог противопоставляется неким конфликтообразующим действиям, как часть умиротворяющей явно или латентно конфликтующие стороны политики. С другой стороны, в процессе диалога может происходить компенсация дефектных состояний общественного и индивидуального сознания. Например, тот же комплекс вины (глубинное чувство вины) имеет диалогическую структуру, то есть направлен на взаимодействие с объектом, посредством которого индивид или социальная группа самоутверждаются. Основным условием острой потребности в диалоге является обостренное чувство “другого” – человека, социальной группы, организации, общества в целом, наконец, Бога или некой иной формы трансцендентного. При этом, обособление субъекта диалога (собеседника-инициатора) от объекта (собеседника-участника), к которому он обращается (человека, группы людей, мира, Бога, словом, любого “не-я” или “не-мы”), неизбежно понимается, как помеха к установлению взаимопонимания, следствия которой, в зависимости от ситуации, могут ощущаться как угроза, опасность, наказание, вызывать тревогу и немотивированный страх. Так рождается форма диалога, постоянно ориентирующая на чужое “я”, потребность в собеседнике, в качестве которого может выступать как внешний мир в целом, так и отдельные его сегменты, как общество в целом, так и отдельные социальные страты или даже личности. В процессе подобного диалога осуществляется стремление к достижению некоего единства (или хотя бы его видимости) “я” и “не-я”, “мы” и “не-мы”. В этом, собственно, и заключается цель диалога.

Следует оговориться, что диалог не всегда достигает своей цели. Существуют условия, препятствующие утверждению неких общих взглядов: жесткий догматизм одного или нескольких собеседников, чувство превосходства, нежелание идти на компромисс, поиск корпоративной выгоды и др.

Основная часть

Исходя из данного понимания диалога, остановимся на особенностях субъектов межрелигиозного (в данном случае) диалога, то есть на религиозных организациях, которые в том или ином типе общественного устройства, государства являются представителями своей конфессии или религии во внешнем, социальном мире.

Одной из таких особенностей является социальное дистанцирование между религиозным и светским миром, а в рамках религиозного мира – между различными конфессиональными общностями. Несмотря на изменения образа жизни, по крайней мере, в западном мире, его унификацию и некий универсализм, все-таки между различными конфессиональными общностями остается социальная дистанция, различное восприятие одного и того же религиозного направления в разных странах. Напомним, например, что культуuroобразующая США конфессия – баптизм, в нашей стране долгое время именовалась не иначе, как “сектой”.

Помимо социального дистанцирования, в конфессиональных общностях существует и “экзистенциальное” дистанцирование – дистанция между представителями собственной общины и членам других общин (так называемый “горизонтальный срез”), а также – в более общем смысле – между человеком и Богом (так называемый “вертикальный срез”). Правда, дистанция между Богом и человеком на протяжении истории существенным образом (теоретически) сокращается: Бог становится имманентным (например, в пантеизме, который в дальнейшем преодолевается в позитивизме, прагматизме и т. д., не оставляющем места “дистанции”). Кстати, в этот же период в политической жизни получают развитие идеи демократии. С другой стороны, рост мистицизма, обычно наблюдающийся в кризисные моменты развития общества, также сокращает дистанцию между Богом и человеком, стремящимся стать сосубстанциональным с ним, ощутить некие знаки и символы его присутствия в мире.

С проблемой дистанцирования тесно связана и проблема религиозно-конфессиональной самоидентификации, то есть выработки системы ориентации в мире на основе отождествления себя с неким признанным образцом. В каждую эпоху у каждой социальной группы существует определенная форма самоидентификации, которая очень часто носит ситуативный характер и не всегда является адекватной. Вместе с тем, изменение самоидентификации влечет за собой эволюцию самосознания социальной группы.

В наши дни происходит трансформация конфессиональной самоидентификации, в основе которой лежат модернизационные процессы, имеющие место в современной цивилизации. Это во многом приспособливает конфессиональное сознание к окружающей действительности, позволяет ему учитывать новации науки, искусства, политики и других сфер общественной жизни. Но, с другой стороны, рождает неспособность к выработке собственного устойчивого образа. Причины этого процесса следует искать, во-первых, в неоднозначности и колебаниях привычных рамок

самоидентификации, что происходит в результате трансформации ценностных ориентиров, веками вырабатываемых религиозным сообществом; во-вторых, в снижении роли авторитетов и устойчивых символов, уважаемых и выработанных на протяжении исторической эволюции, в изменении структуры коллективного “символического пантеона” и, наконец, в-третьих, в сужении пространственно-временного поля, характерного для кризисных этапов в развитии современного общества. Смена ценностных установок, норм, символов, изменение отношения к различным феноменам социума, потеря самоидентификации и увеличение дистанции между собой и другими социальными группами характерны для конфессионального самосознания в кризисные моменты. В стабильные периоды эти характеристики приобретают укрепляющее веру звучание, когда ценности постепенно становятся нормами.

Таким образом, оказывается, что в случае учета социокультурного и политико-правового контекста, конфессиональное сознание во многом размыкает свою шкалу ценностей, искажает символический пантеон, деформирует вырабатываемые веками нормы, но в то же время может вполне успешно вести диалог с внешним миром. Ибо говорит на понятном ему языке, оперирует очевидными для массового сознания стереотипами. В том же случае, когда конфессиональное сознание остается жестко догматичным и вследствие этого ограниченным, не воспринимающим иного, как равного “собеседника”, полагающим свои ценностно-нормативные установки как единственно истинные и даже делающим попытки в процессе диалога навязать их внешнему миру, диалог оказывается заведомо обреченным на провал. Диалогичность как установка сознания в данном случае практически отсутствует. Происходит монолог. Монолог, довлеющий над собеседником и уже в силу этого им не приемлемый.

В наибольшей степени подобные монологи свойственны неопитам – новообращенным в любой религии. Им обычно присуще чрезмерно увлеченное восприятие вновь принятой веры при глубоко презрительном отношении ко всему иному. Восприятие другого в неопитстве крайне затруднено, ибо неопиты оперируют жесткими, навязанными извне штампами, базирующимися на непрорефлектированных предпосылках, которые не позволяют не только понять другого (то, что не нравится в нем), но и себя (проанализировать и понять собственное мировоззрение). непонимание себя делает невозможным и межрелигиозный диалог, поскольку полностью нивелирует значимость собеседника.

Важнейшей в данном случае становится сотериологическая проблема. Известно, что центральной проблемой любого религиозного мировоззрения является проблема спасения и путей его достижения. Религиозные представления о спасении, в самом общем виде могут быть основаны на двух группах предпосылок. Первая группа предпосылок за основу берет собственные силы человека в деле своего спасения, например, в буддизме, где следуя четвертой благородной истине Будды-Шакьямуни – восьмисоставному пути, любой адепт может спастись. Вторая группа пред-

посылок исходит из необходимости Божественного вмешательства, без которого спасение невозможно, например, в христианстве, где благодаря подобному пониманию, именно церковь как своего рода сотериологический посредник, стала играть ключевую роль, за исключением протестантизма, выдвинувшего принципиально иной тезис – *sola fide* (только верой), отвергнув тем самым церковное посредничество. В исламе, где отсутствует понятие “церкви”, человек, стремящийся к спасению, должен соблюдать столпы ислама и не выходить за рамки положений вероучения.

Таким образом, при диалогичном подходе чрезвычайно важным моментом оказывается сотериологическая позиция “собеседника”, а именно, то, как мыслится спасение – эксклюзивистки, что свойственно в целом, например, христианской ортодоксии, допускающей возможность спасения только для своих последователей (и, конечно, такая позиция присуща неопитам всех религий), либо инклюзивистски, исходя из того, что спасенным может оказаться любой христианин, независимо от конфессиональной принадлежности или вообще любой человек даже неверующий, но следующий общечеловеческим этическим принципам и ведущий нравственный образ жизни (такой точки зрения придерживались, например, католические теологи А. де Любак, К. Ранер).

Собственно говоря, вопрос о спасении тех, кто не принадлежит к данной конфессии (“других”, “не-нас”), по существу, является, конечно, точкой, на которой диалог замирает (если он вообще осуществляется). Именно сотериология (в мировоззренческом аспекте) является существенным тормозом для выстраивания межрелигиозного диалога в сущностном плане.

Второй точкой, останавливающей диалог различных религий, правда, уже практически малосущественной, является постулирование проводника Божественной воли в качестве некоего суверена, когда все сказанное и сделанное им воспринимается как Божественный акт, не подпадающий ни под какую человеческую критику. Апелляция к Божественному авторитету в данном случае не только прекращает любой диалог. Она еще и демонстрирует некий патернализм, в большей мере свойственный менталитету восточного типа, предполагающий некую инфантильную привязанность народа к суверену, который в свою очередь по-отечески или отечески-снисходительно относится к народу. В этом находит своеобразное преломление проблема “отцов и детей”. Кстати, апелляция к авторитету родителей, а не к интересам самого ребенка, широко распространена в “восточной” семейной практике (в противовес западному индивидуалистическому и прагматическому воспитанию).

Но свободен ли суверен в ведении диалога с “другим”, если он должен руководствоваться исключительно Божественным волеизъявлением? Проблема свободного выбора в данном случае оказывается испытанием свободой (“Человек обречен быть свободным” Ж.-П. Сартр). Испытание свободой с морально-психологической точки зрения, пожа-

луй, наиболее тяжелое. “...Ничто и никогда не было для человека и для человеческого общества невыносимее свободы, – говорит великий Инквизитор воскресшему Христу в романе Ф.М. Достоевского “Братья Карамазовы”. – ...Нет заботы бесперывнее и мучительнее для человека, как оставшись свободным, сыскать поскорее того, пред кем преклониться... Или ты забыл, что спокойствие и даже смерть человеку дороже свободного выбора в познании добра и зла? Есть три силы ...на земле...: чудо, тайна и авторитет... Мы улучшили твои деяния и выдали их за чудеса тайны и авторитета, и все стали счастливы, все эти миллионы, с помощью которых мы господствуем. Несчастливы только мы, сохранившие тайну”. В этих словах Достоевского отражены основные аспекты элитарной идеологии и психологии, свойственной большинству религий и конфессий: 1) утверждение, что господство Бога или, как замещение, суверена в качестве Божественного помазанника необходимо по своей сути; 2) избранничество (сознание принадлежности к избранным); 3) гордость за то, что есть возможность думать и решать за других; 4) стремление возвысить собственную значимость с помощью мистификации действительности; 5) чувство тяжести за ту ответственность, которую априорно налагает исполнение первых четырех пунктов. Таким образом, наличие амбивалентность религиозной элитарности, во многом препятствующая выстраиванию диалога с окружающим миром и его отдельными представителями, не принадлежащими к данной религиозной общине (в широком смысле слова).

Интересен в плане межрелигиозного диалога феномен экуменизма. Экуменизм отражает стремление различных христианских конфессий к объединению в одну общую Церковь, при сохранении специфических конфессиональных особенностей. Экуменическое движение зародилось в XVII в. как попытка сближения разобщенных христианских церквей. В XX в. этому процессу был придан новый импульс, начало которому положило учреждение в 1910 г. Международного миссионерского совета, состоящего из 17 религиозных организаций разных стран мира. В 1948 г. в результате его слияния с двумя протестантскими движениями “Вера и порядок” и “Жизнь и деятельность” был создан руководящий орган всего экуменического движения – Всемирный совет церквей (ВСЦ). В настоящее время членами ВСЦ являются более 350 церквей, деноминаций и церковных союзов из 100 стран мира, представляющих свыше 600 млн. христиан. Членами ВСЦ являются протестантские (большинство существующих деноминаций), православные и древние восточные церкви. Римско-католическая церковь в течение длительного времени отвергала участие в экуменическом движении. Лишь в 1960 г. папой Иоанном XXIII был создан Секретариат по содействию христианскому единству. Важным экуменическим событием стал Второй Ватиканский собор (1962–1965), на который были приглашены наблюдатели от ВСЦ. Декларация о религиозной свободе и Декрет об экуменизме явились законодательной основой официального диалога католической церкви с ВСЦ.

Согласно Торонтскому заявлению, “Церковь, Церкви и ВСЦ” (1950), ВСЦ – это содружество церквей, союз, но не церковь, и не “сверх-церковь”. Решения, принимаемые в ВСЦ, не имеют обязательного значения для церквей-членов без их одобрения. Высшим органом ВСЦ является ассамблея, проводящаяся раз в семь лет. Она избирает Центральный комитет (ЦК), который собирается каждые 12–18 месяцев. ЦК избирает из своего состава Исполнительный комитет (собирается два раза в год), генерального секретаря, назначает штатных работников. В последнее десятилетие в практику ВСЦ введен метод принятия решений, основанный не на мажоритарной системе, а на консенсусе, который предполагает учет мнения меньшинства. Сотрудничество осуществляется на двух уровнях: полного членства и ассоциации.

Казалось бы, имеются все условия для ведения конструктивного межконфессионального диалога хотя бы в рамках одной мировой религии. Однако разногласия и непонимание сопровождают функционирование данной организации практически на протяжении всего ее существования. Христианским конфессиям не удается вести конструктивный диалог по существенным вопросам. Более того, отдельные церкви, в силу явного провала межконфессионального диалога, покидают ВСЦ, со стороны других все чаще звучат обвинения экуменического движения в том, что под его прикрытием одни христианские конфессии вторгаются на “каноническую территорию” других, где занимаются прозелетизмом [1; 2].

Подобное происходит потому, что четко не обозначена основа, на которой может выстраиваться межрелигиозный диалог. И это понятно, ибо такой основой может быть только принцип светскости.

Заключение

Большинство современных государств, в том числе и Россия, являются многонациональными и поликонфессиональными. В этом, с одной стороны, заложен принцип демократического сосуществования различных национальностей, этносов, конфессий, религий, а с другой – потенциальная угроза такому сосуществованию. Осуществлять регулируемую функцию в этих процессах, в выстраивании конструктивного диалога между различными религиями должна не одна из конфессий–участниц (собеседников), а светское государство, осуществляющее подобное регулирование, основываясь на принципах права, подразумевающих единое отношение к действиям со стороны любого религиозного направления, независимо от того, крупное оно или это так называемое “религиозное меньшинство”. Поскольку светское государство (то есть государство, в котором не существует официальной, государственной религии и ни одно из вероучений не признается обязательным или предпочтительным, никакая религия или конфессия не вправе влиять на деятельность государственных органов власти и общественного управления, на систему государственного образования), безусловно нейтрально по отношению к религии. Никакая из религиозных идеологий не является предпочти-

тельной или, тем более, принятой в качестве официальной в светском государстве. В политико-правовой сфере светское государство ориентируется на соответствие нормам международного права и не исходит из заповедей или запретов какой-либо религии, в нравственной сфере – руководствуется общечеловеческими нравственными принципами, а не конфессиональными этическими предписаниями, и т. д.

Подобная неангажированность и объективность светского государства обычно достигается в первую очередь посредством разграничения религиозной и внерелигиозной сфер (отделением религиозных объединений от государства) и, во вторую, включением юридического аспекта функционирования религиозных организаций в регламент действующего светского законодательства. Все это создает благоприятные возможности светскому государству обеспечивать межрелигиозный диалог, регулировать и оптимизировать его в условиях универсального для всех конфессий светского правового пространства, быть в нем неким беспристрастным арбитром. В таком случае, именно принцип светскости помогает избегать межконфессиональных конфликтов, выстраивая межрелигиозный диалог, без предпочтений той или иной религии, налаживать взаимопользные контакты между представителями различных религиозных групп. В государствах религиозного типа такая ситуация крайне осложнена, а чаще всего вообще невозможна в силу неприемлемости допущения иных, кроме господствующих религиозных, воззрений.

Говоря о мировоззренческой составляющей межрелигиозного диалога, так же необходимо понимать, что возможность для его реального осуществления коренится в существовании объективной науки о религии, в частности, в сравнительном религиоведении, которое беспристрастно фиксируя общее и особенное в различных религиях мира, их вероучениях, системах культовой практики, организационных устройствах, исторической эволюции и современном состоянии, не оценивает и не отдает предпочтения никакой из них. Экспертное сообщество, в силу этого, как раз и должно состоять именно из религиоведов, а не из представителей конфессий. И это в интересах самих же конфессий, потому что только так возможен реальный межрелигиозный диалог, достигающий значимых социальных целей.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ

1. **Никонов, К.И.** Всемирный совет церквей / К.И. Никонов // Энциклопедия религий ; под ред. А.П. Забияко, А.Н. Красникова, Е.С. Элбакян. – М. : Академический Проект; Гаудеамус, 2008. – С. 292–294.
2. **Овсиенко, Ф.Г.** Экуменизм церквей / Ф.Г. Овсиенко // Энциклопедия религий ; под ред. А.П. Забияко, А.Н. Красникова, Е.С. Элбакян. – М. : Академический Проект; Гаудеамус, 2008. – С. 1449.

Поступила в редакцию 27.12.2013 г.

УДК [94 + 39](476):930.2(1-87)“15/18”

А.И. ТЯПКОВА

МЕСТЕЧКИ БЕЛАРУСИ В ЗАПИСКАХ ИНОСТРАННЫХ ПУТЕШЕСТВЕННИКОВ XVI–XIX вв.

Статья посвящена такому значимому источнику в изучении белорусских местечек, как “путевые записки” иностранных дипломатов, ученых или писателей, проезжавших через белорусские земли в разные временные периоды. Автором приводятся сведения об архитектурном облике, социально-экономическом и культурном развитии данного типа населенных пунктов. Дается сравнительная характеристика местечек в их историческом развитии, а также впечатления разных путешественников. Если сведения из путевых заметок XVI–XVII вв. характеризуются краткостью, схематичностью и поверхностностью описаний, что вполне объясняется свойственным для того периода стилем письма, то в XVIII–XIX вв. дневники путешественников стали более развернутыми и подробными.

Введение

Местечки являются уникальным явлением нашего прошлого. Они сохранили социокультурное наследие и историко-культурный потенциал, способный актуализироваться в настоящее время. Культурное наследие бывших местечек является одной из главных составляющих исторических традиций нашей страны, исторической памятью о жизни народа Беларуси в прошлом.

Одним из ценных и значимых источников в изучении материальной и духовной культуры бывших белорусских местечек являются путевые записки иностранных дипломатов, ученых или писателей, посетивших наши земли в разные исторические периоды. Эти материалы используют в качестве дополнительного источника информации для своих исследований многие белорусские этнологи и историки, такие как И. Чаквин, А. Локотко, В. Батяев, И. Соркина, О. Князева и др.

Целью данной статьи является выявление и сопоставление информации об архитектурном облике, социально-экономическом и культурном развитии белорусских местечек, содержащейся в записках иностранных путешественников.

Для написания данной статьи производился отбор источников исходя из цели исследования, таким образом были проанализированы труды, содержащие сведения о белорусских местечках. При работе с документами использовались общепринятые методы источниковедческого анализа – выявление, отбор, критическое осмысление, критика содержания источников. Также использованы историко-генетический и историко-сравни-

тельные методы исследования, которые позволили проследить динамику в социально-экономическом развитии, во внешнем облике отдельных местечек в работах иностранных путешественников на протяжении рассматриваемого периода. Хронологический метод применялся для изучения последовательных изменений в разные исторические периоды и выявления сходств и различий между описаниями иностранцев.

Основная часть

Через Беларусь вели пути многих путешественников – русских, польских и западноевропейских, большинство описаний которых значимо с точки зрения создаваемого по ходу путешествия портрета местности. Дневниковые и путевые записи представляют собой ценные источники, содержащие историко-этнографический материал по архитектуре и планировке, быту, социальной и духовной жизни белорусских местечек.

В XV–XVI вв. Русское государство, с целью установления или возобновления с ним дипломатических и торговых отношений, все чаще начинают посещать различные европейские миссии. Запад стремился к контактам с Россией в связи с такими крупными явлениями, как перемещение торговых путей и поиск новых рынков, противоборство Римской Империи и папства, поиск новых и сильных союзников в борьбе с турками и пр. Иностранцы (дипломаты, купцы, просто путешественники) фиксировали полученные в ходе поездок сведения в своих дневниках, путевых заметках. Поскольку, направляясь в Россию, иностранцы проезжали и по белорусским землям, их путевые наблюдения, хотя зачастую односторонние и субъективные, весьма ценны для исследователей в Беларуси. Наряду с крупными городами и замками в дорожных дневниках описывались и местечки.

Здесь главным образом следует отметить австрийского дипломата С. Герберштейна. Результатом двух поездок (1517 и 1526 гг.) в Россию явились его “Записки о Московии” [1]. Описывая маршрут своего второго посольства, пролежавший также через белорусские земли, Герберштейн дает краткое описание некоторых встречающихся ему местечек “Новый Двор, Порозово, Волковыск... во все путешествие у нас не было гостиницы удобней здешней... Мосты, городок, расположенный на реке Неман; Щучин... Василишки... Радунь... Зельва... Слоним” [1, с. 243]. С. Герберштейн отметил, что по приказу польских королей Сигизмунда Августа, Стефана Батория были построены крепости Лепель и Чашники, а по приказу Ивана Грозного – Сокол, Ситна, Велиж, Козьяны, Нецерда, Усвят, Туровль, Суша и Красны. Суша со всех сторон была окружена водой и большими укрепленными валами. Велиж должен был угрожать витебскому гарнизону.

В первой половине 1570-х гг. вышло в свет “Описание Европейской Сарматии” итальянца А. Гваньини [2], в котором наряду со сведениями о России, Литве, Польше, Ливонии и других странах содержатся краткие известия о белорусских землях. В “Описании” использованы различные

источники, в том числе белорусско-литовские хроники, а также материалы, собранные М. Стрыйковским, служившим под началом А. Гваньини. Это было первое произведение, которое познакомило западноевропейского читателя с историей Великого княжества Литовского и содержанием белорусско-литовских общегосударственных хроник.

По сведениям А. Гваньини, в устье Днепра находились в то время местечки Любеч, Стрешин, Речица, Быхов, Шклов, Копысь, Дубровна, а дальше за Днепром – Мстиславль, центр Мстиславского воеводства [2, с. 59].

Как правило, описания путешественников того времени содержат лишь беглые упоминания о населенных пунктах, которые они проезжали на своем пути. Однако иногда встречаются и краткие сведения, проливающие свет на архитектурный облик того или иного местечка. Так, С. Герберштейн отметил, что в Каменце, в деревянном замке стоит каменная башня. А. Гваньини упоминает Пинск – “город деревянный, большой”, Лиду с ее каменными замками, “широкий город” Волковыск, Мстиславо – “город и замок деревянные на месте, которое по самой своей природе пригодно для обороны”, Слоним, огражденный деревянными заборами. А. Гваньини также называет Койданово, а рядом с ним Радошковичи (“замок с городом”), Логойск (“город и замок деревянные”), Свислочь над рекой такого же названия. Про первое из них сообщается, что в “этом местечке есть церковь набожная греческая и дом гетманский небольшой”. Бобр же – “местечко большое, и домов еврейских в нем много, и место людное, у самого подскарбия в том местечке двор небольшой, постройка деревянная, низкая”.

Белорусским местечкам уделили внимание иностранные путешественники, которые проезжали транзитом через Беларусь в XVII в. и оставили интересные мемуары или дневниковые записи о своих путешествиях, такие как “Донесение Августина Мейерберга императору Леопольду I о своем посольстве в Московию” австрийского барона А. Мейерберга [3], “Описание путешествия польского посольства в Москву в 1678 г.” Б. Таннера [4], “Дневник путешествия в Московию (1698–1699)” И. Корба, “Путешествие...” П. Толстого [5].

О том, что в Молодечно есть “хороший деревянный замок, городок же лежит на болоте”, сообщает Б. Таннер, Слоним же он назвал “хорошим городом”. Более скептическое описание этого местечка мы встречаем у П. Толстого: “Место немалое, а постройки в нем хорошей нет. На реке стоит на Щаре. В том городе и дом ее есть, вокруг дома сделан замок земляной. Хоромы деревянные, старой постройки, немалые были, но состарились”.

В Свислочи П. Толстой заметил “дом панский большой и сажалки вокруг”. А про Мир у него сказано: “Тот город земляной... в тот город ведет ворот проезжих каменных четверо, в том городе дома мещанские, богатые... Места небольшие, а домов хорошей постройки много”. Русский посол посетил и Койданово, в его “Путешествии...” сказано: “То местечко Койданово каменное и башни в том замке каменные, домов богатых в

том местечке много. В том же местечке церковь набожной греческой веры деревянная” [5, с. 223].

Со временем изменились не только маршруты путешественников, ставшие более разнообразными, но и описания, которые начинают характеризоваться детализацией, чаще встречаются архитектурные и планировочные сведения. Так, у П. Толстого подробно описан известный замок в Мире: “От того города близко замок сделан земляной, в замке сделан дом большой каменный, по углам башни круглые, и ворота в том доме сделаны четырехугольные. В той названной веже над воротами сделан костел римский хорошей постройки, а между башнями вместо стен сделаны все палаты очень пристойные с двух сторон высокие, в три этажа вверх. Внутри того дома всё выложено камнем, и вокруг того дома пущена вода... В выше названном радзивиловском каменном доме стоит вахта, так называемый караул, солдаты на его (радзивиловском) содержании, на том названном дворе всех его, радзивиловских палат, 80 и вокруг построены каменные переходы” [5, с. 143].

Города Поднепровья охарактеризованы в “Путешествии в Московию” А. Мейерберга. По его словам, “Копысь – деревянный город, который был обнесен деревянной стеной, укрепленной башнями, и имел деревянный детинец посреди большого холма, Шклов – это “славный город”, а так же “деревянный и хорошо укрепленный”. Множество домов имело Дубровно, разрушенный во время русско-польской войны 1654–1667 гг.

На обратном пути из Москвы А. Мейерберг проезжал местечко Шклов, о гостеприимстве властей которого у дипломата остались негативные впечатления, по его свидетельству делегаты заранее “известили о прибытии начальника городского, но не лучше были приняты и нам даже не позволили выйти на берег” [3, с. 243]. Противоположное мнение сложилось у барона И. Корба, который в 1698 г. в составе австрийского посольства также посетил это местечко, где отпраздновал Воскресенье Христово [6, с. 176].

В конце XVIII в. после трех разделов Речи Посполитой белорусские земли были включены в состав Российской империи. Новые территории нуждались в подробном изучении, с этой целью сюда и направлялись научные экспедиции российских ученых. Следует отметить, что описания путешествий являются очень ценными источниками. С одной стороны, они обычно лишены идеологических ограничений и представляют собой описания непосредственно увиденного. С другой – российские ученые стремились придать своим описаниям, по возможности, наиболее системный характер, рассмотреть разные стороны жизни в регионе. Однако в сферу непосредственных интересов авторов не входила история культурного наследия. Основное внимание российских научных экспедиций было направлено на изучение почвы, растительного и животного мира, астрономические наблюдения и пр. Естественнонаучная часть в общем объеме путешествий была обычно значительно больше и объективнее. О характере изучения свидетельствует сфера профессиональных

интересов: так, В. Севергин был известным специалистом в области минералогии и химии, а А. Бошняк увлекался ботаникой. Определенный интерес они проявляли к архитектурным памятникам, которые обычно упоминались как дополнительные сведения к общему описанию.

В сравнении с предыдущими столетиями в XIX в. маршруты путешественников стали более разнообразны. Пользовался популярностью традиционный путь с запада на восток: из Бреста, Гродно или Вильно через Минск и Оршу на Смоленск и Москву. Но одновременно через Витебск и Могилев на Киев. Многие путешественники посещали Пинщину и Мозырщину, Полотчину и Slutчину.

Проезжая с запада на Минск через Ошмяны, Сморгонь, Лебедево, Молодечно и Красное, оставил очерки о них А. Бошняк. Ошмяны ему не понравились: “Дома тут построены плохо, маленькие, деревянные покрытые дранкой, главная улица ровная, но немощеная. В центре города – четырехугольная площадь, бока которой заняты двумя костелами, каменным и деревянным, деревянными магазинами и домами помещиков”. Сморгонь – “местечко не из последних, построенное вдоль небольшого ручья; улицы тут ровные, широкие, украшенные тремя костелами; дома частично деревянные, низкие, некрасивые, дранкою крытые, магазины также деревянные”. В центре местечка Лебедево каменная площадь, “застройка деревянная, но вообще достаточно хорошая”. Корчма, в которой остановился путешественник, оказалась просторной и имела отдельную комнату для проезжих. В сравнении с предыдущим местечком Молодечно показалось “менее значительным”, также как и Красное, которое “ничего примечательного собой не представляло”. Зато Смиловичи оказались одним из самых лучших местечек, которые видел ученый, начиная с Вильно: “Оно достаточно большое, улицы ровные, широкие, постройки деревянные. Тут несколько каменных зданий, а именно: большой католический костел, ксендзовские дома и один панский” [7, с. 243].

В начале XIX в. дважды в Беларуси побывал академик В. Севергин, чьи “Записки путешествий...” [8] увидели свет в Петербурге в 1803 г. Про Шклов ученый писал, что со стороны Могилева это местечко особенно живописно. Здесь находился дворец екатериненского генерала Зорича, которому царица подарила город и земли вокруг него. Тут же было каменное здание кадетского корпуса, но оно сгорело незадолго до приезда Севергина.

Сенно ученый описывает так: “Сенно лежит при озере такого же названия. Дома в нем большей частью деревянные, покошенные, кроме строений, которые принадлежат старосте Сероковскому и украшают въезд в город. Жителей в местечке 860, домов около 600” [11, с. 143]. Некоторые статистические данные автор приводит и о местечках Чаусы, Чериков и Мстиславль.

Сведения о белорусских землях, находившихся в составе Российской империи, сохранились и в сочинениях путешествующих здесь польских ученых. Так, писатель, историк и общественный деятель Ю. Немцевич

летом 1819 г. проезжал через Черневчицы, Кобрин, Дрогичин, Бездеж... – Пинск “не только в нашем краю, но и в других мало есть таких удобных для торговли пунктов”. Дальше на пути лежал стародавний Слоним, который польский путешественник охарактеризовал как чистый город с широкими и упорядоченными улицами.

Еще один польский писатель, публицист, автор книг по истории и этнографии Ю. Крашевский охарактеризовал Дрогичин как маленькое местечко, расположенное среди песков: “Несколько улочек. Тропинки, прикрытые соломой, покрытые кирпичом и щепками. Старая корчма, магазины, открытые один день в неделю”. Пинск он назвал “белорусским Ливерпулем”, тут сходились торговые пути с Украины, Литвы, Пруссии, Польши. Когда писатель посетил Пружаны, местечко насчитывало 3 тыс. “душ” мужского населения. Возвышались 3 каменных и 370 деревянных домов [9, с. 234].

Истории белорусских городов и местечек, быту и фольклору населения Беларуси посвятил книгу “Вандроўкі па маіх былых ваколіцах” белорусско-польский поэт В. Сырокомля [10, с. 89]. В книге можно найти описания жилых построек, производственных сооружений, предметов быта в таких местечках, как Столбцы, Свержень, Койданово и др. Много внимания автор уделил описанию Мирского и Несвижского замков.

Следует отметить, что описания путешественников XIX в. стали более детальными, по ним можно делать выводы не только об архитектурном облике, но и о занятиях местного населения, социально-экономической жизни местечек того времени. О каменецком гончарстве есть упоминания у В. Севергина. Исследователь описал, как в местечке Каменка, между Щучином и Скиделем, изготавливали известные белорусские керамические плитки с зеленой поливой, а также горшки и кубки с бурой поливой. Академику говорили, что горшковая глина добывалась во многих местах Беларуси. Но в Каменце она имела неповторимый кофейный цвет, давала зеленые полосы, а в огне приобретала серый цвет [8, с. 178].

Самыми крупными промышленными предприятиями в Беларуси того времени были суконные фабрики и металлургические заводы. Ю. Немцевич посетил суконные фабрики в Хомске и Ружанах, в бывшем дворце Сапегов. Рабочие там зарабатывали очень мало. Так, крестьянские девушки вынуждены были работать “за еду да за рубль в месяц деньгами” [11, с. 190].

В те времена, когда по западной части Беларуси путешествовал Ю. Крашевский, там уже было много суконных фабрик: в Волковыске, Ружанах, Слониме, Белине, Березове, Бытене, Косово, Шилевичах. За косовским сукном приезжали купцы даже с далекой Риги. О красивых ножах и вилках в Смолевичах, как примерах промышленности, упоминал также и В. Севергин.

Мельницы можно было повстречать по всей Беларуси. Они встречались на пути поляка Ю. Крашевского в Пружанах, а Сырокомли – в Городее.

Благодаря развитию сельского хозяйства, мануфактур и ремесла в первой половине XIX в. оживилась торговля. По Неману, Двине, Днепру и Припяти ввозились и вывозились различные товары. Иностранные купцы стали частыми гостями в белорусских местечках, где регулярно проводились многолюдные ярмарки. Так, на ежегодную ярмарку в Зельву, по словам Ю. Крашевского, приезжали торговцы из Италии, Греции, Турции и даже из Персии. Среди товаров первое место занимал текстиль. Также торговали животными, в год продавалось несколько тысяч лошадей. Была и духовная литература: русских книг и эстампов ежегодно завозилось в Зельву “около ста пудов”, а польских и французских книг – на 20 тысяч рублей [9, с. 96]. Из Вильно обычно приезжала драматическая труппа. На открытой сцене показывали штуки циркачи. А в деревянном павильоне “Собачья гора” можно было танцевать.

Большой ежегодной ярмаркой славилась Бешенковичи. Она начиналась 12 июля и продолжалась две недели. В.Севергин утверждал, что на ней продавались “в основном иностранные товары: шелка, полотна, батиста и разные галантерейные вещи. Народа съезжалось много” [8, с. 97].

Много купцов собиралось на ярмарках в Кричеве и Шклове. Российский естествовед, историк, писатель и этнограф А. Мейер дает сведения о товарах, продаваемых на них: “Кричевские мещане торговали железом, солью, табаком, пенькой, рыбой, зерном”. Местные ярмарки привлекали купцов из Москвы, Петербурга, Риги, Кенигсберга и Гданьска. С собой они привозили “разные суконные ситцевые и шелковые товары, напитки, шерсть, шапки, упряжки, рукавицы, платки, батиста, голландское и простое полотно и многие мелочи, которые употребляются местными мещанами и крестьянами. Из Москвы привозятся в основном железо, чугун и медь, а из Малороссии – разная рыба, особенно сула, донские карпы, или сазаны, судаки, или, по-местному, колодки, и многие другие соленые и вареные рыбы, также и напущенный табак”.

В Шклове устраивались две ярмарки по две недели. Купцы приезжали туда из разных российских городов. Жители Шклова обычно торговали шелком, кружевами, галантереей.

Иностранные товары, завозившиеся в Пружаны, перечислил Ю. Крашевский. По его словам, тут продавали “гаванские сигары, голландский сыр и селедку” [9, с. 245]. Ярмарки в местечке не было. Но действовало 44 магазина. Рядом с привозными товарами они торговали и местными: веревками, горшками, изделиями из железа, табачными изделиями.

Реляции путешественников позволяют нам создать впечатление о том, что же в то время продавали в белорусских местечках. По словам В. Севергина, в Скиделе рынок собирался по вторникам. На нем он видел в продаже овес, ячмень, холщовое полотно, каменную соль серого и красного цвета, бороны, колеса, лошадей, коров, шкуру для подошв и горшки.

Также в описаниях путешественников эпизодически получает отражение культурное наследие различных христианских конфессий. Напри-

мер, дефиниция “греческие церкви” не единожды встречается в дневниках А. Гваньини (в Свислочи), П. Толстого (в Койданово), А. Бошняка (в Смиловичах) и др.

Заклучение

Таким образом, записки путешественников могут служить важным источником для изучения облика, социальной и культурной жизни белорусских местечек. Сегодня многое из описанного в Беларуси не существует или неизвестно изменилось в XIX–XX вв., и тем больший интерес для нас имеют данные описания.

Используемая в большинстве повествований дневниковая форма изложения обуславливает и главный недостаток сочинений: краткость, схематичность и поверхностность описаний. Однако, если в XVI–XVII вв. они представляли собой лишь беглые описания некоторых увиденных местечек, то в XVIII–XIX вв. путевые заметки или дневники путешественников стали более развернутыми и подробными.

В начале XIX в. появляются российские “ученые” путешествия, цель которых – научное (географическое, топографическое, статистическое и этнографическое) исследование недавно присоединенных земель западного региона Российской империи. Работы этого периода ценны тем, что они написаны очевидцами событий и их можно рассматривать как мемуары. Несмотря на субъективный характер, данные записи являются ценным историческим источником. В мемуарной литературе XIX в. нашли отражение различные аспекты истории местечек Беларуси.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ

1. **Герберштейн, С.** Записки о Московии : в 2 т. / С. Герберштейн ; редкол.: А.Л. Хорошкевич (отв. ред.) [и др.]. – М. : Памятники исторической мысли, 2008. – 776 с.
2. **Гваньіні, О.** Хроніка еўрапейскай Сарматыі / О. Гваньіні ; пер. з польск. О.Ю. Мицика. – Київ : Києво-Могилянська академія, 2007. – 1004 с.
3. **Мейерберг, А.** Донесение Августина Мейерберга императору Леопольду I. о своем посольстве в Московию / А. Мейерберг ; пер. с лат., предисл. и примеч. Е.В. Барсова. – М., 1882. – 54 с.
4. **Таннер, Б.** Описание путешествия польского посольства в Москву в 1678 году / Б. Таннер ; пер. с лат., примеч. и прилож. И. Ивакина. – М. : Университетская тип., 1891. – 216 с.
5. **Толстой, П.А.** Путешествие стольника П.А. Толстого по Европе, 1697–1699 / П.А. Толстой. – М. : Наука, 1992. – 380 с.
6. **Корб, И.Г.** Дневник путешествия в Московию (1698 и 1699 гг.) / И.Г. Корб ; пер. и примеч. А.И. Малеина. – СПб. : Изд. А.С. Суворин, 1906. – 322 с.
7. **Бошняк, А.** Дневные записки путешествия в разные области Западной и Полуденной России / А. Бошняк. – М., 1821 – Ч. 1. – 90 с.
8. **Севергин, В.М.** Записки путешествий по западным провинциям Российского государства / В.М. Севергин. – СПб., 1804.

9. *Kraszewski, J.* Wspomnienia Polesia, Wolynia i Litwy / J. Kraszewski. – Wilno, 1840.
10. *Сыракомля, У.* Вандроўкі па маіх былых ваколіцах : успаміны, даследаванні гісторыі і звычайў / У. Сыракомля ; пер. з польск. мовы, прагм. і камент. К. Цвіркі. – Мінск : Польша, 1992. – 157 с.
11. *Niemcewicz, J.U.* Podroze historyczne po Litwie z pogladu religijnego / J.U. Niemcewicz. – 1856. – Т. 31.

Поступила в редакцию 27.11.2013 г.

УДК 811.161.1'38

М.О. ТРИГУК

МЕТАФОРА КАК РЕПРЕЗЕНТАЦИЯ ТЕКСТОВОЙ КАТЕГОРИИ “ОБРАЗ АВТОРА” В РАССКАЗЕ Т. ТОЛСТОЙ “КРУГ”

Статья посвящена анализу текстовой категории “образ автора” в аспекте ее репрезентации в современной художественной прозе. Категория “образ автора” обладает значительными возможностями в создании коммуникативного потенциала художественного текста. Имея широкий план содержания, данная категория обладает не менее широким планом выражения, что репрезентуется стилистически. Механизм речевого поведения автора в прозе Т. Толстой, в частности, проявляется в густой метафоричности. В связи с этим целью работы является выявление особенностей функционирования метафоры как репрезентации текстовой категории “образ автора” в рассказе Т. Толстой “Круг”.

Введение

Обращение к тексту как к самостоятельному объекту исследования произошло в 60-е гг. XX в., когда в фокус внимания лингвистов попала практическая реализация языка – речь. В рамках дисциплин, изучающих текст – лингвистики текста, коммуникативной стилистики текста, теории речевых актов и др., – постепенно формируется взгляд на текст как на высшую коммуникативную единицу. Особый коммуникативный потенциал имеют художественные тексты, осложненные эстетической функцией: “текстовая деятельность – многосложная и многокомпонентная психолого-интеллектуальная коммуникация, а так как этот вид речевой коммуникации выполняет еще и эстетическую функцию, то эту разновидность коммуникации стали рассматривать как литературную коммуникацию (ван Дейк, Р. Познер, З. Шмидт, Р. Фасмер и др.)” [1, с. 14]. Коммуникативные возможности художественного текста неисчерпаемы, однако его анализ в рамках традиционных категорий адресата и реципиента ограничен. В отличие от традиционного акта коммуникации художественный текст характеризуется условностью говорящего, ибо мы имеем дело не с биографическим автором, а лишь с его отражением в тексте.

Условной является и фигура реципиента, который в каждом акте прочтения выступает в новой ипостаси: “воспроизведение текста субъектом (возвращение к нему, повторное чтение, новое исполнение, цитирование) есть новое, неповторимое событие в жизни текста, новое звено в исторической цепи речевого общения” [2]. С развитием идей антропоцентризма текст начал изучаться в аспекте его порождения (позиция автора) и восприятия (позиция читателя). Одним из направлений в изучении текста является анализ текста как совокупность категорий. В связи с этим текст как коммуникативная система может быть описан через взаимодействие текстовых категорий, отражающих отдельные аспекты реальной ситуации общения: “образ автора”, “образ повествователя”, “образ персонажа”, “образ читателя” и др.

Среди названных категорий центральное место в текстовой коммуникации имеет категория “образ автора”, понимаемая нами как вершина субъектной организации текста, обеспечивающая смысловое, композиционное и языковое единство. Данная категория обладает широкими возможностями в реализации коммуникативного потенциала художественного текста, ибо она функционирует в тексте как непосредственное отражение его создателя – автора-творца. Обобщение доминирующих стилистических приёмов и фигур реализует авторский стиль речи как проявление индивидуальной манеры языкового выражения писателя. В связи с этим можно говорить о богатстве реализаций текстовой категории “образ автора”, предопределённом существованием множества языковых личностей. Наиболее значимыми в плане постижения образа автора становятся частотные языковые средства, или индивидуальные стилиевые константы. Язык Т. Толстой характеризуется стилистическим богатством и экспрессивностью, между тем он мало изучен в аспекте текстовой категории “образ автора”. В данной работе мы остановимся на изучении метафоры как формы проявления авторского “присутствия” в тексте. В связи с этим целью работы является выявление особенностей функционирования метафоры как репрезентации текстовой категории “образ автора” в рассказе Т. Толстой “Круг” [3].

Целостное учение об образе автора разработано В.В. Виноградовым [4, 5], хотя эта проблема затрагивалась и ранее в трудах Г.О. Винокура, Б.М. Эйхенбаума, А.Н. Соколова и др. Образ автора функционирует в художественном тексте как проявление общезыковой категории субъектности, формирующее смысловой объём текста и его речевую структуру. “Личность писателя диалектически отражается в его произведениях как категория автора (“образ автора”, по В.В. Виноградову), их детерминанта, концентрирующая суть литературного произведения и определяющаяся как источник его “самодвижения” и характер взаимодействия составляющих всех уровней текста. Она и должна быть положена в основу анализа художественного творчества” [6, с. 15]. Подчиняя себе широкий план содержания, данная категория обладает не менее широким планом выражения, реализующим стилистические возможности языковой систе-

мы, с одной стороны, и прагматические установки автора, с другой стороны. В художественном тексте, как и при традиционной коммуникации, реципиент в процессе декодирования смысла сталкивается с двумя сторонами языкового знака – планом содержания и планом выражения. Однако в художественном тексте путь, который проходит читатель в процессе интерпретации, затруднен, так как имеет значение не только передаваемая информация, но и способ, которым это достигнуто (форма). Языковые единицы, отбираемые образом автора, становятся формальными средствами выражения содержательной стороны высказывания. По В.В. Виноградову, “образ автора – это внутренний стержень, вокруг которого группируется вся стилистическая система произведения” [4, с. 97]. В процессе интерпретации художественного текста особое значение приобретают дополнительные смыслы, реализованные в синтагматике текста. Как отмечал И.Р. Гальперин, “лингвистическую стилистику можно определить как науку о природе особых маркированных элементов, особых сочетаний языковых единиц, способных сообщать дополнительную информацию к основному содержанию высказывания (текста), и об отношении одних средств выражения к другим в данном типе текста” [7, с. 19]. Стилистически маркированным средством, безусловно, является метафора, традиция обращения к которой восходит еще к Аристотелю. Общим местом работ о метафоре стало указание на нее как средство языковой выразительности. Интересным поворотом в изучении метафоры стало указание на ее роль в процессе познания: “... метафора пронизывает всю нашу повседневную жизнь и проявляется не только в языке, но и в мышлении и действии. Наша обыденная понятийная система, в рамках которой мы мыслим и действуем, метафорична по самой своей сути” [8, с. 25].

Основная часть

В рассказе Т. Толстой нами выявлено 141 употребление метафор разных типов. Наиболее частотными среди них являются глагольные метафоры (52+14), в число которых мы также отнесли метафоры с глагольными формами – причастиями и деепричастиями: *северные бури развеяли, выдули изнеженных торговцев летним капризным товаром; Евгения Ивановна что-то чувствовала, искала следы; кудрявая сирена душила свою жертву белой вафельной простыней; к голове, утыканной словно бы штырями, триодами, сопротивлениями и др.* Высока частотность и номинативных метафор (54): *сравнительная физиология котлеты и тефтели; тесный пенал, именуемый мирозданием; тугой моток переулков; стопка ворсистых блинов и др.* Атрибутивная метафора представлена 11 сочетаниями: *виноградные глаза; худосочная шапочка; зубастая щётка и др.* Кроме 130 речевых метафор, в рассказе также употреблено 11 языковых метафор: *его каравелла бороздила знакомые просторы; фантом, порождённый капризной случайностью прачечной канцелярии и др.* Стилистические функции названных типов метафоры

неоднородны. Метафора – это не просто констатация сходства двух объектов, не только “скрытое” сравнение. “Метафора есть способ отождествления двух понятий благодаря иногда случайным отдельным признакам, которые представляются сходными” [9, с. 127] образу автора. В репрезентации образа автора наибольшую значимость приобретают речевые метафоры, преобладающие в рассказе (92% от общего количества метафор) и выступающие как средство адекватного художественного выражения индивидуальной авторской мысли. Речевая метафора, ее варьирование передает динамику мысли, репрезентуя тем самым смысловой аспект категории “образ автора”. Так, образу персонажа присущи следующие метафорические характеристики, растворённые в контексте: *Трёхмерность бытия, финал которого всё приближался, душила Василия Михайловича, он пытался сойти с рельсов, провертеть дырочку в небосклоне, уйти в нарисованную дверь. – Да и откуда бы у него взяться фамилии, должности, адресу, почтовому, скажем, индексу – у него, у пододельяного, наволочного фантома, порождённого капризной случайностью прачечной канцелярии?– Василий Иванович перегрыз цепь и убежал от Евгении Ивановны: они сидели с Изольдой, взявшись за руки, и он широко распахивал для неё двери своей душевной сокровищницы.* В данных контекстах метафора воплощает новый взгляд на персонажа, т. е. новый смысл, заложенный автором. В первом случае он имплицитно отождествляется с поездом, во втором – с несуществующим фантомом, в третьем – с собакой, создавая у читателя вариативность ассоциаций.

Роль разных типов речевой метафоры в репрезентации образа автора не одинакова. Частеречная и синтаксическая характеристика метафоры определяет степень отождествления понятий. Высокая степень отождествления осуществляется посредством метафорического употребления глаголов: *ветер уходил в тёмные подворотни; всходили первые звёзды; зима торгует снежным, облитым шоколадом мякишем; дышит живая тьма; она трепетала.* Метафоричность глагола может поддерживаться контекстуально: чаще всего – дополнениями (*лишь луна серебряным яблоком бежит; кудрявая сирена душила свою жертву белой вафельной простыней; Евгения Ивановна что-то чувствовала, искала следы; махала ручкой юная спекулянтка через стекло, через время, через прошедшую жизнь*), реже – наречиями (*хрипло ходит кровь*). Отличается роль глагольной и номинативной метафоры в текстообразовании. Номинативные метафоры выступают как средство детализации впечатлений, передаваемых повествователем или персонажем: *Изольда не спит, вслушиваясь в невнятную городскую метельную мелодию, в тёмные зимние виолончели; Но непоколебимо стоят, примёрзнув к деревянным столам, последние верные слуги земли, угрюмо раскинув холодную свою подземную добычу.* Номинативные метафоры выступают как средство создания образа, однако образ здесь не выступает лишь как средство выразительности. Особенностью реализованного в номинативных метафорах образа автора является яркий мыслительный процесс, пронизанный авторской

модальностью, но не являющийся очевидным благодаря особенностям метафоры. Глагольные метафоры выступают как средство передачи динамики развития ситуации, потенциально заложенной в самом глаголе как части речи: *Евгения Ивановна почуяла Изольдину тень, и рыла ямы, и натягивала колючую проволоку, и выковала цепь, чтобы Василий Иванович не мог уйти*. Интенсивность действия, достигаемая ритмически организованной фразой, наряду с метафоричностью конструкции становится средством создания перспективы высказывания.

Образ автора, реализованный в рассказе, характеризуется густотой метафор, их высокой плотностью употребления: *А здесь, выхватывая из шкафов морщинистыми ручонками огромные взрослые вещи, метался взад-вперёд злобный тролль, страж подземного золота, и от висящего над полом абажура Гулливером металась по стенам тень*. В анализируемом рассказе метафора употребляется в 61 контексте, но только 10 метафор (16%) являются одиночными. Подобная густота метафор становится средством экспрессии образа автора. Об этом писал В.В. Виноградов, очерчивая роль метафоры как средства отражения авторской модальности: "... метафора, если она не штампована, есть акт утверждения индивидуального миропонимания, акт субъективной изоляции. В метафоре резко выступает строго определенный, единичный субъект с его индивидуальными тенденциями мировосприятия. Поэтому словесная метафора – узка, субъектно замкнута и назойливо "идейна", то есть слишком навязывает читателю субъективно-авторский взгляд на предмет и его смысловые связи" [10, с. 89]. Наличие большого числа метафор в рассказе Т. Толстой, их неоднозначность и аутентичность становятся способом не прямой реализации авторской оценки, в результате чего заложенный автором смысл и интенции передаются завуалировано.

В репрезентации образа автора как смысловой, стилистической и композиционной категории, участвуют все метафоры, употреблённые в тексте. Однако смысловое ядро текста наиболее ярко преломляется ограниченным числом метафор. Структурирующей и смыслоформирующей метафорой текста, реализующей авторское смысловое ядро, является название текста – "Круг". *Круг* – это метафора судьбы как замкнутого круга, не имеющего начала и конца: *Всё предрешено, и в сторону не свернуть – вот что мучило Василия Михайловича*. То есть концентрированным воплощением смыслов, заложенных в тексте образом автора, становятся метафоры, связанные с судьбой. Напряжённый поиск героем иного жизненного пути, попытка изменения судьбы передана метафорой, устанавливающей тождество между человеком, идущим по жизни, и поездом, сошедшим с рельсов: *Трёхмерность бытия, финал которого всё приближался, душила Василия Михайловича, он пытался сойти с рельсов, провертеть дырочку в небосклоне, уйти в нарисованную дверь*. Тщетность его попыток изменить судьбу предсказывается образом автора через дистантное повторение метафоры судьбы как круга. Значимо, что в данном случае тождество судьбы и круга реализовано эксплицитно в отличие от

лишь намеченной смысловой позиции в названии: ... он попросту нашарил впотьмах и ухватил обычное очередное колесо судьбы и, перехватывая обод обеими руками, по дуге, по кругу добрался бы, в конце концов, до себя самого – с другой стороны. Окончание жизненного пути героя также передано метафорой, содержащей образ круга: *Кругосветное путешествие, по всем признакам, заканчивалось: его каравелла, обогнув жизнь, подплывала с обратной стороны и уже вновь бороздила знакомые просторы*. Значимым в акцентуации смысла становится прилагательное *знакомый*, ещё раз варьирующее уже обозначенный смысл. Фактически, данные метафоры, расположенные дистантно, удваивают смысловую информацию текста, что необходимо для адекватной интерпретации авторского замысла.

Заклучение

Таким образом, художественный текст – это проявление особой коммуникации, имеющей, в отличие от других ее способов, вариативный набор как в плане содержания, подчинённого одной теме, так и в плане средств его выражения. Textoобразующая категория “образ автора”, функционирующая в тексте на смысловом, стилистическом и композиционном уровнях, становится средством декодирования глубинного смысла текста. Имея разные формальные способы своего выражения, данная категория в значительной степени определяется авторским идиостилем как набором стиливых констант писателя. В художественном тексте Т. Толстой метафора выступает как средство репрезентации определённых концептуальных позиций образа автора. Она активизирует необходимые значения на синтагматическом уровне (при взаимодействии близко расположенных метафор) и на вертикальном уровне (при взаимодействии дистантно локализованных метафор). В рассказе “Круг” особыми “сгустками смысла” становятся метафоры судьбы как круга, дистантно развертывающие и экспрессивно оформляющие реализованные в названии авторские интенции. Как один из основных результатов работы можно рассматривать тот факт, что анализ речевых реализаций метафоры как стилистического приёма в контексте текстовой категории “образ автора” является средством адекватной интерпретации художественного текста.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ

1. **Бабенко, Л.Г.** Лингвистический анализ художественного текста. Теория и практика : учебник : практикум / Л.Г. Бабенко, Ю.В. Казарин. – М. : Флинта : Наука, 2004. – 496 с.
2. **Бахтин, М.М.** Проблема текста в лингвистике, филологии и других гуманитарных науках / М. Бахтин // Библиотека Гумер [Электронный ресурс]. – 2012. – Режим доступа : http://www.gumer.info/bibliotek_Buks/Culture/Article/Baht_PrT.php. – Дата доступа : 26.04.2013.
3. **Толстая, Т.Н.** Круг / Т.Н. Толстая // Ночь : рассказы – М. : Эксмо, 2012. – С. 65–83.
4. **Виноградов, В.В.** Стилистика. Теория поэтической речи / В.В. Виноградов. – М. : Высшая школа, 1971. – 240 с.

5. **Виноградов, В.В.** О теории художественной речи / В.В. Виноградов. – М. : АН СССР, 1963. – 255 с.
6. **Новиков, Л.А.** Стилистика орнаментальной прозы Андрея Белого / Л.А. Новиков. – М., 1990. – 182 с.
7. **Гальперин, И.Р.** О понятиях “стиль” и “стилистика” / И.Р. Гальперин // Вопросы языкознания. – 1973. – № 3. – С. 14–25.
8. **Лакофф, Дж.** Метафоры, которыми мы живем ; пер. с англ. / Дж. Лакофф, Дж. Марк ; под ред. и с предисл. А.Н. Баранова. – М. : Едиториал УРСС, 2004. – 256 с.
9. **Гальперин, И.Р.** Очерки по стилистике английского языка / И.Р. Гальперин. – М. : Издательство литературы на иностранных языках, 1958. – 460 с.
10. **Виноградов, В.В.** Стиль Пушкина / В.В. Виноградов. – М. : Художественная литература, 1941. – 620 с.

Поступила в редакцию 25.06.2013 г.

УДК 811.161.1'342.8

ФАРИДА КЯЗИМОВА

АКЦЕНТОЛОГИЧЕСКИЕ ВАРИАНТЫ В РУССКОМ ЯЗЫКЕ

Русское ударение осуществляется с точки зрения традиционных для этого явления параметров: место в словоформе, передвижения при словообразовании и словоизменении и грамматическими категориями.

Понятие акцентологической нормы узко и конкретно. Акцентные варианты – объективное следствие языковой эволюции.

В современной лингвистической науке изучение вариантности занимает одно из центральных мест. Исследование вариантов важно в плане их временного и внутрисистемного соотношения, и в плане функциональном, то есть выявление стилистических, сочетаемостных, позиционных и иных особенностей. Особый план представляет изучение социальных различий в распределении вариантов. Изучая акцентную вариантность, необходимо прежде всего представлять себе причины, которые ее порождают, то есть причины развития ударения. Вариантность, как это установлено современной наукой, есть естественное свойство литературного языка.

Каждый носитель конкретного языка владеет двумя, иногда тремя (аварцы, горские евреи, лезгины, таты) типами произношения, то есть кодифицированным (полным), соответствующим всем орфоэпическим, акцентологическим нормам, описанным учеными-фонетистами, а также разговорным, называемым неполным. Первый тип используется не так часто, как второй. Этот тип обычно наблюдается в разговоре с иностранцами и официальными лицами: при чтении вслух официальных документов, где следует точное прочтение каждого слова. А второй тип про-

изношения используется в повседневной речевой практике и является основным. Следует отметить, что отличительными особенностями официальной речи от разговорной является наличие сознательного контроля говорящего над своей речью и употребление преимущественно полных, эталонных звуковых форм слов. Носители русского языка спокойно воспринимают [здрас'твуйть'] и [здрас'т'], [г'в'в'Ар'у] и [г'в'вр'у], [м'ьл'Ако] и [мл'Ако].

Следует отметить, что не все носители какого-либо конкретного языка одинаково владеют обоими типами говорения. Большинство из носителей используют только один тип, а именно: разговорный. Отсюда можно сделать вывод, что разговорный тип является основным, потому что им владеют все носители языка.

Наблюдения над двумя типами произношения указывают на такие факты, что в настоящее время происходит активная “демократизация” устной речи, так как элементы разговорной речи все больше переходят в официальную, которую называли “высоким” произносительным стилем. То же самое можно сказать и в области лексикологии, морфологии, синтаксиса.

Разговорная русская речь стала объектом исследования фонетистов в 80-е гг. XX в. В их исследованиях было указано на то, что характер реализации фонем в аллофонах в разговорной речи не всегда определяется фонетическими и акцентологическими правилами, которые были сформулированы для кодифицированного литературного языка. Для разговорной речи характерна прежде всего вариантность, множественность реализаций одной и той же фонемы в позициях, которые в “высоком” стиле являются идентичными и в связи с этим стали различать фонетические, орфоэпические, акцентологические варианты. Надо отметить, что разговорная речь не создает безграмотного произношения. Вообще-то, как мы считаем, разговорная речь вне литературы не может быть. Ею пользуются грамотные, литературно говорящие люди, а небрежное произношение является лишь сокращенным производным вариантом полной формы речи на фонетико-орфоэпическом уровне и изменения места ударения на акцентологическом уровне.

Всем известно, какую сложную картину представляет современное русское литературное ударение, и эта сложность в значительной степени обусловлена существованием множества вариантных ударений. Вариантность в ударении часто рассматривается как досадная помеха в овладении нормами литературного языка. А можно ли стандартизировать ударение, выбрать один из вариантов как наиболее правильный?

Вариантность, как это установлено современной наукой, есть естественное свойство литературного языка, живого и развивающегося. Акцентные варианты – объективное следствие языковой эволюции. Будучи продуктом ряда эпох, современная акцентная система включает в себя разновременные элементы, которые отражают акцентные закономерности, свойственные разным историческим периодам. И под влиянием вновь

складывающихся закономерностей в процессе развития литературного языка многие элементы акцентной системы и отдельные ее ветви перестраиваются. Перестройка в разной степени касается отдельных лексем и групп лексем, новые акцентовки закрепляются не сразу, проходя период более или менее длительных колебаний. И все это, конечно, обуславливает существование в каждом из периодов развития литературного языка определенного числа вариантных ударений. В современном литературном языке более 3500 лексем допускает акцентное варьирование во всей парадигме или отдельных словоформах [1]. Следовательно, об акцентной вариантности в современном литературном языке можно говорить как о явлении весьма распространенном.

Тут можно задать вопрос: как оцениваются, как следует относиться к вариантам с точки зрения литературной нормы?

В современной лингвистической науке изучение языковой вариантности занимает одно из центральных мест. Исследование вариантов важно и в плане временного и внутрисистемного соотношения, и в плане функциональном, то есть выявление стилистических, позиционных и других особенностей. Особый интерес представляет изучение социальных различий в распределении вариантов. Эти аспекты дают возможность не только подробно, тщательно, внимательно охарактеризовать вариантность на определенном языковом уровне, но и сделать максимально объективными соответствующие нормативные рекомендации. Все изложенное относится и к изучению акцентной вариантности. На современном этапе развития филологической науки вопрос об акцентных вариантах не может стоять особняком, не может ставиться упрощенно, как ставился он раньше: выбрать один из вариантов и зачеркнуть другой. Другие варианты не стоит отбрасывать, их следует также подробно охарактеризовать, показать их место в языковой системе.

Изучая акцентную вариантность, не следует отбрасывать причины, которые ее порождают, то есть причины развития ударения. Это позволяет охарактеризовать появляющиеся ударения с точки зрения их перспективности, соответствия живым языковым тенденциям. По мнению ведущих ученых, единой причины изменения ударения нет. Изменения в ударении вызываются рядом определенных причин [2]. Оценка спорных фактов акцентологии нередко осуществляется на основе субъективного восприятия, без учета основных тенденций в развитии ударения. Среди причин в отношении изменения в ударении следует выделить причины основные, которые действуют постоянно, в течение длительного времени и охватывают значительные группы слов и более второстепенные, имеющие несколько ограниченные сферы действия. И в качестве такой основной причины, значительно преобразующей акцентную систему, выступает тенденция к усилению дифференцирующей функции ударения.

Известно, что ни одна область русского языка не вызывает столько споров, как русское ударение. Сложность и прихотливость русского ударения известны. Разноместность и подвижность русского ударения слу-

жат важным фонологическим средством и в этом качестве могут иметь существенное значение для разных сторон структуры языка. Функция разноместного ударения, делающая ударение признаком данного слова в отличие от другого, то есть средством различения слов (*му́ка* и *мука́*; *за́мок* и *замо́к*), относится к сфере лексики. Подвижность ударения в словообразовании (передвижение ударения с одного слога на другой слог в группе слов, имеющих общий корень), при которой ударение является как индивидуальным признаком данного слова, так и признаком данного типа образования слов, относит его к сфере лексики и словообразования. Подвижность ударения в формообразовании, делающая ударение признаком данного слова в его данной грамматической форме, относится к сфере словоизменения, то есть грамматики.

В качестве основного фонологического средства ударение и в своем развитии проявляет себя на разных языковых уровнях по-разному, поскольку оно, будучи дополнительным средством, взаимодействует с различными основными средствами и это взаимодействие происходит в пределах разных систем.

В словоизменении (парадигматике) замены ударения в значительной мере связаны с ролью ударения как дополнительного грамматического средства, сопровождающего основное средство образования грамматических форм – аффиксацию. Если разноместность и подвижность русского ударения и создают трудности при его освоении, но зато эти самые неудобства полностью искупаются возможностью различать с помощью места ударения смысл слов (*тру́сит* – *трусíт*, *погру́женный на платформу* и *погруже́нный в воду*) и даже функционально-стилистическую закреплённость акцентных вариантов [3] (*лавро́вый лист*, но в ботанике: *семейство ла́вровых*). Особенно следует выделить в этом плане роль ударения как способа выражения грамматических значений и преодоления омонимии словоформ. Сравним: *анализ кро́ви* (родительный падеж) и *весь в кро́ви* (предложный падеж); *руки́ не подаст* (родительный падеж) и *у детей чистые ру́ки* (именительный падеж множественного числа); *пальто́ мне ма́ло* (краткая форма прилагательного) и *ребёнок спал ма́ло* (наречие).

Таким образом, разноместность и подвижность русского ударения не только устраняют монотонность речи, но и способствуют ее ритмической организованности и являются основным различительным, фонологическим средством. Эти свойства ударения обычно не доставляют значительных хлопот человеку, усвоившему русский язык с детства.

Конечно, иное дело – акцентные варианты, которые, как правило, не различаются ни в лексическом, ни в грамматическом значении. Например: *мышле́ние* и *мы́шление*, *ба́ржа* и *баржа́*, *роди́лся* и *родилсѧ́*, *за́литый* и *зали́тый*, *ве́рны* и *верны́*, *глубо́ко* и *глубоко́*, *высо́ко* и *высоко́*, *в и́збу* и *в избѹ́*, *на́ мост* и *на мо́ст*, *на́ ногу* и *на но́гу*, *за́ нос* и *за но́с* и т.п.

В некоторых работах лингвистов встречаются такие утверждения, что таких равноценных дублетов мало. Это в корне неверно. Таких ак-

центологических дублетов в современном русском языке имеется более 5000 общеупотребительных слов, у которых зафиксировано колебание ударения [4].

На первый взгляд существование в языке акцентных вариантов представляется несовершенством языка. Однако такая оценка ошибочна и несправедлива. Колебания в ударении – это хотя и временный, но неизбежный этап развития языка, объективное следствие эволюции акцентологической системы. Если посмотреть на это явление непредубежденно, то вариативность ударения включает в себе даже некоторую пользу. Помимо этого, многие варианты пары представляются равноценными лишь при поверхностном рассмотрении. А в действительности же они имеют тонкие, но весьма существенные функциональные различия и поэтому служат обогащению стилистических ресурсов литературного языка.

До недавнего времени при характеристике колебаний русского ударения упор часто делался на наличие социально-профессиональных расхождений. Некоторые языковеды продолжают считать их чуть ли не главной причиной акцентологических сдвигов. В профессиональной речи, действительно, часто зарождаются живые и продуктивные тенденции, например, новые ударения: *ветровóй, текстовóй, корнево́й* и т. п.

Русское ударение не имеет универсальных причин изменений. Причинами сложности современного ударения являются: 1) отголоски распавшейся древней акцентологической системы, во многом зависевшей от фонетической характеристики гласных звуков; 2) взаимовлияние диалектов; 3) многоконтakтность при процессе заимствования слов и попеременном воздействии иноязычных акцентологических моделей; 4) профессиональное употребление также является причиной сложности современной акцентологии.

Наряду с перечисленными экстралингвистическими причинами основными двигателями акцентологического развития в современном русском языке являются причины внутреннего (лингвистического) характера. Причем, причины внутреннего характера действуют гораздо сильнее и к ним относится влияние формальной аналогии, которая ведет к уподоблению слов по месту ударения. Например, в русском языке наблюдается стремление к выравниванию ударения у кратких форм страдательных причастий и в глаголах прошедшего времени: *прóдан, прóдано, прóданы*, но в женском роде *проданá*. Однако автоматизм говорения как бы подстраивает форму женского рода к остальным, освобождает ее от излишнего различительного признака (ведь форма женского рода уже отличается от других своим фонетическим составом) [5]. Поэтому некоторые нормативные словари допускают уже ударения *прóдана, взýта, склóнна*, правда, пока на правах сниженных вариантов литературной нормы [6].

Следует отметить, что важной особенностью усиления грамматической функции ударения является закрепление ударения за устойчивыми

сочетаниями: *ожида́ние утра*, но *с утра́*; *обеспокоен судьба́ми*, но *какими судьба́ми*; *братъ грех на́ душу*, но *на ду́шу населения́*; регрессивное акцентологическое ударение преобладает в следующих акцентных вариантах: а) у дву-, трехсложных имен мужского рода: *бонда́рь – бо́ндарь*, *обу́х – о́бух*, *прику́с – при́кус*, *раку́рс – ра́курс*, *ката́лог – катáлог*, *плане́р – пла́нер*; б) у трех- и более слогов глагольных форм в прошедшем времени: *роди́лся – роди́лся*, *постла́ла – постла́ла*, *дожда́лись – дожда́лись*; в) у форм настоящего-будущего времени глаголов: *дружи́т – дру́жит*, *включи́т – вклю́чит*, *прислони́т – присло́нит*, *помири́т – поми́рит* и т. п. [7].

Прогрессивное акцентологическое развитие преобладает в следующих группах акцентных вариантов: а) у дву-, трехсложных имен женского рода на -а(-я): *ну́жда – нужда́*, *лы́жня – лыжня́*, *фо́льга – фольга́*, *фре́за – фреза́*; б) у производных трех-, четырехсложных прилагательных: *тигро́вый – тигро́вый*, *сча́сливый – счастли́вый*, *заво́дский – заводско́й* в) у дву-, трехсложных форм инфинитива: *у́дить – уди́ть*, *ума́лить – умали́ть*, *багро́веть – багрове́ть*, *ржа́веть – ржаве́ть*; г) в падежных формах одно-, двусложных существительных и кратких формах прилагательных во множественном числе: *хо́лма – холма́*, *гру́здя – груздя́*, *сте́бля – стебля́*, *овцу́ – овцу́*, *и́збу – избу́*, *близки – близки́*, *ве́рны – верны́*, *прóсты – прости́*.

Словарь трудностей русского языка (М., 1985) снабжает ударение *до́говор* пометой “разговорное”, допуская его, следовательно, как сниженный вариант литературной нормы в непринужденно-обиходной речи. Перемещение ударения у слова *договор* поддерживается, видимо, влиянием ударения в сложных словах (*колдо́говор*, *междо́говор*), а также стремлением к акцентологической подвижности и разграничению форм единственного и множественного числа: *до́говор – догово́ра* (разг.) и сдвиг начался, вероятно, с формы родительного множественного.

Итак, русское ударение действительно представляет собой “трудный участок” нормализаторской работы и ошибки в выборе акцентологического варианта еще весьма характерны для современной речи, многое в этой области получило научное истолкование и стало объектом регламентирующего воздействия. Успеху нормализации ударения способствует и то, что постепенно отмирают некоторые причины, порождавшие акцентные варианты. Многие сохранившиеся варианты получили ту или иную функциональную специализацию.

Многие акцентные варианты закрепились теперь за особыми словосочетаниями и конструкциями и, следовательно, не могут считаться избыточными, бесполезными для языка.

Таким образом, картина акцентной вариантности во всех категориях слов, где имеет место подвижность ударения, представляется сложной.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ

1. *Горбачевич, К.С.* Вариантность слова и языковая норма / К.С. Горбачевич. – Л., 1978. – С. 56.

2. **Горбачевич К.С.** Указ. соч. – С. 56–70.
3. **Колесов, В.В.** История русского литературного ударения. Именная акцентуация в древнерусском языке / В.В. Колесов. – Л., 1972. Воронцова, В.Л. Русское литературное ударение XVIII–XX вв. Формы словоизменения / В.Л. Воронцова. – М., 1979.
4. **Горбачевич, К.С.** Нормы современного русского литературного языка / К.С. Горбачевич. – М., 1978. – С. 87.
5. **Колесов, В.В.** Развитие словесного ударения в современном русском произношении / В.В. Колесов // Развитие русского языка после великой Октябрьской социалистической революции. – Л. : ЛГУ, 1967.
6. Трудности словоупотребления и варианты норм русского литературного языка / Словарь-справочник ; под ред. К.С. Горбачевича. – Л., 1973.
7. **Потапова, Р.К.** Фонетика и фонология на стыке веков: идеи, проблемы, решения / Р.К. Потапова, В.В. Потапов // Вопросы языкознания. – 2000. – № 4.

Поступила в редакцию 19.03.2012 г.

РЭЦЭНЗІІ

ЭСТЕТИЧЕСКОЕ ОЧАРОВАНИЕ ТАЙНАМИ ПРИРОДЫ

(Карако П.С. Эстетика природы : монография. –
Минск : Экоперспектива, 2012. – 246 с.)

В 2012 г. в издательстве “Экоперспектива” вышла монография доктора философских наук профессора Петра Семеновича Карако “Эстетика природы”. Появление данной работы в значительной степени отражает тот нарастающий интерес к эстетической проблематике, который проявляется в последнее десятилетие среди представителей как социально-гуманитарных, так и естественнонаучных дисциплин. Автор книги четко фиксирует специфику проявляющейся тенденции, объясняет ее отличие от ранее реализованных исследований в области эстетики.

Чтобы ввести читателя в контекст развития интереса к эстетике природы, Петр Семенович сопоставляет в исторической ретроспективе когда, кем и в какой форме были сформулированы значимые для эстетики природы понятия и идеи. Начиная с философских и научных работ эпохи Возрождения и Нового времени, проникая в глубь философской и художественной литературы Германии XVIII–XIX вв., представлений о красоте природы в восточнославянской культуре, автор подготавливает читателя к осмыслению той же проблемы в естествознании. В XX в. по пути, намеченному еще И. Гете в работах “Метамарфоза растений” (1798) и “Метамарфоза животных” (1820), продолжали идти такие выдающиеся ученые как В. Гейзенберг, П. Дирак, В.И. Вернадский, уделяя особое внимание красоте в природе и точных науках.

В последней главе книги освещается перспектива эволюции экологической эстетики при переосмыслении ее значимых социальных функций. Их игнорирование на фоне теоретических штудий самого понятия экологической эстетики во многом обусловлено недостатком прикладных исследований в сфере экологической эстетики. Эта достаточно новая и несколько экзотичная в академическом контексте сфера научного познания развивается на границе пересечения компетенций естественнонаучных и социально-гуманитарных дисциплин – экологии, географии, биологии, физики, философии природы, эстетики и др. Вопрос о развитии экологической эстетики ставился уже на XVIII Международном эстетическом конгрессе в Пекине в 2010 г., па что Петр Семенович обращает особое внимание, подчеркивая актуальность развития новой дисциплины в Республике Беларусь.

В монографии раскрывается перспектива развития различных моделей эколого-эстетического образования и воспитания [с. 223-225]. Особое место при этом отводится экологической эстетике, которая рассмат-

ривается в качестве особой формы сознания, а также отдельной учебной и научной дисциплины. Автором дается и ее определение: “Она есть *совокупность развивающихся идей и представлений о красоте живого всех уровней его организации, создающейся благодаря гармоничному сочетанию элементов внутри живых систем в определенных условиях среды их обитания и ориентирующих человека на их сохранение и повышение разнообразия*” [с. 224-225]. При наличии у человека таких “идей и представлений” он сможет строить разумные, эстетически выверенные формы отношений с природой.

В рецензируемой работе значительное внимание уделяется раскрытию роли художественной литературы в эстетическом воспитании учащихся и студентов. Привить и развить вкус к художественной литературе в учебном процессе – одна из ключевых задач. Ее невозможно игнорировать в современной системе образования в эпоху резкого увеличения количества средств воспроизводства медиапродукции. В результате, “при восприятии человеком художественных произведений у него будет формироваться и желание сохранить отражаемый предмет природы и даже усилить его красоту” [с. 228]. Подобным образом возможно содействовать преодолению сугубо утилитарно-прагматичного отношения обучающегося к самому предмету изучения, пробуждая в нем органичное чувство заинтересованности в раскрытии красоты мира органической и неорганической природы. Тем самым преподаватель содействует развитию диалога человека не только с живым миром, но и с его неодушевленными предметами.

Развитие подобного диалога возможно и в отношении ландшафта как интегрального пространственно-временного измерения природы окружающего нас мира. Необходимо также научиться распознавать и сохранять его в аутентичной естественной первозданности. Подчеркивая значимую функцию ландшафтоведения в современном обществе, в книге выделен отдельный параграф, освещающий вектор эволюции данного направления географии, начиная с работ А. Гумбольдта [с. 176]. Благодаря идеям его книги “Картины природы” и многотомного труда “Космос” художественное восприятие мира посредством ландшафтной живописи превращается в органичную составляющую такой точной науки как география.

Последовательно рассматривая особенности преломления вектора осмысления красоты природы в различных исторических эпохах, культурах, философских и литературных направлениях, научных школах, автор демонстрирует многообразие языковых форм, в которых может воплощаться повествование о красоте природы. Параллельно ставится вопрос о нахождении адекватных языковых форм ее артикуляции в современных учебно-образовательных заведениях. Задача – не из простых, учитывая тот факт, что основным материалом для занятий по эстетике природы оказывается преимущественно художественная и философская литература. Перед преподавателем стоит задача реинтерпретации этого

материала в сегодняшней социокультурной ситуации (в качестве примера самого материала в приложении собраны фрагменты работ выдающихся представителей отечественной и мировой культуры). При анализе текстов необходимо найти такие языковые средства оформления мысли и трансляции чувства прекрасного, которые могли бы быть органично восприняты современным поколением.

Автор воспроизводит на протяжении всей книги проблему “восприимчивости” к красоте природы. Она была некогда осмыслена в художественной форме Ф. Шиллером в статье “О возвышенном”: «...в самой природе “уже заложено, чтобы мы сначала шли навстречу красоте, в то время как мы еще бежим от возвышенного; ибо красота является хранительницей нашего детства и должна вести нас от грубости естественного состояния к более тонкой организации”» [с. 43].

Сопоставляя различные способы определения ощущения красоты, пробуждающегося в человеке благодаря природе, П.С. Карако тем самым демонстрирует различные культурные алгоритмы рациональной артикуляции его сущности. Например, для Леонардо да Винчи “природная красота мира” – это “изумляющая” и “чудесная необходимость” [с. 17], а в качестве ее первопричины рассматривается Бог. Исходя из подобного определения, “самой «благородной» наукой” [с. 118] для Леонардо оказывается живопись. Сопоставим определения красоты в немецкой культуре. Для И. Канта красота – “это лишь эстетическое суждение...” [с. 31], тогда как для И. Гёте она – есть “манифестация сокровенных законов природы...” [с. 33]. В противоположность последнему формируется гегелевское определение прекрасного в природе как “рефлекса красоты, принадлежащего духу” [с. 47].

Иногда в философских определениях красоты природы выявляются глубинные противоречия. Они питают эмоциональное восприятие окружающего мира, порождают раскол в рационально сконструированном образе целостной структуры бытия, в особенности в контексте восточнославянской культуры. В этой ситуации требуется преподаватель особой тонкой душевной организации, способный попытаться объяснить смысл “отвратительного содрогания” жизненной энергии, пробуждающего ощущение прекрасного. Предупреждая вопрос читателя, Петр Семенович начинает с диалога с В.В. Розановым, для которого “прекрасное в живой природе есть отблеск радости об этой носимой в ней жизни, как отвратительное в ней содрогание от приближающейся смерти” [с. 4]. Провоцируя нас к критике, автор отмечает религиозный контекст оформления мысли, из-за чего она может быть многими отвержена. Тем самым подчеркивается сложность и деликатность работы по отбору текстов, которые могут стать основанием изучения и развития экологической эстетики в учебных заведениях. Мы не можем увлекаться глубиной лишь абстрактной философско-религиозной мысли, так как существует еще и первоочередная социальная функция новой дисциплины – развить чувствительность подрастающего поколения к естественной красоте окру-

жающего мира и желание сохранить ее в аутентичной первозданности, или хотя бы попытаться ценить то, что мы не в силах сохранить.

Подобного рода ностальгия по ускользающей красоте окружающего мира, драматургическое ощущение быстротечности времени и ответственности за каждый свой шаг в нем – эти задачи освещают новый поворот в современной системе образования, намечающийся переход от назидательной этики к вдохновляющей эстетике. Когда вся система воспроизведения страхов в отношении экологических катастроф перестает воздействовать и мотивировать к сдерживанию безграничного человеческого своеволия, появляется насущная потребность научиться воспламенять сердца и души, воспроизводя в них желание распознавать красоту, любить и главное, – хранить то, что они способны любить на протяжении всей своей жизни. Подобным образом монография П.С. Карако раскрывает новый путь развития экологического образования от эстетических аффектов, идей и понятий к нравственно-моральной самоидентификации личности по отношению к своим эстетическим императивам.

Монография представит особый интерес для всех тех, кто интересуется экологической культурой, актуальными проблемами развития экологической и эстетической теории, их продуктивного взаимодействия в современном междисциплинарном пространстве социально-гуманитарных и естественных наук.

И.Я. МАЦЕВИЧ,
кандидат философских наук,
преподаватель кафедры философии культуры
факультета философии и социальных наук БГУ

ЗВЕСТКІ ПРА АЎТАРАЎ

- ГАНЧАРОЎ**
Мікалай Мікалаевіч – аспірант кафедры славянскай гісторыі і метадалогіі гістарычнай навукі БДПУ імя М. Танка
- ЕЛІЗАРАЎ**
Сяргей Аляксандравіч – докар гістарычных навук, дацэнт, загадчык кафедры паліталогіі і гісторыі ГДТУ імя П. В. Сухого
- ГАРМАТНЫ**
Віталь Пятровіч – магістр гістарычных навук, выкладчык кафедры сацыяльна-гуманітарных дысцыплін Баранавіцкага дзяржаўнага ўніверсітэта
- МЯЗГА**
Мікалай Мікалаевіч – кандыдат гістарычных навук, дацэнт, дэкан гістарычнага факультэта ГДУ імя Ф. Скарыны
- ТАРАНОВІЧ**
Крысціна Юр’еўна – аспірант кафедры славянскай гісторыі і метадалогіі гістарычнай навукі БДПУ імя М. Танка
- ІВАНОЎ**
Арцём Аляксеевіч – магістр гістарычных навук, аспірант кафедры гісторыі і культуры Беларусі МДУ імя А. А. Куляшова
- РЫЕР**
Яніна Аляксандраўна – магістр гістарычных навук, аспірант кафедры гісторыі і культуры Беларусі МДУ імя А. А. Куляшова
- КАВАЛЁВА**
Ларыса Аркадзьеўна – старшы выкладчык кафедры гісторыі і культуры Беларусі МДУ імя А. А. Куляшова
- ЭЛБАКЯН**
Кацярына Сргееўна – доктар філасофскіх навук, прафесар кафедры сацыялогіі і кіравання сацыяльнымі працэсамі Акадэміі працы і сацыяльных адносін (Масква, Расія)
- ЦЯПКОВА**
Ганна Іванаўна – аспірант Цэнтра даследаванняў беларускай культуры, мовы і літаратуры НАНБ
- ТРЫГУК**
Марына Алегаўна – аспірант кафедры культуры маўлення і міжкультурнай камунікацыі БДПУ імя М. Танка
- КЯЗІМАВА**
Фарыда – старшы выкладчык кафедры сучаснай рускай мовы Бакінскага славянскага ўніверсітэта
- МАЦЭВІЧ**
Ірына Янушаўна – кандыдат філасофскіх навук, старшы выкладчык кафедры філасофіі культуры БДУ

SUMMARIES

Elbakian E.S. POTENTIALITIES AND CONDITIONS OF INTERRELIGIOUS DIALOGUE.

The article deals with the main aspects, challenges and opportunities of the interreligious dialogue. It proves the idea that such a dialogue can actually be carried out only in a secular environment.

Goncharov N.N. RUSSIAN ORTHODOX CONFESSIONAL-ETHNIC PRECONDITIONS OF MONARCHIC MOVEMENT IN THE NORTHWESTERN REGION OF THE RUSSIAN EMPIRE (1865–1906).

In the publication modern conceptual vision of the monarchic movement in the Northwestern Krai of the Russian Empire is presented. According to the major spheres of public life the monarchic movement differentiated into the Russian Orthodox, political and social monarchism. The second half of the XIX century and the beginning of the XX century are characterized by the permanent monarchic radicalization and integration of the right-wing radicals into the social system of the Northwestern Krai which functioned as an element of the Russian Empire's public supersystem.

Harmatny V.P. AGRARIAN QUESTION IN THE PROGRAMME OF POLISH POLITICAL PARTY PEOPLES-NATION UNION (1919–1928).

The article views the agrarian question in the programme of the Peoples-Nation Union (Związek Ludowo-Narodowy), one of the most influential political forces of the Polish-Lithuanian Commonwealth (II Rzeczypospolita). The party safeguarded the interests of landlords and opposed the implementation of the agrarian reform in the country.

Ivanov A.A. "NEW BOOKS": REVIEW OF PUBLISHING IN THE NEWSPAPER "VILENSKY VESNIK" ("JOURNAL OF VILNA").

The archival sources have been analysed to reveal publishing tendencies in the newspaper "Vilensky Vesnik" (rubric "New Books"). The article highlights the subject matter and the list of the books published in the middle of the XIX century in Vilnius and other cities, the editors' and the officials' attitude towards the publishing of new books. The author makes an attempt to find out why these publications aroused the interest of the authors' of "Vilensky Vesnik" as well as their potential readers' interest. The conclusion proves that the column "New Books" in the newspaper helps to understand the nature of the educated strata of the society through their interest in the books published.

Kiazimova F. ACCENT VARIATION IN THE RUSSIAN LANGUAGE.

The article considers Russian word stress and its traditional parameters: place in a word form, stress shifts in the course of word derivation and word

formation. The concept of norm is narrow and concrete. Accent variations display an objective result of the linguistic evolution.

Kovaleva L.A. CONTROL OF THE AUTHORIZED REPRESENTATIVE OF THE USSR PEOPLE'S COMMISSARIAT FOR FOREIGN AFFAIRS IN THE BSSR OVER THE BSSR FOREIGN POLICY.

The article considers the process of establishing government bodies that carried out a foreign policy at the union and republic levels, and highlights interrelations between the BSSR representative office in Moscow with diplomatic missions of other states. The author focuses on the functions performed by the authorized representative of the USSR People's Commissariat for Foreign Affairs in the BSSR N.P. Itwi, and provides the records from The Decree of The USSR Council of People's Commissars "On Authorized Representatives of the People's Commissariat for Foreign Affairs in the Soviet Republics and Agents of the People's Commissariat for Foreign Affairs".

Matsevich I.Y. AESTHETIC CHARM OF NATURE MYSTERIES.

Review of the monograph "Nature Aesthetics" by P.S. Karako. – Minsk : Ekoperspektiva, 2012. – 246 p.

Mezga N.N. SOVIET INTERWAR HISTORIOGRAPHY OF THE SOVIET-POLISH RELATIONS IN THE MIDDLE AND LATE 1930s.

The article reveals the problems of the Soviet-Polish relations in the middle and late 1930s, as reflected in the Soviet historiography of the interwar time. It proves that a high degree of political relevance of the studied issues determined the dependence of the historians' concepts and findings on the official position of the state and actually concentrated efforts on its justification. That tendency made it extremely difficult to obtain objective scientific results.

Riyer Y.A. NEW APPROACHES TO STATE FORMATION THEORY IN FOREIGN HISTORIOGRAPHY.

The article deals with the theories of state formation by outstanding foreign and Russian scientists researching political anthropology. It concerns the ways and stages of state formation, the problem of chiefdoms as the initial stage in state formation, the phenomenon of early states. The author concludes that the theories under discussion enable a scholar to design an alternative approach to state formation on the East Slavic lands.

Taranovich K.Y. LAND MANAGEMENT COMMISSIONS ASSISTANCE TO THE PEASANTRY OF MOGILEV PROVINCE (1906–1914).

The provision of economic help to the peasants by the land management commissions during the Stolypin's reform is researched in the article. Regarding

the Mogilev province the main directions of the economic assistance: financial and technical support of the peasantry, the organization of model farms, the operation of rental stations, upgrading agricultural courses are demonstrated.

Tryhuk M.O. METAPHOR AS REPRESENTATION OF THE TEXT CATEGORY ‘AUTHOR’S IMAGE’ IN THE STORY “CIRCLE” BY T. TOLSTAYA.

In the present article ‘image of the author’ as a text category is being analysed in the frame of modern fiction. As an embodiment of the author’s biographic intentions this category possesses ample opportunities in the creation of text communicative potential. Having a wide plane of content, this category also demonstrates a wide plane of expression displayed stylistically. The mechanism of the author’s speech behaviour in the texts by T. Tolstaya is characterized by a large number of metaphors. In this regard the aim of the research is to analyse metaphors functioning as a representation of the text category ‘image of the author’ in the story “Circle” by T. Tolstaya.

Tyapkova A.I. BELARUSIAN SMALL TOWNS IN FOREIGN TRAVELLERS’ NOTES OF THE XVI–XIX CENTURIES.

The article deals with a significant source in the studies of the Belarusian small towns – “travel notes” of foreign diplomats, scientists and writers passing through the Belarusian lands during different periods of time. The author provides data on architecture, social, economic and cultural development of small towns. The contrastive characteristics of the small towns in their historical development as well as the impressions of different travellers are demonstrated. If the data from the travel notes of the XVI–XVII centuries are characterized by brevity, sketchiness and superficiality of descriptions, the diaries of travellers in the XVIII–XIX centuries are more developed and detailed. Today a lot of phenomena described in the travel notes don’t exist or unrecognizably changed in the XIX–XX centuries, and that’s why these descriptions hold our interest.

Yelizarov S.A. MATERIAL AND FINANCIAL BASIS OF LOCAL AUTHORITIES IN THE BSSR (1930–1941).

The article presents an attempt to analyse the distribution of state-level material and financial resources between central and local government bodies in the BSSR in the 1930s, its role in building a strong vertical of power, the influence of the order, size and structure of the material and financial basis on the local authorities’ ability to perform the standard set of rights and responsibilities, address issues of socio-economic and cultural development of their regions, meet the requests and needs of the population.